

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№7-8 (93-94), 2021

Управление историей

Жизнь и смерть капитализма

Содержание:

- 3** Александр ПРОХАНОВ.
Жрецы истории
- 6** Андрей ФУРСОВ.
Капитализм, антикапитализм и судьбы мира: жизнь и смерть самой загадочной системы в истории человечества и её антипода
(авторский доклад)
- 66** Максим МЕДОВАРОВ.
Деконструировать деконструкторов: введение в бои за историю
- 74** Сергей ПЕРЕСЛЕГИН.
История как предмет управления
- 82** Татьяна ФАДЕЕВА, Виталий АВЕРЬЯНОВ, Александр ЕЛИСЕЕВ, Алексей КОМОГОРЦЕВ.
Воля к Мифу и воля к Империи
(доклад Изборскому клубу)
- 98** Роман БАГДАСАРОВ.
Чингис и два Александра. В борьбе за образ идеального правителя Евразии
- 106** Алексей КОМОГОРЦЕВ.
Эсхатологические сценарии как средство управления историей
(авторский экспертный доклад Изборскому клубу)
- 118** Александр АРТАМОНОВ.
Opus Dei – очередная «лавочка» Ватикана
- 124** Максим КАЛАШНИКОВ.
Окно в будущее
(продолжение, начало в № 5–6)
- 138** Шамиль СУЛТАНОВ.
«Я – суть, я не имею места...»
- 150** Библиотекарь
- 151** Михаил КИЛЬДЯШОВ.
Древо жизни
(стихи)

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** №7–8 (93–94), 2021 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Заместитель главного редактора – Андрей КОБЯКОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации – Роберт Стивен КОННЕТТ, Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI
По вопросам распространения: телефон +7(910) 421 92 07
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 13.09.2021

Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ АМА-ПРЕСС»

Тираж 700 экз. Заказ № 1244

/ Александр ПРОХАНОВ /

Жрецы истории

Существует понятие, введённое в обиход американскими политологами: «глубинное государство» — deep state. Владислав Сурков в своей знаменитой статье ввёл понятие «глубинный народ». Это значит, что существуют некие константы, некие ядра, что остаются неизблемыми при смене правительств, при смене исторических эпох. Эти константы существуют, невзирая на все исторические смещения, на все исторические потоки, которые, казалось бы, формируются усилиями великих лидеров, коллективной волей народов и всего человечества, что стремится к своей сокровенной мечте.

Возникает конспирологическое предположение, которое гласит, что в недрах человечества, в недрах отдельных народов существуют закрытые группы, управляющие историей. В природе действуют свои законы, они меняют природу: таяние ледников, потепление климата, падение метеоритов. Всё это преобразует ландшафт, растительность, животный мир, приводит к эволюции одних видов и исчезновению других. Эти природные воздействия влияют также на человеческое общество. Но в обществе действует и человеческий фактор. Создаётся впечатление, что чем дальше, тем в большей степени Господь поручает человеку делать то, что в прежние времена он делал сам с помощью гроз, землетрясений и огненных дождей, — он поручает человеку управлять историей.

Если это так, то у человечества есть свои управленцы, существует управленческий штаб. Он скрыт от глаз. Первая мировая война, страшная и кошмарная, которая, казалось бы, не имела внешних причин, а лишь незначительный повод — убийство эрцгерцога Фердинанда, эта Первая мировая война огромной метлой смела большинство существующих монархий: австро-венгерскую, российскую, германскую, турецкую. Она уничтожила великий, существовавший веками монархический проект, расчистила пространство для реализации новых проектов: это советский коммунистический проект,

германский фашистский проект, либеральный проект Запада, возглавляемый Америкой. Три эти проекта явились на смену монархическому и некоторое время существовали одновременно. Фашистский и советский проекты, нанеся друг другу смертельные раны, последовательно ушли с мировой арены. Они уступили место проекту либеральному, монополющему, который казался неизблемым и всеобъемлющим, о чём пропел Фукуяма. Но и либеральный, казалось бы, неколебимый, вечный проект оказался битым. Его разгромил исламский проект — исламская революция, китайский проект — Великий шёлковый путь, по которому движется Китай, увлекая за собой всё человечество.

Конспирологические искушения объясняют все эти процессы не просто броуновским движением исторических потоков, а существованием осмысленных управляемых векторов. За этими векторами стоят человеческие группы, невидимые кружки людей: сверхкомпетентных, сверхмогущественных, сверхосторожных, оснащённых исторической метафизикой.

В России действует загадочная закономерность, растянутая на столетия. В царской России была чудовищная эксплуатация народа, которая началась ещё во времена крепостничества. Царская Россия скопила гигантское богатство. Этим богатством являлись запасы царской казны, благосостояние среднего и высшего российского класса.

После революции это благосостояние было истреблено, золотой запас романовской России бесследно исчез, растворился в водоворотах Гражданской войны и осел в швейцарских и американских банках. Советы начали свой путь в нищету, обескровленной стране. И великие достижения сталинской цивилизации сделаны за счёт непосильных трудов народа. Эти усилия привели к тому, что нищая Россия стала громадной сверхдержавой, покрасив в свой красный цвет две трети земного мира. Накопленные советской страной богатства

были несметны. Это не просто золото, редкие металлы, алмазы, хранившиеся в Гохране. Это не только богатства, которые в качестве резервов хранили великие заводы и великие отрасли индустрии. Это было богатство знаний, которые получил народ. Он превратился из народа крестьянского в народ интеллектуальный.

Все достижения советских людей: денежные, материальные, духовные — были уничтожены в 1991 году, были изъяты у России вместе с «золотом партии», стали достоянием западной либеральной цивилизации, продлив её существование на земле. Советские интеллектуалы, учёные, инженеры работают теперь в ведущих лабораториях мира. От России оторвали не только её материальные богатства, но и территории, которые прирастали к России веками.

После краха 1991 года люди были опрокинуты в бездну, в нищету, профессора уезжали в Китай челноками и привозили в Россию плюшевых медведей. Народ упорно трудился и в некоторой своей части добился заметного благосостояния: обзавёлся частными домами,

машинами, банковскими вкладами. Это касается не только миллиардеров, но и обычных людей: рабочих, мелких бизнесменов. Сегодня банковские сбережения тают на глазах, и с каждым днём российские граждане беднеют. Все русские ресурсы: нефть, газ, алмазы — уходят за границу, но выручка от продажи этих ресурсов лишь в малой степени остаётся народу, а большей частью становится достоянием мировых монополий. В который раз русский народ обирают как липку.

Что это за сила? Кто продуцирует замысел, согласно которому раз в пятьдесят лет обирается до нитки русский народ? А также — чем является та загадочная сила, которая каждый раз после крушения российской империи создаёт новый её вариант, предлагая этой новой империи имперскую форму правления — авторитарную, и она может носить либо мягкий характер, либо характер беспощадной диктатуры?

Эти малые группы, закрытые сообщества перемещаются из системы в систему, из века в век. Этим управленцев историческими про-

цессами почти невозможно углядеть. Они существуют и в сегодняшней России, остаётся лишь гадать, где они пребывают. И каждая отгадка будет неверной. Может показаться, что они находятся в Государственной думе, в Совете Федерации, в Совете безопасности или даже в малахитовом кремлёвском кабинете президента. Но это не так.

Они могут в исключительно малом количестве собираться не во дворцах, не на ассамблеях, а, быть может, на какой-нибудь малозаметной яхте, которая плывёт в Эгейском море, и там, среди ныряющих дельфинов, происходит управление историей. Эти группы невидимы, потому что скрыты от неопытного глаза несколькими защитными оболочками.

Оболочка поп-культуры, затмевающая сознание и пытливый ум людей бесчисленными концертами, ледовыми праздниками, вечерами смеха, скандалами светской хроники, бессмысленными сериалами. Эта ширма останавливает пытливый ум, держит его в постоянном галлюциногенном бреде. Тому, кто пробился сквозь эту многоцветную, пьянящую, бессмысленную мембрану, окунувшись в толковище политических ток-шоу, предстоит следующее испытание. Блистательные шоумены своей тотальной пропагандой не дают народу понять истинные, глубинные мотивы политики. Ток-шоу блокируют реальное политическое мышление, останавливают его на пороге огромных тайн, навязывают пытливому сознанию блестяще сформулированные трафареты.

Если отдельным людям удаётся проникнуть и сквозь эту мембрану, они входят в сферу реальной политики, оказываются среди думских депутатов, сенаторов, губернаторов, генералов Генштаба, могущественных олигархов, им может показаться, что они проникли в святая святых, общаются с небожителями. Но скоро удачливых и смелых открывателей настигает разочарование. Они понимают, что вся элита, включая самого президента, — ещё одна мембрана, за которой кроется нечто уму непостижимое, запечатанное семью печатями, неподъёмное для пытливого разума. Явление такое же загадочное, как в астрономии явление «чёрного светила». Небесное тело обладает такой чудовищной массой, перед которой меркнут тысячи солнц.

Быть может, клубы жрецов, состоящие из управленцев истории, являются собранием магов, владеющих не только политическими, экономическими, военными и культурными средствами, но и средствами магических тех-

Кто продуцирует замысел, согласно которому раз в пятьдесят лет обирается до нитки русский народ? А также — чем является та загадочная сила, которая каждый раз после крушения российской империи создаёт новый её вариант, предлагая этой новой империи имперскую форму правления — авторитарную, и она может носить либо мягкий характер, либо характер беспощадной диктатуры?

нологий? Среди этих магических технологий важное место занимает сакральная жертва. Этой сакральной жертвой может быть отдельный политик, например Сталин, которого отравили, или президент Кеннеди, которого застрелили из снайперской винтовки и тем самым изменили ход истории.

Этими жертвами могут быть отдельно взятые народы — например, азербайджанцы и армяне, которые схватились в кровавом карабахском конфликте. Сюда же можно отнести и восставший Донбасс, который остановлен в своей ново-русской мечте, превращён в надрезанную вену, и из неё постоянно хлещет кровь. Ритуальной жертвой может быть всё человечество, в которое внедряется злокозненный вирус, действующий на всех континентах, во всех странах, собирающий свою зловещую жатву.

Может ли богооткровенный исследователь углядеть эту сакральную жертву в отравлении Навального? В загадочном мятеже в Белоруссии, в разгроме секты Виссариона, в религиозном бунте расстриги иеромонаха Сергия, в самоожжении журналистки из Нижнего Новгорода? Поддаётся ли объяснению, каким образом хождения народа в Хабаровске, протесты вокруг мусорных полигонов, жуткое отравление природы в Арктике и на берегу Камчатки — все эти факторы каждый по-своему влияют на ситуацию в России, направлены на президента Путина, ослабляя его роль и влияние?

Что может отдельно взятый мыслитель? Только одно — продолжить свои исследования, превращая результаты этого исследования либо в поэтические метафоры, либо в тайнопись, подобную той, которую использовал Александр Сергеевич Пушкин в своих рабочих тетрадях, где разгадывал тайны человеческой души, тайны человеческой истории, тайны всего мироздания. Значит ли это, что нам всем предстоит жить с широко закрытыми глазами?

/ Андрей ФУРСОВ /

Капитализм, антикапитализм и судьбы мира: жизнь и смерть самой загадочной системы в истории человечества и её антипода

Авторский доклад

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны
Будто листья в ноябре...
Сколько их! Куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму замуж выдают?

Александр Пушкин

Всё смешалось в общем танце,
И летят во все концы
Гамадрилы и британцы,
Ведьмы, блохи, мертвецы.

Николай Заболоцкий

Я смотрю в темноту, я вижу огни,
Это значит, где-то здесь скрывается зверь.
Он, я знаю, не спит, слишком сильная боль,
Всё кипит, всё горит, пылает огонь.
Я даже знаю, как болит у зверя в груди,
Он идёт, он хрипит, мне знаком этот крик.
Я кружу в темноте, там, где слышится смех,
Это значит, что теперь зверю конец.

Вячеслав Бутусов

Нам нравится эта работа –
называть вещи своими именами.

Карл Маркс

ОТ АВТОРА

Почти два года назад в Университете Белькент (Анкара, Турция) я прочёл лекцию *Capitalism: The Terminal Crisis of the Most Enigmatic System* («Капитализм — терминальный кризис самой загадочной системы»), исходно написанную на английском языке. Несколько месяцев назад в Сети появился видеоролик, где диктор читает этот текст. По сути — это документальный фильм с видеорядом, подобранным под содержание лекции. С тех пор я получил немало писем с просьбой сделать

русский перевод и опубликовать его. Однако недаром Марио Пьюзо заметил: *Rewriting is a whole secret to writing*, в вольном переводе: *переделывание текста — это написание нового текста*. Так оно и вышло: появился новый большой текст. Он посвящён жизни и смерти капитализма, огромной роли в них системного антикапитализма — СССР, социалистического лагеря, и развёртывающейся на наших глазах терминальной фазе кризиса капитализма, в ходе которой её хозяева пытаются

ускорить катастрофу, чтобы перезагрузить Историю нужным им образом и стать властелинами не просто нового мира, но ни много ни мало — эволюции человечества. Текст 2019 года обновился и увеличился, поскольку за два года мир изменился кардинально; агония капитализма приобрела коронабесную форму, на очереди — климатобесная, а то мерзкое, что вылезает из него как Чужой в известном фильме, всё больше напоминает биоэкотехнофашизм.

Ниже излагаются довольно простые вещи. Проблема, однако, в том, что иногда простые вещи кажутся сложными. Причин как минимум две. Во-первых, люди в массе своей стараются жить в комфорте — не только материальном, но и интеллектуальном. Комфортно жить в привычной картине мира — в мире знакомых понятий, образов и схем. Даже если картина не вполне соответствует реальности, нарушение привычного антуража чаще всего вызывает дискомфорт, а порой и боязнь любых «сложных картин», хотя на деле «сложностью» нередко тут оказывается то, что является куда более простым, чем все прежние устоявшиеся картины.

Во-вторых, мы живём в ситуации «двойного разрыва». Общественно-научная наука всегда отстаёт от общественного развития, а в периоды быстрых изменений, как ныне, этот разрыв увеличивается до 15–25 лет. В свою очередь, образование отстаёт от науки примерно на такой же срок. Поэтому зачастую вместо реальности мы видим перед собой картину мира 30–40-летней давности, особенно это касается исторической науки. Причём ситуация эта не только наша, но и общемировая. Дело дошло до того, что на постЗападе спецслужбы взяли дело подготовки историков для своих нужд в собственные руки, не надеясь на профессорско-профанную науку с её мелко- и узкотемьем и кабинетной оторванностью от реальности. Так, МИ-6 и ЦРУ вместе с историческими факультетами трёх ведущих британских университетов начали готовить историков по специальностям «историк-системщик» и «историк-расследователь», а «Пять глаз» вообще создали свой исследовательский центр.

Говоря сегодня о капитализме, который находится в терминальном кризисе, надо иметь в виду, что глобальные элиты во многом перестали скрывать свои планы, их служба пишет об этом открыто. Если во времена СССР идеологи буржуазии стыдливо прикрывались демократией, правами

человека и т.п., то сейчас им стесняться некого, ибо, по их ощущению, никто больше не накажет «буржуина»: нет страны, откуда прискачут красные армии с мальчишами-кибальчишами, — плохиши торжествуют. Однако, похоже, радоваться им недолго — мировой кризис беспрецедентных масштабов накроет и их. В связи с этим взгляд с высоты, как сказал бы Айзек Азимов, на нынешнюю ситуацию представляется весьма уместным.

II

Термин «кризис» в наши дни стал общепринятым: говорят о кризисах экономики, мировой политики, образования, идеологии, о тотальном кризисе, кризисе мировой системы. Дело, однако, в том, что мировых систем «вообще» не бывает. Они наличествуют только в определённом качестве. Такие термины, как «кризис человечества», «фазовый переход» и т.п., бессмысленны и непригодны в своей нейтральной бессодержательности и чаще всего призваны закамуфлировать тот факт, что речь идёт о кризисе капиталистической системы и её обанкротившихся хозяевах. Впрочем, сегодня накал и масштаб кризиса таков, что об исчерпанности капитализма уже заговорили высокопоставленные клерки идейно-интеллектуальной и политической obsługi глобократии — ушлые Ж. Аттали, К. Шваб и даже А. Меркель.

А что мы знаем о капитализме? На первый взгляд — всё, капитализм кажется самой простой системой для анализа, все её характеристики можно выразить, казалось бы, количественно: валовой национальный продукт, валовой внутренний продукт, доход на душу населения. Всё открыто, никакой тайны! В отличие от кажущихся загадочными обществ Древнего Египта, Древнего Китая, Древней Индии, майя, догонов и др. На самом деле именно капитализм — самая загадочная система в истории человечества, поистине уникальная. **Капитализм обладает как минимум семёркой черт, которые резко отличают его от всех других социальных систем.**

Возможно, кому-то это перечисление покажется скучным, но без него мы вряд ли поймём, чем является капитализм, что происходит сейчас в мире и чего ждать. Итак.

Во-первых, капитализм — единственная система мирового масштаба, его производственные и рыночные отношения охватывают планету в целом. Все докапиталистические системы были локальными, хотя этот локус мог охватывать огромное пространство.

Во-вторых, капитализм — единственная социальная система, которая существует в трёх технических формах: доиндустриальной, индустриальной и гипериндустриальной. Не технология (элемент) определяет капитализм (целое), а капитализм как система диктует логику развития технологии и техники.

В-третьих, капитализм — единственная система, которая создаёт формы, качественно отличающиеся от неё. Речь идёт о таких докапиталистических формах, которые создаются самим капитализмом и в его интересах там, где до него их не существовало. Это плантационное рабство на юге североамериканских колоний и островов Карибского бассейна, квазифеодальные латифундии в Южной Америке и др. Капитализм создаёт их в соответствии с логикой своего развития, поэтому его мировая система — не гомогенно капиталистическая, а многоукладная.

В-четвёртых, капитализм — единственная система, которая может существовать как в «положительной» (капитализм), так и в «отрицательной» (системный антикапитализм — СССР, соцлагерь) формах.

В-пятых, капитализм — единственная социальная система, создавшая уникальные формы по сравнению как с прошлым, так и, по всей видимости, с будущим. Именно капитализм создал такие феномены, как частная собственность, государство, нация, наука, идеология. Предвижу удивление и недоумение: как? а разве Древний Египет не государство? Разве у вавилонских жрецов не было науки? А что, индийцы — не нация? В Древнем Риме

не было частной собственности? Мой ответ на все эти вопросы — категорическое «нет». Внешнее сходство ни о чём не говорит: акула, ихтиозавр и косатка внешне похожи — хищники, живут в одной и той же среде — водной, однако все они относятся к разным классам живых существ.

Что касается частной собственности, то она предполагает наличие частного лица в качестве субъекта. Реально частная собственность «расцветает» только на «труп» феодализма, при появлении действительно частных лиц. Пьесы Шекспира об Англии XV–XVI веков — как раз о таких трагических судьбах частных лиц, рвущих коллективную пуповину и торящих свой путь (часто несправедный).

Если государство (*lo stato, l'état, der Staat, the state*) определять как форму социального насилия, отделённую от производственных отношений и легально ограниченную определённой территорией, то нечто подобное существовало (и могло существовать) только в буржуазном обществе. При феодализме внеэкономические

отношения, социальное насилие были исходно встроены в производственные отношения, были их сутью. В этом случае, естественно, в государстве в строгом смысле слова нужды не было, так как феодальное «государство» выполняло функцию иную — организацию иерархии господ. Поэтому Маркс называл такой порядок власти «религиозным государством» — в отличие от «государства политического», капиталистического. Впрочем, оба эти термина несовершенны, они приблизительны, вместо них лучше «смотрятся» термины «патримония» и «государство».

Термин «нация» часто ошибочно смешивают с терминами «этнос» и «народ». На самом деле нация есть социальная форма организации этноса, «базовым кирпичиком» которой является индивид. Нация не может состоять из общин, сословий, полисов, каст, кланов, племён, которые по определению будут замыкать фокус лояльности только на себе. Неслучайно нации формируются в Европе в конце XVIII — начале XIX века, когда другие

формы коллективной идентичности — общинные, цеховые — уходят в прошлое. Кстати, если взглянуть на дореволюционную Россию, то, во-первых, подавляющая масса населения (крестьяне) жили в общинах с их локальным фокусом лояльности (в качестве нации формировались дворяне и интеллигенция, что усиливало деформацию социума и ожесточало сословные отношения); во-вторых, человека определяли не по национальности, а по вероисповеданию.

В СССР педалировали развитие исторической общности, именуемой советским народом. С позиций сегодняшнего дня очевидно, что «сработала» эта общность преимущественно для русских, белорусов и малороссов — иными словами, просто-напросто для русских в широком смысле слова, так как всё это один народ. В отличие от этого в других республиках СССР советская национальная политика реально вела к развитию местных национализмов, которые «выстрелили» в конце 1980-х и позже. Нужно помнить, что если в РСФСР перестройка постепенно набирала темп под лозунгами и знаменем антисоветизма, то на просторах СССР, даже на Украине, славянской республике, она шла ещё и под знаменем антирусскости, русофобии: «Русские, убирайтесь вон». Отделение от Союза, от Москвы подавалось как таковое не только от центра Советского Союза, но и от центра русских: антисоветизм и русофобия в республиках слились воедино, и это стало — вопреки задумке — результатом национальной политики КПСС. Исторически она стартовала как русофобия большевиков в 1920-е годы, а после сталинского поворота середины 1930-х годов как бы растворилась в республиках и затаилась, чтобы вырваться наружу в 1980-е и развиваться по восходящей практически на всём постсоветском пространстве. Что же касается нынешних русских, то процесс превращения их из народа в нацию (безо всяких «земских соборов») продолжается. Препятствий на этом пути много: и «российский» курс власти, и тот факт, что эпоха национальных

государств почти прошла, и многое другое, но это отдельная тема.

Наука — это триединство эмпирических знаний, теории и, что самое важное, социальной институциональности. Рациональные эмпирические знания на Востоке и в античном мире были встроены в такие институциональные структуры, которые наукой считаться никак не могут. Наука как институт возникает в Западной Европе в ходе научной революции XVII века, связанной с потребностями развития капитализма как системы.

Иными словами, капитализм для своего функционирования требовал избыточности — качественно новых социальных форм, знаний и «вещей», которые не просто не существовали в докапиталистическом мире, но были не нужны и вредны ему.

В-шестых, капитализм как система требует появления, помимо государства, закрытых надгосударственных, наднациональных структур и порождает, создаёт их. Без них нормальное функционирование капитализма как системы крайне затруднительно, если вообще возможно, поскольку они снимают, разрешают одно из важнейших противоречий капсистемы. Суть в следующем. Экономически капитализм — мировая система без границ, единое целое, тогда как политически — это совокупность, сумма отдельных государств, разделённых границами. В результате мы имеем тройное противоречие: между экономикой и политикой, капиталом и государством, целостностью и суммарностью.

Капитал, особенно крупный, должен решить это противоречие, выйти за его рамки: реализация его интересов, как правило, требует постоянного нарушения границ (а часто — законов) своей страны и других стран. Отсюда необходимость в наличии особой, «корректирующей» эту ситуацию организации (или организаций) — надгосударственной, закрытой и желательной имеющей свой идейный комплекс, причём нередко он оккультируется. Внешне эти структуры выглядят как заговор («конспирор»), однако по сути это чистая

политэкономия капитализма, реализация его законов на мировом уровне. Верхушка господствующего класса капсистемы исходно формировалась как наднациональная — североатлантическая, и конспироструктуры были в такой же степени её порождением, как и фактором, порождающим её (ср. аналогичное отмеченное Марксом диалектическое соотношение рынка и капитализма). Таким образом, **капитализм — это не пара «капитал — государство», а треугольник «капитал — государство — наднациональные структуры мирового согласования и управления»**. Именно последние обеспечивают и реализуют целостные и долгосрочные интересы капиталистической системы.

Каждый этап развития капсистемы порождал принципиально новые закрытые конспироструктуры. При этом старые начинали играть вспомогательную роль как для новых, так и для самого государства. Сначала это были масонские структуры, в последней трети XIX в. сформировались общества типа Geheimes Deutschland в Германии и Родса — Милнера в Великобритании. В послевоенный период появились Бильдербергский клуб и намного более серьёзные Siecle («Век») и сыгравший большую роль в разрушении СССР Cercle («Круг»), затем были созданы

формально открытые организации с «двойным дном» — Трёхсторонняя комиссия, Римский клуб.

В-седьмых, и это, пожалуй, самое важное отличие капитализма от докапсистем, он — единственная система, развитие которой в значительной степени приобретает проектно-конструкторский характер, **ход истории приобретает в значительной степени направляемый, а порой управляемый характер**. Подчеркну: «направлять» не значит автоматически «управлять», результаты оказываются зачастую далёкими от планов проектировщиков и действий «конструкторов». Недаром Г. Киссинджер как-то заметил: «...история — это рассказ о провалившихся планах, несбывшихся чаяниях и надеждах, которые либо не оправдались, либо обернулись чем-то совершенно иным». Действительно, например, те, кто в России и за рубежом планировали февральский переворот 1917 г., не думали, что вызывают Октябрь; те, кто полагал, что Гитлер раздавит СССР и из Лондона науськивали его на восточного соседа, не ожидали, что в результате всего этого их империя развалится, а СССР выйдет из войны победителем и сверхдержавой. Это и есть то, что Гегель называл «коварством истории». И тем не менее Киссинджер неслучайно употребил слово «план» — в частности, вся его деятельность в государственных и закрытых наднациональных структурах как раз и была планированием, проектированием истории, и, надо признать, на нашу беду, многое получилось.

Сказанное выше не означает, что до капитализма не было групп, которые пытались влиять на ход исторического развития. Например, тамплиеры тщетно пытались создать нечто вроде Евросоюза — идея была преждевременна, не было средств, которые появились только при капитализме. **Проектно-конструкторская деятельность требует нескольких условий**. Это:

- 1) организация, которая может ставить, планировать, готовить, реализовывать на практике

- (конструировать, осуществлять исторический социо- или геоинжиниринг), т.е. решать долгосрочные («игра вдолгую») широкомасштабные задачи (перевороты, войны, революции и т.д.);
- 2) адекватный объект («вещество») манипуляции посредством геоисторического инжиниринга;
 - 3) финансовая база («энергия»), обеспечивающая контроль над людьми — власть и собственность;
 - 4) контроль над духовной сферой (информполюсы, верования, ценности и т.п.), особенно на верхнем и среднем уровнях общественной пирамиды;
 - 5) эксклюзивная структура рационального знания, принадлежащая только верхам; с её помощью, с одной стороны, анализируются регулярности и законы истории, социального поведения (особенно масс — «толпы»), с другой — направляются в ложное или второстепенное русло исследования так называемой независимой, или объективной, науки (результат — оформление профессорско-профанной науки для низов и середины как ширмы изучения реальных процессов, реальной картины мира).

Закрытые наднациональные структуры мирового согласования и управления (они же — конспироструктуры) как раз и являются тем типом структур, которые отвечают перечисленным выше характеристикам. В конце 1870-х годов Маркс заметил, что если бы он заново писал «Капитал», то аналитически начал бы не с товара, а с государства. Я бы сказал так: если сегодня писать (или переписывать) «Капитал», то начинать нужно уже не с государства, а с закрытых наднациональных структур. И дело не только в том, что эти структуры «второго» (закрытого) контура на рубеже XIX–XX вв. превратили партии, парламенты и т.д. («первый», открытый контур) в свои функции, они уже задолго до этого выражали целостные и долгосрочные черты развития капиталистической системы, верхушки её господствующего

Капитал, особенно крупный, должен решить главное противоречие, выйти за его рамки: реализация его интересов, как правило, требует постоянного нарушения границ (а часто — законов) своей страны и других стран. Отсюда необходимость в наличии особой, «корректирующей» эту ситуацию организации (или организаций) — надгосударственной, закрытой и желательной имеющей свой идейный комплекс, причём нередко он оказывается оккультным. Внешне эти структуры выглядят как заговор («конспиро»), однако по сути это чистая политэкономия капитализма, реализация его законов на мировом уровне.

класса как системообразующего элемента. В «руках» именно этих структур, будь то британские клубы, островные и континентальные масонские ложи, организации XIX–XX вв., оказались сконцентрированы одновременно «вещество», «энергия» и «информация» современного мира.

«Веществом», т.е. объектом манипуляции, стали массы как феномен. И хотя они вышли на арену истории в XX в. (точнее, элиты или их порученцы вывели их туда, с одной стороны, возглавив, оседлав некие движения, с другой — подчинившись на время их логике: вспомним, к примеру, знаменитый обращённый к толпе крик героя романа Р. Пенна Уоррена Вилли Старка «Дайте мне топор» и успех прототипа этого персонажа — губернатора штата Луизиана Хью Лонга), уже в середине — второй половине XVIII в. в городах Западной Европы оформилась в качестве социального феномена масса как сумма атомизированных индивидов — «одинокая толпа» (Д. Рисмэн). В отличие от укоренённых в малой традиции коллективностей (общин, каст и т.п.) людей, **не связанными друг с другом людьми, отсечёнными от семейных традиций, утратившими локальные ценности, легко манипулировать.**

В середине — второй половине XVIII в. произошла «материализация» финансовой революции XVII в., на-

чавшейся созданием в 1613 г. (1613–1617 гг.) Standard Chartered Bank семейства Барухов и окончившейся в 1694 г. созданием Банка Англии. Последний стал мощнейшим финансово-организационным оружием Англии (с 1707 г., после соединения с Шотландией — Великобританией), которое позволило начать всерьёз выигрывать войны.

Финансы — это энергия, но не менее важна информация. Время с середины XVIII в. продемонстрировало резко возросшую роль и значение информации как оружия в борьбе различных элитарных групп. Просветительский проект «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел» (1752–1762 гг.) был первым опытом создания **современного информоружия**, которое, будучи изготовлено во Франции по британским лекалам, позволило в течение жизни двух поколений «перевербовать» определённую часть французской элиты в сторонников будущей революции. Революции в интересах части французской и британской буржуазии, прежде всего финансовой, а также закрытых наднациональных групп. Уильям Питт-младший, выступая в британском парламенте, открыто признал, что Великобритания потратила на организацию и стимулирование Французской революции 5 млн фунтов стерлингов — фантастическую

по тем временам сумму. Уже вышло немало книг о бурной деятельности британских агентов во Франции во времена революции (1789–1799 гг.) и позже — о том, как британская разведка (*les hommes de Londres, les hommes de l'ombre* — игра слов: «люди из Лондона, люди из тени») провоцировала во Франции большой террор и многое другое.

Итак, к середине XVIII в. в руках наднациональных групп, представленных в то время главным образом масонскими ложами, оказалось сконцентрировано управляемое «критическое вещество» массы, экспериментально «дрессируемой» потоками информации части элит, денег, энергий, благ — в самом широком смысле. Всю мощь именно закрытые наднациональные группы (на тот момент, повторю, это были масонские структуры), формирующийся буржуазный североатлантический класс обрушили в 1789–1848 гг. на государства-монархии Старого порядка и либо сокрушили их, либо выговорили определённые условия компромисса.

В «эпоху революции» (Э. Хобсбаум) 1789–1848 гг. на Западе сформировалось триединое ядро, если угодно — трёхглавый Змей-Горыныч капсисемы: государство-гегемон (в XIX в. — Великобритания), финансовый капитал (Ротшильды, Бэринги и др.) и закрытые наднациональные группы мирового согласования и управления.

У капсисемы, разумеется, есть и другие особенности, кроме семёрки названных, однако здесь достаточно этих семи — они главные для понимания капитализма. Именно они обеспечивали его фантастический динамизм в течение нескольких столетий и очень короткую по масштабам длительности исторических систем жизнь.

III

Капитал существовал до капитализма, в той или иной форме, скорее всего, будет существовать и после него. Но так же, как капиталистическая собственность не сводима к капиталу, так же и капитализм как система — это

не просто и не только безудержный триумф капитала, реальность сложнее. Капитализм можно определить так: это сложная социальная система, которая обеспечивает постоянное накопление капитала (развитие во времени) и его экспансию, позволяющую поддерживать и увеличивать норму прибыли (пространственная характеристика), и которая в то же время ограничивает капитал в его целостных и долгосрочных интересах. Без этого ограничения и его средств в виде государства, гражданского общества и его структур, политических партий, формально представляющих различные слои, системы массового образования и др., — без всего этого капитал, представленный самому себе, сожрал бы и самого себя, и общество, и биосферу. Ну а арбитром между капиталом и его «ограничителями» выступали закрытые наднациональные группы.

Вся история капитализма — это борьба капитала с социальными ограничителями за то, чтобы избавиться от них, за охват капиталом всей капиталистической собственности. Именно эта борьба по типу циркового номера «борьбы нанайского мальчика с медведем» является одним из моторов развития капитализма. Победа одной из сторон означает конец номера — и капитализма. Успех капитала на этом пути означал бы демонтаж капитализма за ненужностью как системы, отработавшей своё, поэтому конспироструктуры не позволяли этому процессу выходить за определённые рамки. Однако на рубеже 1960–1970-х годов их позиция несколько изменилась. Во-первых, **капитализм как система производства и производственных отношений подошёл к пределу своих возможностей**. Дальнейшее его развитие усиливало, особенно при наличии системного антикапитализма в лице СССР и соцлагеря, контрагентов капитала, прежде всего промышленный рабочий класс и связанные с промышленностью и государством сегменты среднего слоя. Надо помнить, что капитализм — это прежде всего система производственных отношений, а не просто деньги

или богатство, как полагали представители вульгарной буржуазной политэкономии. Они тупо отождествляли капитал (-изм) с денежным, торговым капиталом, находили капитализм всюду, начиная с Древнего Востока и Древнего Рима, не говоря уже о средневековых городах, таким образом увековечивая капитализм. В основе капитализма как системы лежат не деньги, они лишь опосредуют (выполняя при этом пять функций) обмен рабочей силы на овеществлённый труд, который при этом реализует себя как самовозрастающая стоимость.

Проблемы именно со «второй стороной» производственных отношений капитализма, рост её политического значения в условиях дальнейшего развития индустриальной системы (именно так, а не просто из-за некоего предела, достигнутого индустриальным производством, — это было важным, но не главным) заставил закрытые наднациональные группы скорректировать свою позицию по «ограничителям» и начать — вместе с капиталом — их демонтаж (см. доклад «Кризис демократии», написанный по заказу Трёхсторонней комиссии). Одновременно было начато торможение научно-технического прогресса и промышленного развития, т.е. развития реальной экономики; упор был сделан на развитие финансового капитала, и это была первая причина, скорректировавшая позицию конспироструктур. В XIX — начале XX в. финансовый капитал, по сути, господствовал над промышленным. Две мировые войны и период послевоенного восстановления (т.е. эпоха 1910–1960-х годов) изменили ситуацию: началось контрнаступление промышленного капитала, у которого появился объективный союзник — СССР.

Советский фактор был второй, не менее важной причиной изменения позиций наднациональных групп по отношению к демократическим ограничителям капитализма и научно-техническому прогрессу; отсюда — вдруг возникший упор на экологизм, «пределы роста», сокращение населения — короче

говоря, неомальтузианская повестка дня, переход к финансиализму. Успехи СССР, с одной стороны, сам факт его существования как антикапиталистической альтернативы, с другой стороны, ограничивал возможности «хозяев мировой игры» по коррекции и демонтажу (сначала частичному) капитализма: это означало бы признание исторической правоты СССР, соцсистемы. А потому реализация нового проекта мировой верхушки — ультраглобалистско-экологического демонтажа капсистемы — требовала уничтожения СССР или его поглощения капсистемой, что, впрочем, одно и то же. Тем не менее ползучий демонтаж капсистемы постепенно развивался ещё при существовании СССР. В результате этого процесса нанесения «ударов по штабам» ограничителей с конца 1970-х годов политика постепенно превращается в замысловатые комбинации административной системы и шоу-бизнеса, государство «таёт», массовое образование стремительно разрушается, гражданское общество «скукоживается».

В отношениях капитала и его «ограничителей» возможно несколько исторических вариантов. Например, хрупкое равновесие, как это было свойственно классическому буржуазному обществу. Был и другой вариант, который можно было увидеть в системном антикапитализме соцстран: «ограничители» подчиняют капитал и уничтожают его. Наконец, вариант, который мы «во всей красе» увидели на Западе после разрушения Советского Союза: демонтаж «ограничителей» мировой верхушкой самого капитализма и **изменение самого капитала, его превращение во властесобственность социально-информационных платформ, контролирующих уже не столько материальные, вещественные факторы производства, сколько невещественные — социальные сети (поведение) и информационную сферу.** Этим «контролёрам» монополистам капитал как таковой, по сути, уже не нужен: симбиоз фондов, банков и платформ конституирует и новую власть — посткапиталистиче-

скую, — и новый строй. Пропагандистски это подаётся как распространение капитализма на всех жителей планеты — в виде инклюзивного («включающего») или стейкхолдерского (противостоящего акционерному) капитализма. В действительности же это ширма процесса лишения нижних 75% общества того немногого, что у них есть: кого-то — небольшой частной собственности, а кого-то — личной (квартиры, машины и т.д.). Речь, таким образом, идёт об экспроприации тех, у кого ещё осталось что-то «овеществлённое», — малого и среднего бизнеса. Если «на входе» в капитализм имела место экспроприация земельной («созданной» природой) собственности (огораживания, первоначальное накопление капитала крестьян), то на выходе — тоже экспроприация, только уже вещественной (созданной трудом) собственности среднего слоя, экспроприация, которая этот слой уничтожает.

На «входе» в капитализм массовых собственников земли нужно было лишить её, чтобы те, оставшись собственниками лишь своей рабочей силы, были вынуждены стать объектом эксплуатации собственников капитала. На «выходе» массовые мелкие собственники капитала должны лишиться его, чтобы стать объектом эксплуатации тех, кто контролирует ставшие главными социальные и духовные (информационно-психологические) факторы производства.

Как это ни парадоксально, капитализм исчерпал себя, охватив всю планету, т.е. выполнив свою социогенетическую программу, победив. Вековая динамика капитализма была такова, что он всегда нуждался в наличии некапиталистических зон. Каждый раз, когда мировая норма прибыли падала, капитализм вырывал из некапиталистической зоны ту или иную часть и превращал её в капиталистическую периферию — зону дешёвой рабочей силы и источник дешёвого сырья. Мировая норма прибыли восстанавливалась, а потом и вовсе вырастала. Этим, в частности, объясняется рваный ритм колониальной экспансии,

рывки которой происходили каждый раз, когда снижалась мировая норма прибыли. Однако к концу XX в. капитализм исчерпал планету. Соцлагерь стал капиталистическим, появились обширные зоны полубандитского и просто бандитского капитализма. В Китае существующий строй — «социализм с китайской спецификой», в равной степени его можно назвать «капитализмом с китайской спецификой», суть нынешней «китайской системы» от этого не изменится.

Некапиталистические зоны практически упразднены, теперь капитализму больше некуда сбрасывать противоречия, больше неоткуда подпитываться, экстенсивный путь закрыт. А на пути интенсивного — подорванные, но всё же сохраняющиеся институциональные ограничители и огромный массовый слой мелких буржуа, которых эти ограничители пусть худо-бедно, но как-то защищают. Значит, долой ограничители, долой мелкий и средний капитал, долой лишнее население, а основная масса оставшихся должна меньше потреблять, меньше перемещаться — не только между странами, но и внутри стран. Их надо закрепить локально. Для этого нужны экстраординарные меры, обнуляющие последние остатки, пережитки классического Запада

в нынешнем постЗападе, носителем которых является социально, культурно и расово этнически белое население. Манифест киллеров, а точнее — могильщиков капитализма и западной цивилизации, написанный в 2020 г. высокопоставленным клерком на службе мировой верхушки К. Швабом в соавторстве с Т. Маллере, так и называется — «Великое обнуление» (или «Великий сброс» — The Great Reset). «Великое обнуление» — это попытка таким образом оформить терминальный кризис капитализма, чтобы создать максимально выгодные условия для новых хозяев, господ посткапитализма, и сформировать готовую для нового типа эксплуатации и контроля человеческую массу.

Терминальный кризис капитализма — логический системный результат его развития. А вот то, какие формы он примет и каким будет посткапиталистический строй, — это определяется логикой борьбы исторических субъектов. В целом же нынешняя ситуация есть результат не только кризиса капитализма, но и уничтожения его антипода — системного антикапитализма, СССР. Это было низким стартом терминального кризиса, но одновременно и тем фактором, который затормозил его на полтора десятилетия. Диалектика!

СССР был разрушен гибридным субъектом, состоявшим из части советской номенклатуры, ГБ и теневого «капитала», с одной стороны, и определённых сегментов мирового капиталистического класса в лице закрытых наднациональных структур, банков и спецслужб — с другой. Системный антикапитализм оказался чем-то вроде сундука (на дубе), в котором хранилась игла Кошечевой смерти капитализма. Сундук рухнул с дуба, и это стало началом конца капитализма.

В октябре 1990 г., как раз когда в СССР прошёл «картофельный марш» десантников, я читал лекцию в Колумбийском университете (Нью-Йорк, США). Один из присутствующих ехидно спросил: «Не кажется ли вам, что колокол звонит по коммунизму?» Я ответил с ходу, по-джондонновски: «Не спрашивай, по ком звонит колокол, — он звонит по тебе». И пояснил: конец СССР будет началом конца капитализма, с этого момента, несмотря на внешний триумф, это будет вспышка перед смертью. Аудитория не согласилась с моим тезисом — не поняла, а точнее, не захотела понимать. Но я оказался прав. Чтобы понять этот тезис, его суть и логику, нужно взглянуть на истоки капсистемы, её эволюцию.

IV

Чтобы лучше понять, как мир пришёл к нынешнему деградиционно-деструктивному состоянию, нужно хотя бы кратко осветить основные этапы истории капиталистической системы, их отличие друг от друга.

Генезис (не путать с ранней стадией — как говорил Гегель, когда вещь начинается, её ещё нет) капитализма приходится на середину XV — середину XVII вв., условно 1453–1648 гг., т. е. на большую часть третьих «тёмных веков» Европы. Генезис — это время, когда новый исторический субъект формирует систему и с её помощью — самого себя; как только он уступает пальму демиургства системе, генезис окончен, начинается ранняя

стадия. Таковая стадия капитализма длится с 1650-х по 1780-е годы. Это — доиндустриальный капитализм, причём главными операторами мирового и внутреннего рынков выступает не только и даже не столько буржуазия, сколько землевладельцы, монархо-аристократические семьи и др., внешне кажущиеся «пережитками феодализма»; на самом деле — это явления постфеодальной эпохи середины XV — середины XVII вв.

В последней четверти XVIII в. тремя революциями — промышленной в Англии, политической во Франции и духовной (философской) в Германии — стартует зрелая фаза капсистемы, продлившаяся до 1910-х годов (условно «на вкус» — 1914 г. или 1919 г.). За это время, пережив структурный кризис («водораздел») 1789–1818 гг. и выйдя на оперативный исторический простор, капитал (-изм) обрёл не только адекватную ему производственную базу — индустриальную, но также оформил свой «невещественный» антураж: властные, идеологические, национальные и другие формы. Посредством масонских буржуазных революций (по идейной сути они были иллюминационными) буржуазия Запада превратилась в главного оператора мирового рынка и стала Капиталистом с большой буквы, Главным буржуином, либо отодвинув хозяев раннекапиталистической эпохи, либо, что было чаще, пойдя с ними на компромисс. «Масонские революции» были буржуазными по результатам и целям, однако ударной силой их были вовсе не буржуазия и не пролетариат, а наёмные работники докапиталистического типа, мелкие торговцы и ремесленники — как раз те слои, над головами которых должны были сомкнуться волны буржуазного прогресса, революция была их «предсмертным рёвом».

Победа триколорных революций означала огосударствление масонства и завершение восходящей линии его развития. В «длинные пятидесятые» (1848–1867 гг.), начавшиеся социальной революцией на Дальнем Западе Евразии и «Манифестом Коммунистической партии» Маркса и Энгельса

и закончившиеся переворотом на евразийском Дальнем Востоке («реставрация Мэйдзи» в Японии) и первым томом «Капитала» Маркса, европейская мир-система отбросила дефис и реально превратилась в мировую систему — единственную, с Великобританией как гегемоном и англо-французским Западом в качестве ядра. Если мир-система может быть несколько, то капиталистическая мировая система может быть только одна. Неслучайно две другие, кроме европейской мир-системы, — русская и китайская — почти одновременно стали объектом англо-французской агрессии и посредством Крымской и Второй «опиумной» войн были превращены соответственно в полупериферию и периферию этой системы. Именно на второй стадии своего развития капитализм обрёл зрелость, а его система — целостность, или, как сказал бы марксист, из способа производства он превратился в формацию. «Длинные пятидесятые» отмечены резким пространственным расширением мира капитала — Европа словно вторично переживает свой XVI в., писали по этому поводу Маркс и Энгельс.

«Августовские пушки» (Б. Такмэн) 1914 г. возвестили об окончании второй, зрелой стадии развития капитализма. Пережив структурный кризис 1890–1910-х годов, капитализм вступил в позднюю стадию своего развития, которая завершается на наших глазах, и трудно сказать, сколько десятилетий — одно или два — ей (и капитализму вместе с ней) осталось. Поздняя стадия капсистемы, как поздние стадии большинства систем, отмечена войнами, кратким мигом «цветущей сложности вторичного упрощения» (К. Леонтьев), массовыми движениями низов («восстание масс») с их временным успехом, контратакой элит («восстание элит»), которая плавно перерастает в демонтаж системы.

С середины 1970-х годов поздний капитализм вступает в полосу кризиса. Для него это структурный кризис, для капитализма в целом — системный. Разрушение СССР и соцлагеря

с последующим их разграблением позволило отодвинуть кризис на полтора десятка лет, однако в 2008 г. он явился, а в 2017–2018 гг. терминальная стадия стала явной. 2020 год с его коронабесием и «официальным» объявлением мировой верхушкой обнуления прежней истории и — де-факто — прежней, т.е. капиталистической системы, лишь зафиксировал это жирной чертой. Системный кризис, тем более в терминальной стадии, это в то же время начало генезиса новой системы, одни черты которой различимы уже сейчас, другие отбрасывают тень, а третьи поддаются вычислению — но это отдельная тема.

Притом что на всех стадиях развития капитализма его системные политэкономические законы играют определяющую роль, соотношение, комбинация и субординация экономической и политической их составляющих были различны на разных исторических этапах. Особенно очевидно различие между ранней и зрелой стадиями, с одной стороны, и поздней — с другой. На первых двух экономических законах лихо управляли политическими, лишь изредка подстраиваясь под них. С поздним капитализмом вышло иначе.

Во-первых, к концу XIX в. мир оказался поделённым, последним аккордом дележа стала «схватка за Африку» (scramble for Africa). Дальнейшая экспансия в пространстве, без которой нормальное развитие капитализма невозможно, требовала уже не войн «ядра» капсистемы со «слабаками» периферии — их и так практически всех нагнули, — а выяснения отношений внутри самого «ядра» (Британская империя и республиканская Франция, она же колониальная империя, против Германской империи) и «ядра» — с полупериферией, представленной Австро-Венгерской и Российской империями. То был неизбежный сценарий для капитализма, вошедшего в стадию империализма.

Мировая война 1914–1918 гг. зафиксировала то, что отныне мотором развития капсистемы будет военно-политический фактор, а сам механизм

развития будет таков: война разрушает, стирает часть военно-промышленного комплекса «ядра» и полупериферии, и их послевоенное восстановление становится двигателем развития мировой экономики на два десятка лет, т.е. почти на время жизни целого поколения. В 1920-е и особенно в 1930-е годы именно восстановление советской и германской экономик, их рывок с помощью американского и в меньшей степени британского капиталов не только вытаскил мировую экономику из кризиса (и позволил многим подготовиться к новой войне), но и стал основой её развития. Аналогичным образом восстановление в 1945–1965/1975 гг. разрушенных войной советской, германской, итальянской и японской экономик породило соответственно четыре послевоенных «экономических чуда» и обусловило небывалый рост экономики в период, который французы с лёгкой руки Жана Фурастье назвали «славным тридцатилетием» (*les trentes glorieuses*).

Во-вторых, политический фактор работал и иным образом: само существование почти весь XX век системного антикапитализма в виде СССР, а с рубежа 1940–1950-х годов — соцлагеря заставляло буржуазию государственно-политическими методами «прогибать» экономические законы капитализма, придавая ему нехарактерный для него социальный облик.

В-третьих, XX век был временем «восстания масс», 1920–1960/70-е годы — это всемирная «эпоха протонародья», характерная для большинства поздних стадий в истории всех систем. В позднем капитализме на это общее правило работали давление промышленного капитала на финансовый в ядре капсистемы, логика борьбы западных плутократий с нацизмом и фашизмом, потребовавшая мобилизации демократического потенциала буржуазных обществ и, конечно же, существование соцлагеря и наличие в его руках вплоть до середины 1970-х годов исторической инициативы.

Показательно и симптоматично, что к середине 1970-х годов одновре-

менно закончились «экономические чудеса», выдохлось «восстание масс» и началось «восстание элит» (К. Лэш), ну а СССР утратил историческую инициативу, войдя в структурный кризис. Именно в это время мировая верхушка всерьёз задумалась о демонтаже капсистемы. Её действия развивались по трём направлениям. В рамках первого решались две главные задачи.

Первая. Мировая верхушка попыталась затормозить промышленный рост и научно-технический прогресс. В этом случае на первый план опять выходил финансовый капитал, подрывались экономические позиции рабочего класса ядра, связанной с госсектором части среднего слоя и ослаблялось само государство перед лицом банков и транснациональных корпораций. «Фабрикой мысли», обосновавшей процессы постепенной деиндустриализации ядра, был Римский клуб (1968 г.), созданный по инициативе Рокфеллеров. Уже в первом докладе Римскому клубу с характерным названием «Пределы роста» (1972 г.) была выдвинута концепция «нулевого роста» (*zero growth*), т.е. экономический рост тормозился политическими средствами именем борьбы за сохранение природной среды. В неомальтузианском по своей сути докладе ставились также задачи сокращения населения планеты и потребления.

Для реализации неомальтузианской программы Римского клуба необходимо было решить две задачи. Первая — создание тревожно-пессимистического фона и настроения вместо почти безудержного оптимизма 1960-х годов. В связи с этим Тавистокский институт, расположенный на юге Англии в мрачных дартмурских болотах, где разыгрывалась драма конан-дойлевской «Собаки Баскервилей», получил задачу «вычистить культурный оптимизм 1960-х» (*to stamp out cultural optimism of the sixties*); в этом же направлении работала смена научной фантастики на фэнтези. То был культурно-психологический фон контр наступления финансового капитала на промышленный. Результаты не замедлили сказаться:

уже в 1980-е годы финансовый капитал взял реванш у промышленного. В той же Великобритании, как заметил автор бестселлера «Истеблишмент» О. Джоунз, которого нередко называют «новым Оруэллом», сам тэтчеровский истеблишмент олицетворял победу финансового капитала над промышленным. Более того, сама Тэтчер своим поведением постоянно выказывала пренебрежение к промышленности и промышленникам. Если на конференциях банкиров Сити, проводившихся несколько раз в год, она всегда старалась присутствовать, то съезды Конференции британских промышленников либо игнорировала, либо демонстративно молчала на них. Дубоватая «Мэгги» вообще плохо контролировала негативные эмоции, будь то по отношению к промышленникам, простому люду или королеве Елизавете. Именно отношения с последней, а точнее, *faux pas* («ложный шаг») с Энтони Блантом (вскрытый пятый участник кембриджской «пятёрки»), родственником королевы, подвёл черту под политической карьерой «мещанки», как называл её Ким Филби и не только он.

Внедрение электронной торговли ещё более упрочило позиции финансиализма, поощряя его буйство. Аналогичные процессы, хотя и несколько иначе, шли в рейгановских США. Однако и там промышленность, как заметил всё тот же Джоунз, начала загнивать, темпы роста производительности труда в промышленности снизились, уменьшилось число прорывных изобретений и нововведений, особенно по сравнению со шквалом таковых первой половины XX в. Мобильный телефон, интернет и персональный компьютер — вот, собственно, и всё, чем может похвастать эпоха «восстания элит».

Вторая задача первого направления была сложнее — нейтрализация СССР и по возможности втягивание советской верхушки в глобальные проекты Римского клуба, реализация которых объективно лишала Советский Союз исторической инициативы, а затем и перспективы. Советская верхуш-

ка клюнула, и закончилось это через полтора десятилетия горбачёвщиной.

Вторым направлением главных ударов в развёртывающемся контрнаступлении мировой верхушки стало растущее давление на рабочий класс и средний слой ядра. Конкретными формами стали тэтчеризм в Великобритании и рейганомика в США, «планировщики» использовали эти «стратегии» для ухудшения экономических и политических позиций группмишеней. Ещё хуже пришлось средним слоям полупериферии: в 1980-е годы Запад снёс ориентированный на госсектор средний слой Латинской Америки и наиболее развитых стран Африки — таких как ЮАР и Нигерия.

Как и у торможения промышленного и научно-технического развития, у «восстания элит» было идейное обоснование. Его обеспечила созданная в 1973 г. (опять же под эгидой в основном Рокфеллеров) новая структура — Трёхсторонняя комиссия. По её заказу в 1975 г. три автора, представлявшие и символизировавшие США (С. Хантингтон), Европу (М. Крозье) и Японию (Дз. Ватануки), подготовили доклад «Кризис демократии». В нём утверждалось, что главную опасность для политического строя Запада (читай: для сохранения власти и привилегий североатлантической верхушки) представляет не Советский Союз, не внешний фактор, а внутренний — избыток демократии на самом Западе. В связи с этим предлагалось начать вносить в массы определённую дозу социальной апатии и разъяснять, что наряду с демократией важны также опыт (expertise) и «высокий статус» (seniority, — можно также перевести «старшинство»), а сама демократия — это не столько ценность, сколько политическая технология. Классовые смысл и содержание документа очевидны: то была идейная артподготовка для контрнаступления элит, для их реванша над простонародьем, социальной мести за полвека его успехов.

Третье направление было связано с мировым оплотом простонародья — с СССР. Без его нейтрализации реализация двух первых направлений

со всеми их задачами была крайне затруднительна, если вообще возможна. Мировая верхушка предложила Советскому Союзу несколько «аттракторов» (по сути, — ловушек):

- 1) сотрудничество в области экологии на планетарном уровне;
- 2) совместное осуществление управления глобальными процессами (global governance);
- 3) Организация подъёма цен на нефть посредством конфликта (арабо-израильского) на Ближнем Востоке;
- 4) «Лунная сделка» — признание советским руководством успеха первого американского «прилунения» в обмен на ряд финансово-экономических преференций;
- 5) политика «разрядки напряжённости» (детант, détente) — передышка, необходимая прежде всего США, оказавшимся на рубеже 1960–1970-х годов в крайне тяжёлом экономическом и политическом положении.

Как убедительно показал российский экономист А. Саломатин, в 1968 г. США

перестали быть экономически самоподдерживающимся комплексом (это тоже позволило финансовому капиталу перейти в наступление против промышленного — коррелят наступления элит на массы). Иными словами, США проиграли экономическую гонку Советскому Союзу, отсюда инициативы Римского клуба и «разрядка». Подчеркну: не СССР выиграл, а США проиграли. Однако советское руководство этот факт не осознало, а заинтересованная в интеграции в капсистему часть номенклатуры и всегда выступавшая её союзником агентура влияния Запада сделали всё, чтобы его затушевать. Как написал Саломатин, на тот момент в советском руководстве не было гениального бухгалтера вроде Сталина. Впрочем, хватило бы просто опытного бухгалтера, но в брежневском руководстве и такого не нашлось. А вот в китайском руководстве нашлось.

Китайцы оценили свой шанс моментально. К концу 1960-х годов британцы уже неплохо продвинулись

в (вос-) создании невидимой финансовой империи *via* Сингапур и юг Китая. Однако, с одной стороны, китайцы не забыли унижения «опиумных» войн и договорных портов, с другой — они не любители складывать все яйца в одну корзину. Воспользовавшись аховой ситуацией американцев, они протянули им руку: «У вас не хватает трудовых ресурсов, а у нас их много; так дайте нам прогрессивные технологии — мы всё сделаем!» Чтобы заслужить доверие США, Китаю пришлось устроить провокацию на Даманском (1969 г.), а спустя десять лет (американцы долго «раскачивались») разыграть спектакль трёхмесячной войны с Вьетнамом. Для США КНР была важна не только экономически, но и политически — как «карта», которую можно разыграть против СССР. Результат: США вкладываются в Китай, где стартуют реформы Дэн Сяопина как средство «примагнитить» американский капитал.

Любому внимательному наблюдателю было ясно: со временем США выберутся из затруднительного положения и перейдут в контрнаступление

ние (как писал А.Е. Едрихин-Вандам, хуже вражды с англосаксом может быть только дружба с ним), поэтому нам надо было если не «уронить» их, то постоянно сбивать им дыхание. Однако советское руководство полагало, что ядерное оружие и нефть настолько весомые факторы, что обеспечат уважительное отношение к нему со стороны североатлантических элит и те пустят советскую номенклатуру за мировой стол на равных. Это было колоссальной ошибкой. Впрочем, за этой ошибкой стояли сытая недалёковидность той части советской верхушки, которая стремилась к стабильности («застоя») не только в стране, но и в мире, и сознательный курс тех, кто хотел «войти в Запад».

Основой этого стремления первых и вторых, обусловившей тот факт, что советское руководство ответило буржуинам на их предложения «да», были серьёзные социальные, властные и идейные («мировоззренческие») изменения в советском обществе, прежде всего, в его системообразующем элементе, т. е. верхних и средних сегментах партноменклатуры и КГБ.

V

Суть в следующем. Будучи отрицанием капитализма по линии производственных отношений, СССР, «реальный социализм», в качестве производственной основы имел типологически ту же систему производительных сил, что и капитализм — индустриальную, только менее качественную, несмотря на все достижения. Чтобы превратиться из системного антикапитализма в посткапитализм (то, что официальная идеология называла «коммунизмом», а Стругацкие — «Миром Полдня»), нужно было решить три задачи:

- 1) создать принципиально новую систему управления как необходимого условия создания новой системы производства, превосходящей по своей производительности индустриально-капиталистическую;
- 2) создать принципиально новую, более мощную и одновременно более дешёвую, чем газонефтяная, систему энергетики;
- 3) обеспечить высокий уровень военно-технической защиты от внешнего врага («империалистического окружения») процесса реализации первой и второй задач.

Имел ли СССР в середине 1960-х годов возможности успешного решения трёх названных выше задач и рывка в посткапиталистическое будущее? Имел.

В первой половине 1960-х годов под руководством академика В.М. Глушкова была создана Общегосударственная автоматизированная система (ОГАС). Она переводила весь документооборот в электронный вид («информационное общество») и выводила столкнувшееся с непреодолимой для него сложностью экономики советское планирование старого образца на кибернетические рельсы. ОГАС открывала путь к рывку в постиндустриальное развитие.

В это же время группа учёных под руководством И.С. Филимоненко закончила работу по созданию гидролизной установки, осуществлявшей холодный термоядерный синтез

(ХТЯС). Реализация этого проекта позволяла перейти к дешёвой энергии, «закрывающей» нефтянку как дорогу и ненужную (прощайте, Рокфеллеры, Ротшильды и все-все-все).

Наконец, в середине 1960-х годов под руководством советского авиа- и космоконструктора В.Н. Челомея был совершён такой прорыв в военной технике, который, будь он реализован, оставлял США «в офсайде» на многие десятилетия, если не навсегда. Речь идёт о системе ПААКРК (подводные автономные автоматизированные контейнерные ракетные комплексы); наступательно-оборонительной системе «Закат» (имелся в виду закат США), она же — «Башмак» (аллюзия к знаменитому хрущёвскому выступлению в ООН); маневренных спутниках-перехватчиках «Космос-252», пилотируемых разведывательно-боевых платформах «Алмаз» и о многом другом.

Однако ни один из этих проектов, обещающих рыбок в будущее и победу социализма в мировом масштабе, превращающегося из антикапитализма в посткапитализм, реализован не был. Его заблокировала в своих интересах номенклатура как квазиклассовая группа, сформировавшаяся в 1930–1950-е годы на основе индустриального антикапитализма и его места в международном разделении труда (т.е. места антикапитализма как системы в капиталистической системе, **внутри её мирового рынка**) и стремившаяся к сохранению своего положения — т.е. власти и привилегий, которое переход к посткапитализму, несомненно, изменил бы. Однако обо всём по порядку.

Что касается ОГАС, то высшая номенклатура квазиклассовым шкурным нутром поняла: в случае внедрения этой системы ей придётся подвинуться, рядом с «партократами» появятся «технократы», и именно в их руках могут оказаться многие рычаги власти. Иными словами, в случае реализации ОГАС могло на научно-технической, производственной основе произойти то, чего Сталин в 1952 г. хотел добиться политическими средствами — отодвинуть партаппарат от управления

обществом, оставив ему идеологию, пропаганду и подбор кадров, а «центр силы» переместить в Совет министров.

Не менее советской верхушки была напугана западная, прежде всего американская. Спрогнозировав, что если русские полностью введут ОГАС до 1970 г., то оставят США навсегда позади, администрация президента Джонсона создала группу SRC (to stop Russian/Red code — «остановить русский/красный код»). Началось шельмование Глушкова и ОГАС как на Западе, так и в СССР. Постоянно говорилось, что ОГАС — слишком дорогая затея, а потому не стоит взваливать на нашу экономику такое бремя. Отголоски этой аргументации встречаются до сих пор. Глушков не отрицал, что ОГАС — очень дорогостоящий проект. Однако если учесть, что около 30–40% бюджета СССР, мягко говоря, «терялось», а ОГАС делал административную и экономическую систему прозрачной (это само по себе страшило хозноменклатуру — не смухлюешь), то экономия этих средств с лихвой покрыла бы все расходы на ОГАС. Но, увы, квазиклассовый интерес оказался сильнее, и к 1970 г. ОГАС спустили на тормозах. Американцы могли спокойно вздохнуть.

В начале 1967 г. комиссия ЦК КПСС признала результаты работы группы Филимоненко выдающимся достижением в области физики, медицины и биологии, а полгода спустя новая комиссия ЦК закрыла исследования, запретила Филимоненко работы по ХТЯС и изъяла техническую и экономическую документацию. Проект был не просто спущен на тормозах, а зарублен. Сработала та часть номенклатуры, которая уже была вовлечена в международную торговлю нефтью, жила предощущением от перспектив будущих прибылей и сумела очернить идею ХТЯС в глазах брежневского руководства как несбыточную. Свою роль сыграли и спецслужбисты из разных стран, под прикрытием учёных действовавшие в рамках так называемого Пагуошского движения. Парадокс, но де-факто секретносители из лагеря и соцлагеря ежегодно собирались для открытого (!) обсуждения

проблем ядерной энергетики, и Филимоненко с его ХТЯС оказывался у этого «интернационала» костью в горле. До сих пор появляются публикации не то придурков, не то, напротив, заинтересованных лиц, которые пытаются выставить Филимоненко кем-то средним между чудачком и шарлатаном. Крепко он задел какие-то структуры, потревожил их «лежбище».

Разработки В.Н. Челомея тоже не были реализованы. По причинам личного характера, а также межведомственной конкуренции их гробил недалёкий Д.Ф. Устинов, которому активно помогал Ю.В. Андропов. Противники Челомея (ну и агентура влияния Запада, конечно) воспользовались «разрядкой», чтобы заблокировать внедрение прорывной челомеевской военной техники. Аргументы были просты: зачем нам всё это, если мы договариваемся с США об ограничении вооружений? В 1969–1972 гг. работы практически по всем проектам Челомея были приостановлены, техническая документация была передана в другие конструкторские бюро и частично утеряна.

Шанс прорыва в посткапиталистическое будущее, в победу над капитализмом был не просто упущен — высшая номенклатура сознательно отказалась от него, предпочтя интеграцию в мировой рынок, т.е. в капиталистическую систему. Закопёрщиками в этом плане выступала та часть номенклатуры, которая уже функционально была вовлечена в капсистему по таким линиям, как торговля нефтью, газом, алмазами. Необходимо отметить, что часть номенклатуры, включённая в капсистему по линии торговли, пусть косвенно и функционально, но выступала передаточным звеном в эксплуатации западным капиталом той части трудящихся СССР, которые работали в сферах, создающих продукт прежде всего для внешней торговли. Таким образом, определённые сегменты совноменклатуры и обслуживающие её сегменты КГБ превращались в функциональный элемент западной (мировой, наднациональной) корпоратократии и были заинтересованы в расширении кон-

тактов с Западом, т.е. в интеграции СССР в капиталистическую систему. Сегменты эти количественно были невелики, однако, во-первых, как говорил Эйнштейн, мир — понятие не количественное, а качественное; во-вторых, хотя торговля сырьём и не играла в экспорте СССР такой роли, как в РФ, и преувеличивать её экономическое значение не стоит, её политическое роль и значение были велики, и те, кто осуществлял её и обеспечивал по спецслужбистской линии, резко увеличивали свои властные потенции и возможности в системе. Надо ли говорить о том, что эти люди хотели «жить как на Западе»?

Противоречие советского сегмента коллег — соэксплуататоров западного капитала заключалось в следующем. Функционально они отчасти выступали как элемент капиталистической корпоратократии; субстанционально же, по социальному содержанию, они были номенклатурой (господствующей группой) антикапиталистической системы. Это противоречие должно было разрешиться, причём по мере интеграции части высшей номенклатуры и СССР в капсистему и превращения номенклатуры в квазикласс (это две стороны одного процесса) вероятность антисоциалистического варианта разрешения этого противоречия возрастала как объективно-системно, так и субъектно, т.е. укреплялся субъект реализации данного варианта и ослаблялся субъект собственно антикапиталистический перед лицом Запада. И на Западе это почувствовали. Неслучайно во второй половине 1970-х годов на первые роли в государствах Запада выдвинулись политики принципиально нового типа — Жискард д'Эстен, ставленник Трёхсторонней комиссии Джимми Картер и др., ориентированные не столько на диалог, сколько на прессинг в отношении СССР. Ну а в очереди уже стояли Тэтчер и Рейган. СССР же продолжал топтаться на месте. Внешнеполитически это топтание плюс избыточный старческий пацифизм привели к перехвату в середине 1970-х годов Западом исторической инициативы у СССР.

Парадокс, но моментом перехвата стала формальная победа СССР — Хельсинкская конференция 1975 г., когда Запад, по сути, официально, пусть с некоторыми «изъятиями», признал Ялтинскую систему. «Троянским конём» Хельсинкских соглашений стала их «третья корзина». Она предполагала свободный обмен идеями, людьми и товарами в качестве краеугольного камня гарантий основных человеческих свобод. Поэтому с середины 1970-х годов Запад получил законное право официально давить на подписавший эту «корзину» Советский Союз за несоблюдение тех или иных пунктов. Надежды Брежнева на то, что признание Ялтинского мира перевесит «всю эту ерунду» «третьей корзины», аукнулись стране через полтора десятка лет.

Существует три вида аттракторов: движение вверх — прогресс, движение по горизонтали — застой, движение вниз — регресс. Советская номенклатура 1970-х выбрала горизонтальный (плоскостной) аттрактор, господствовавший в первую очередь в кадрах. Главная проблема горизонтальных аттракторов — в их недолговечности, так как движение всегда выскикивает «лестницу» либо вверх, либо — чаще — вниз. Низовым аттрактором для СССР, для советской номенклатуры стала так называемая перестройка, которая обернулась разрушением системного антикапитализма, соцлагеря и СССР. На его месте в 1990-е годы возник кланово-олигархический — далее можно добавлять «по вкусу»: компрадорский, криминальный, коррупционный — строй, сокращённо — коКс (большое «К» отражает перечисленные выше «три в одном»), который сегодня явно переживает тяжёлый артроз, но это отдельная тема, мы же возвращаемся в 1960–1980-е годы и задаёмся вопросом, почему не только СССР был разрушен, но и весь мир сменил восходящую динамику на деградиционно-деструктивную, первые «ягодки» которой мы пробуем сегодня в виде коронабесия, и то ли ещё будет. Ответ на эти вопросы во многом связан с динамикой и диалектикой отноше-

ний капитализма и антикапитализма в мировой системе, Запада и СССР.

Октябрьская революция, в отличие от Февральской, произошла вопреки британско-французским интересам. Теоретически Запад должен был задушить СССР в 1920-е годы, однако на практике, ослабленный войной и раздираемый противоречиями, он этого сделать не смог. К тому же накал классовой борьбы у себя дома не позволял буржуинам «раздувать плечо» по поводу СССР. В 1930-е годы системно антикапиталистический СССР уже стал необходим и американцам, и даже неизменным экзистенциальным врагам России — британцам. И тех и других вкладывать средства в СССР заставил мировой кризис 1929–1933 гг. При этом у американцев был дополнительный резон. В 1929 г. директор Банка Англии Монтэгу Норман закрыл Британскую империю (25% мирового рынка) от внешнего мира (т.е. от США), и это стремление британского капитала, прежде всего Ротшильдов, придушить главного бенефициара Первой мировой стало одной из главных причин мирового кризиса. После этого главной задачей США стало разрушение Британской империи. На роль терминатора был выбран Третий рейх, который затем должен был быть сокрушён сталинским СССР. А после войны всем ослабевшим сторонам США собирались продиктовать свою волю.

Торговля с капиталистическим Западом, в которую активно включился СССР в 1930-е годы, по определению не могла быть эквивалентной, поскольку продавал СССР сырьё. Неэквивалентная торговля означает эксплуатацию населения той страны, которая находится на сырьевом «участке». Следовательно, та часть советского населения, которая создавала экспортный продукт, оказывалась косвенно эксплуатируемой западным капиталом, а номенклатура выступала как передаточное звено. Однако, во-первых, в отличие от царской России, получаемые страной средства шли не в карманы великих князей, капиталистов, помещиков и попов, а работали на благо совет-

ского народа в целом, на укрепление обороноспособности страны (поэтому СССР Великую Отечественную выиграл, а царская Россия Первую мировую проиграла). Во-вторых, как только в 1937 г. СССР добился военно-промышленной автаркии от капиталистического мира, сырьевая составляющая экспорта, а вместе с ней косвенная внешняя эксплуатация уменьшилась, и системный антикапитализм резко сузил зону косвенной капиталистической эксплуатации.

В 1938 г. Мюнхенский договор, которым следует датировать начало Второй мировой войны (парадоксальным образом это подтверждает У. Черчилль), стал попыткой создать протоНАТО для уничтожения СССР силами Германии. Однако Сталин советско-германским договором переиграл прежде всего британцев, чего они (да и Запад в целом) до сих пор не могут ему простить, и война пошла другим «курсом».

Во время войны СССР был нужен союзникам. Ситуация изменилась после 1945 г., когда США, имея атомную бомбу, планировали вбомбить

СССР в каменный век, однако вскоре советская атомная, а затем водородная бомба (есть информация, что её первое испытание планировалось на 5 марта 1953 г., однако смерть Сталина отодвинула его почти на полгода) охладили их пыл. В связи с этим в самом конце 1940-х годов был взят курс на бессрочную борьбу на уничтожение СССР (план «Лиотэ»), первые итоги предполагалось подвести через 50 лет — в 1999 г., но управились на 10 лет раньше. Кстати, в рамках этого плана была создана группа *How to make Stalin's passing* («Как сделать, чтобы Сталин ушёл») — речь шла о физическом уничтожении вождя с помощью агента из его ближайшего или околближайшего окружения.

VI

Курс на ликвидацию СССР был стратегической и долгосрочной задачей Запада, однако в среднесрочной перспективе зона системного антикапитализма, т. е. некапиталистическая зона, была необходима для функцио-

нирования капитализма, прежде всего индустриального, как по политическим, так и, главное, по системно-экономическим причинам. Договариваясь с Советским Союзом, Запад мог решать некоторые свои проблемы в третьем мире, тем более что СССР явно отдавал предпочтение своим государственным конкретным интересам перед интересами, например, национально-освободительного движения в третьем мире (классический случай — история неосуществившейся в середине 1960-х годов структуры Триконтиненталь). Да и по поводу коммунистических и рабочих партий на Западе с СССР буржуины могли вести диалог.

В системно-экономическом плане наличие некапиталистической зоны, пусть индустриальной, было, хотя и с оговорками, тактически выгодно индустриальному капитализму, а точнее, промышленному капиталу. Тем более что со сталинских времён советское руководство объективно выступало союзником именно промышленного капитала в его противостоянии финансовому. Эта «идиллия», однако, подошла к концу в середине — во второй половине 1960-х годов. Во-первых, закончились послевоенные «экономические чудеса» промышленного восстановления, и так же, как перед Первой и Второй мировыми войнами, возникла проблема необходимости расширения зон господства промышленно-экономических комплексов. Только теперь, в отличие от 1914 и 1938/1941 гг., их было не несколько, а два, причём, во-первых, это были принципиально разные социальные системы с принципиально разными идеологиями и мировыми проектами; во-вторых, у обеих было ядерное оружие. А потому военный вариант, особенно после опыта, которым стал Карибский кризис, был практически невозможен.

Проблема расширения индустриальной зоны значительно более остро стояла перед промышленным капиталом Запада, чем перед СССР. Дальнейшее развитие индустриального капитализма на Западе, при всё нарастающей угрозе перепроизводства

товаров, требовало деиндустриализации остального мира, прежде всего соцлагеря, особенно СССР и ГДР, но с соцлагеря начинать было невозможно. Поэтому под видом борьбы за экологию Запад предложил экономическую программу фактического торможения промышленного роста «в интересах человечества» всему миру, и прежде всего — СССР. Это было сделано по линии Римского клуба; предложение было с восторгом принято, особенно той частью советской верхушки, которая стремилась «войти в Запад». Разумеется, Запад не собирался с ходу, в краткосрочной перспективе уничтожать СССР как промышленно-экономический (военно-промышленный) комплекс, это было невозможно. Но в долгосрочном проекте будущего глобального мира индустриального социализма (или тем более постиндустриального) вообще не должно было существовать — он должен был быть поглощён и растворён в доминируемом Западом глобальном мире; программа Римского клуба сохраняла высокоразвитое ядро только на Западе.

Если для промышленного капитала Запада системный антикапитализм был краткосрочно, тактически приемлем, хотя эта приемлемость в 1970-е годы становилась всё более напряжённой, то для (усиливавшегося по мере ослабления промышленного) финансового капитала, с одной стороны, и для набиравшей силы корпоратократии — с другой, для их мира — глобального по своей сути — системный антикапитализм вообще был не нужен, он не должен был существовать, причём если не в краткосрочной, то как минимум в среднесрочной (10–15, самое большее — 20 лет) перспективе.

Иными словами, в результате произошедших в 1970-е годы (плюс-минус 2–3 года) изменений в капиталистической системе системный антикапитализм — с точки зрения этих изменений и сил, их воплощавших, — утратил право на существование. Причём произошло это как раз тогда, когда советская номенклатура отказалась от рывка в посткапитализм.

Во-первых, она начала консервировать антикапитализм, который, несмотря на статус сверхдержавы и великолепные экономические показатели 1970-х годов, системно-исторически отработал своё, причём не только в страновом, но и в мировом плане; начиналась новая эпоха, и только превращение в посткапитализм не просто позволяло СССР сохраниться, делало адекватным ей, а превращало его в первопроходца и хозяина будущего. Во-вторых, верхушка номенклатуры усилила интеграцию СССР в капиталистическую систему: за глобально-экологической наживкой последовала политическая — детант, и её советская номенклатура тоже проглотила.

В 1982 г. в США произошло внешне незначительное, но, как это нередко бывает в истории, очень важное, с далеко идущими последствиями событие. Будучи избранным президентом США, Р. Рейган решил проверить, насколько точны прогнозы ЦРУ относительно перспектив развития СССР. В них утверждалось, что экономика СССР, несмотря на все трудности, развивается по восходящей и к концу 1990-х годов достигнет весьма высоких экономиче-

ских показателей. Сходные прогнозы давала израильская разведка. Рейган распорядился создать три аналитико-прогностические группы под руководством физика М. Гелл-Мана, создателя Института Санта-Фе (SFI); социолога Рэндалла Коллинза, связанного с семьёй Бушей; Б. Боннера. Группы, работавшие независимо друг от друга, через несколько месяцев выдали практически одинаковые результаты. Они прогнозировали мощный кризис, который должен был потрясти капиталистическую систему, придя двумя волнами. Первая — в 1987–1988 гг., вторая, намного более мощная, с ощутимыми политическими последствиями во всём западном мире — в 1993–1994 гг.

Согласно прогнозам, экономика соцлагеря должна была выйти из кризиса с меньшими потерями, чем капиталистическая: в первом случае производство сокращалось на 10–12%, во втором — на 20%. Аналитики предсказывали, что на волне кризиса весьма вероятен приход к власти в Италии и Франции коммунистов (самых по себе или в союзе с «левыми»), в Великобритании — левых лейбористов; в крупнейших городах США прогнози-

ровались мощные негритянские бунты. Разумеется, мы не должны забывать, что коммунисты Италии, Франции и Испании были те ещё коммунисты — промасоненные «еврокоммунисты» (символично, что генсек итальянской компартии Энрике Берлингуэр был сыном одного из наиболее видных масонов Италии); однако Рейгана и К° приход к власти даже таких сил на фоне переживающих не лучшие дни США напугал.

С момента получения прогнозов трёх групп «окончательное решение советского вопроса» стало задачей № 1 администрации Рейгана, широкого круга его союзников и тех сил, которые стояли за ним. Но это окончательное решение не могло быть достигнуто военным способом извне, СССР можно было ослабить только изнутри — экономически, политически, культурно-психологически. Сделать это можно было, только изменив социально-экономический строй СССР, и уже на этой и только на этой основе превратив его в то, чем была Российская империя в конце XIX — начале XX в. — в слабо-развитую страну, сырьевой придаток ядра капсистемы (Запада), зависимый от него технологически, финансово и идейно-культурно. Уже на второй год президентства Рейгана в сверхсекретном режиме в количестве 30 экземпляров была подготовлена директива NSDD-75 «US relations with USSR». В ней чётко фиксировалась цель: не уничтожение СССР, а изменение социально-экономического строя, в котором, в частности, говорилось о том, что главным средством изменения советского строя должно стать содействие экономическим операциям партноменклатуры и КГБ на мировом рынке и оказание технологической помощи советской экономике.

Расчёт здесь ясен: внешнеэкономические операции, осуществлявшиеся определённым сегментом парт- и ГБ-номенклатуры всё больше интегрировали верхушку СССР в капсистему и таким образом подрывали советский строй изнутри; технологическая «помощь» осуществлялась прежде всего тем сегментам советской

экономики, которые тесно контактировали с Западом и развитие которых блокировали реальное развитие СССР, ну а сверхзадача — усиление кризисных тенденций в советской экономике. Таким образом, в 1983 г. Запад, США от политики внешнего воздействия на СССР («сдерживание», «локальные конфликты») перешли к стратегии внутрисистемного разложения противника, т. е. перенесли военные действия на его территорию, только военные действия носили организационный характер. При этом речь не шла о геополитическом уничтожении СССР, в лучшем случае — о реконфигурации: для начала — «СССР минус Прибалтика и что-то ещё». Вышло иначе, и связано это, с одной стороны, с тем, что в процесс активно вмешались иные силы на Западе, с другой (и это главное) — свою роль сыграл советский фактор, действия тех сил внутри СССР, которые не имели намерения разрушать страну, но ставили задачу изменить строй (сработав по принципу «хотели как лучше, а вышло как всегда»). Таким образом, их задача и задача американцев формально совпали — формально, поскольку советский «сегмент» не собирался превращать СССР в слабо-развитую, зависимую от Запада страну. Однако произошло иначе: «западники» оказались умнее, сильнее, изощрённее. Ну и, конечно же, «случай — Бог-изобретатель», роль которого резко возрастает во время системных и структурных кризисов, случай — это в известном смысле их закономерность. Проблема совпадения задач сил по разные стороны системных баррикад будет освещена в следующих частях, а сейчас имеет смысл отметить тот факт, что пессимистические для капитализма прогнозы были сделаны в это же время и по другую сторону океана, в Советском Союзе.

Их авторами были Владимир Крылов и Побиск Кузнецов. Теперь остаётся только гадать, готовились ли эти прогнозы непосредственно для Ю.В. Андропова и насколько он был знаком с их текстами. Крылов увидел вектор в неминуемом усилении

давления США на СССР. **Кузнецов ясно указал на то, что экономический механизм капитализма в 1993–1995 гг. приведёт к тому, что количество долларов в мировой экономике относительно одного киловатта электроэнергии достигнет гиперинфляцию. Это означало, что уже в конце XX в. капсистема будет лежать в руинах.** Руины действительно появились, но то были руины соцсистемы. Кстати, насколько мне известно, единственным шансом Запада (капитализма) на спасение П. Кузнецов считал экономический захват им стран СЭВ (в первую очередь, конечно, СССР) как рынков сбыта продукции и выкачивания дешёвого сырья. Однако экономический захват, добавлю я, требовал политической (системной) капитуляции СССР и установления, по сути, внешнего управления; способом решения этой задачи и стала ельцинщина.

VII

Курс рейгановской администрации на «окончательное решение советского вопроса» путём разрушения или максимального ослабления СССР совпал с очень важными изменениями в развитии капитализма как системы. Капитализм в его нормально-системном производственном (т. е. промышленном) состоянии нуждается в некапиталистической зоне (в XIX в. это была зона докапиталистических обществ — естественных, модифицированных или искусственных, а в XX в. — зона системного антикапитализма), но она к концу XX в. была практически исчерпана. В отличие от этого финансиализму некапиталистическая (антикапиталистическая) зона не просто была уже не нужна — она стала активно, намного более активно, чем раньше, мешать, угрожать ему; от неё надо было избавиться как минимум по двум причинам. Во-первых, в складывающейся ситуации продлить жизнь умирающего капитализма и растянуть переход к посткапитализму под руководством североатлантических

верхушек можно было, только поглотив и разграбив соцлагерь; сроки разграбления и стали временем, украденным капиталистическими верхушками у судьбы, которая, впрочем, ничего не даёт навечно и, как правило, карает воров тем или иным способом.

Во-вторых, **планирующим свой посткапитализм верхушкам Запада не нужна была альтернатива-конкурент**, а СССР, даже отказавшийся от рывка в посткапиталистическое будущее, такой альтернативой оставался. При его сохранении ни полноценная глобализация, ни тем более посткапитализм на основе демонтажа вышедшего в тираж капитализма его же хозяевами были бы невозможны. Поэтому системный антикапитализм, СССР, должен был быть разрушен. Однако сам Запад своими усилиями извне сделать этого не мог. Ему нужен был поделщик внутри соцсистемы, суперплохиш, который предаст наследие суперкибальчишей. И такой поделщик-плохиш нашёлся, причём возник он не в результате какой-то случайности, а в соответствии с логикой развития общества системного антикапитализма. Он оформился на основе отказа советской верхушки от строительства «социалистического посткапитализма», выбора плоскостного аттрактора, консервирующего антикапитализм, и интеграции в капитальную систему. Именно в середине 1970-х годов в СССР начала активно формироваться группа, заинтересованная в смене социально-экономического строя, в превращении власти в собственность — но не в разрушении СССР.

Ни эти советские «короеды», или, как назвал их А.А. Проханов, личинки, притаившиеся в теле погибающего кита, ни западные антикоммунистические «ковбои» не понимали, что, руша СССР, они открывают «ящик Пандоры», что, решая одни свои проблемы, они создают ещё более серьёзные, ускоряя в мировом масштабе деградиционно-деструктивную динамику, которая на рубеже 1980–1990-х годов разрушила СССР, а в начале 2000-х подорвала Запад, превратив его в постЗапад, а ныне без-

жалостно крушит «пост-остатки» изнутри. Но вот всё ли мы знаем об этих внутренних механизмах? Поделюсь некоторыми своими размышлениями и информацией. В 1945 г. Сталин прекрасно понимал, что он нанёс поражение агенту, но не хозяевам. Хозяева *смастырили* так, что, толкнув Гитлера на СССР, оказались по одну сторону исторических баррикад с социалистическим государством против Третьего рейха, а когда стало ясно, что СССР сам способен разгромить врага и русский солдат вот-вот омоет сапоги в Атлантике, открыли «второй фронт», непосредственно — против Рейха, косвенно — против СССР.

Сталин прекрасно понимал, что, победив Гитлера, СССР оказывается один на один с единым Западом, возглавляемым мощным военно-экономическим гегемоном — США, и не исключено, что в этом противостоянии Союзу не устоять. Согласно информации, которой поделился со мной очень знающий человек (сегодня его, увы, нет с нами), Сталин в самом конце 1940-х годов надиктовал некие заметки о том, как в случае разрушения СССР Западом сделать так, чтобы со временем всё равно подорвать Запад изнутри, заложив под него социально-политическую и идейную бомбу замедленного действия. Я бы назвал это «Завещанием Сталина».

Заметки не были программой, но из «кусочков» разбросанной информации следует, что тему разрабатывал Коминформ, а затем команда А.Н. Шелепина в бытность его секретарём ЦК КПСС по безопасности. На Западе, куда просочилась информация, это назвали «Планом Шелепина». Суть заключалась в автоматическом выдвижении на высокие властные позиции на Западе таких деятелей, которые независимо от своих взглядов и целей ввергнут его в смертельный кризис. Обеспечить это должна была сложная система интерлокеров, доверенных лиц, агентов влияния, просто агентов, слепых агентов и «полезных идиотов». О чём-то подобном странным и не вызвавшим доверия американцев образом предупреждал их советский

перебежчик А.М. Голицын (перебежчик или?..). В 1984 г., аккуратно под перестройку, он опубликовал книгу «Новая ложь вместо старой» (New Lies for Old: The Communist Strategy of Deception and Disinformation. New York, 1984), но ему не поверили. Мы не знаем, сработал «План Шелепина» или нет, но разрушение Запада налицо. Правда, как заметил Л.В. Шебаршин, не стоит объяснять злым умыслом то, что является результатом глупости. Это верно, но добавлю я, лучший способ спрятать злой умысел — это «укутать» его в глупость по-швейковски: «Осмелюсь доложить: идиот». Достаточно, например, посадить в руководящие кресла людей типа Горбачёва, Шеварднадзе, Ельцина, Гайдара и многих других, и злой умысел будет реализован под видом глупости, некомпетентности и т.д. Как знать, не использовал ли Запад «План Шелепина», если он действительно существовал, против СССР? Впрочем, Западу, который превратился в постЗапад, это уже не помогло: у него свои горбачёвы и гайдары: «хренки» вроде Обамы, Саркози, Блэра, Джонсона, Макрона и прочего окол властного токсичного мусора.

...Возвращаясь к силам деградации и деструкции, выпущенным общими усилиями советско-западного гибридного субъекта, необходимо отметить: по злой иронии коварной истории их первой жертвой стали советские «открывальщики» ящика и «подпиливатели» цепи, на которой на дубе висел «сундук» с Кощеевой смертью, плохиши, которые не на то ставку сделали. Ну а потом и буржуинский дуб закачался, на данный момент — почти упал, породив безумный страх буржуинов — коронабесие, климатобесие и другие возможные «бесия», — это страх смерти, страх, порождённый пониманием неминуемого конца системы и неуверенностью, что удастся перезапустить историю так, как хочется, и создать мир своей «новой нормальности».

В начале 1980-х годов на встречах курсах пересеклись два субъекта, решавших одну и ту же задачу — изменение социально-экономического

строю СССР. Цели же у них были разные: если западный субъект делал это для максимального ослабления СССР и его экономического поглощения, то советский хотел «войти в Запад на равных». Допустить это Запад не мог и не собирался — не для того планировалось изменить социальный строй СССР, чтобы страна и её экономика окрепли, — напротив. Таким образом, стратегически стороны расходились, а тактически они оказывались союзниками, и противник у них был один — советский строй, системный антикапитализм. На слом этой системы в СССР, кроме «реконструкторов», многие представители которых были многолетними — от работы на Брежнев до Горбачёва — «советниками вождей», работала агентура — влияния и прямая. Когда Эймс возглавил советский отдел ЦРУ, он был поражён высотой уровня, широтой и глубиной проникновения американской агентуры во все сферы советского общества: партийную, государственную, хозяйственную, спецслужбистскую и другие. Советский социум, как заметил он сам, показался ему похожим на **кусочек сыра, в котором дыр больше, чем самого сыра**. А ведь «дырявили» СССР не только ЦРУ, но и МИ-6, БНД, разведки натовских стран, МОССАД, китайцы, японцы; в Средней Азии и Закавказье шустро турецкая, иранская и пакистанская разведки. Таким образом, 1980-е годы — это не только работа части андроповского и постандроповского (по кадрам — всё равно андроповского) ГБ на смену строя, но и провал этой институции в целом по защите системы, по выполнению функции компенсаторного звена, роль которого резко усиливается в ситуациях кризиса, нарастания хаотических колебательных движений в слабо сбалансированной системе. Верно заметил один из героев романа О. Маркеева «Угроза вторжения»: «Любая система имеет пороки, как ни странно, сконцентрированные в системе защиты».

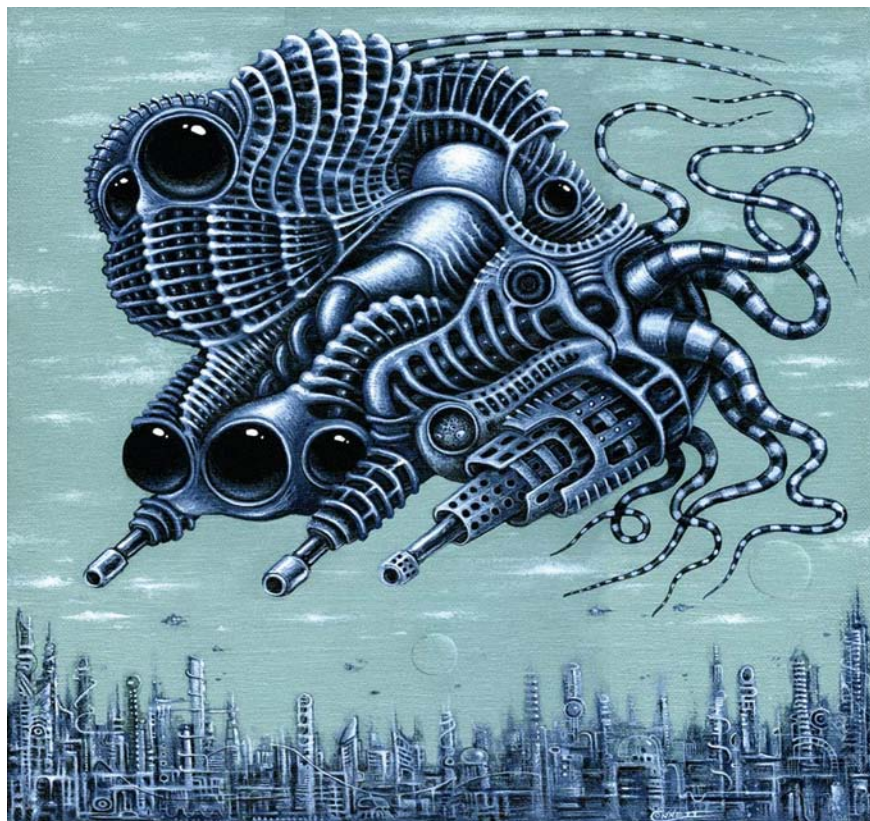
В 1970-е годы сформировалось два Советских Союза. Первый был могущественным государством-системой, вселившимся в своих граждан уверенность

в завтрашнем дне (многим это казалось скукой, ну что же, в 1990-е годы они получили веселуху по полной программе). Однако у СССР-1 была тень — СССР-2, которая постепенно переставала знать своё место. Те, кто скрывался в этой тени, цинично относились к системе, которой формально служили и от которой получали максимум благ, презирали и народ, и страну. И хотели жить как на Западе. Их любимой пошлой шуткой было: «Капитализм гниёт, но как пахнет...» Они делали всё, что было в их силах, чтобы максимально подтолкнуть СССР к Западу, интегрироваться в него.

Значительную роль в формировании этой группы сыграл приток в СССР в 1974–1975 годах больших нефтяных денег, порядка 170–180 млрд рублей (в нынешних ценах — более 1 трлн). Арабо-израильская война Судного дня вызвала эмбарго ОПЕК на поставки нефти, отсюда резкий рост цен на нефть (они выросли в конце 1973 г., но ещё в феврале Киссинджер прогнозировал рост цен в 4–6 раз; пророк? отнюдь нет — планировщик) и — voilà — доллары потекли в американ-

ские банки и в СССР. Ну и конечно же, возник нефтедоллар: вместо золота доллар прикрепился к нефти. **План Рокфеллеров сработал, СССР помог им в этом, одержав тактическую победу, но для страны и системы эта победа, как выяснится позднее, станет не просто пирровой, а тяжёлым ранением.**

Незапланированно пришедшие в страну миллиарды были лишь отчасти вложены в «законную экономику» СССР, что-то пошло в «надзаконную» (управлявшиеся Партией активы за рубежом, оформленные на «партнёров» или просто на подставные структуры и лица), огромная часть — в «подзаконную» — теневую, курировавшуюся КГБ и в меньшей степени — МВД (отсюда одна из линий конфликта между этими ведомствами). Надзаконная экономика была одним из средств проникновения СССР на Запад, встраивания в его экономику. Ещё одним средством такого встраивания, но уже не только в экономику, но и в политику Запада, была так называемая «Фирма» под руководством Е. Питовранова. «Фирму» не совсем точно называют личной

разведкой Андропова — неточно, поскольку, во-первых, по-видимому, он лишь формально руководил ею; во-вторых, «Фирма» была чем-то более крупным и серьёзным, чем разведка.

Вместе с результатами так называемых «косыгинских реформ» (на Западе их называли «либерманизацией» — по имени харьковского экономиста Е. Либермана, предложившего идею, а позднее эмигрировавшего в США) пришедшие миллиарды, а точнее, процесс их распаковки, упаковки и размещения, сформировали внутреннего субъекта и среду заинтересованных в «редактировании» социалистического строя на западный (как им представлялось) лад. Это был трёхглавый «советский Змей Горыныч»: часть номенклатуры (прежде всего — связанная с международными делами и внешней торговлей; в частности, Международный отдел ЦК КПСС — сам по себе, разведка и распределитель фондов; Внешторг и др.); часть КГБ; теневой «капитал». Это и есть внутренние «три источника, три составные части» разрушения системы и СССР.

У каждой из «частей» была своя финансовая база: размещаемые в банках средства «номенклатурной линейки», деньги теневиков. По-видимому, определённые проблемы в этом плане испытывал КГБ, формально являвшийся инструментом КПСС и не способный на равных конкурировать с её структурами — например, с тем же Международным отделом ЦК. Не стремлением ли создать перед демонтажом системы собственную финансовую базу, эдакий суперобщак, был продиктован инициированный формально Андроповым (по сути — стоявшими за ним и, скорее всего, манипулировавшими несведущим в разведделах шефом генералами КГБ — чекистской «бригадой», сложившейся в 1940–1950-е годы) ввод советских войск в Афганистан? Эта страна — кладовая: рубины, изумруды, бериллы, кунциты, гиддениты, редкоземельные металлы бериллий и торий, лазурит и многое другое, чего не счесть в «каменных пещерах». И всё это под боком — «всё как будто под рукой, и всё как будто на века». Только

век афганской кампании оказался коротким — закончился в один год с фактической сдачей Горбачёвым СССР и соцлагеря в Ватикане и на Мальте.

Впрочем, Афганистан не был единственным потенциальным источником «суперобщака» для определённых ведомственно-клановых групп. На рубеже 1970–1980-х годов СССР вдруг резко активизировался в Африке (бывшие португальские колонии), Центральной Америке (прежде всего в Никарагуа). Впрочем, это была не столько игра СССР как государства-монолита, сколько более или (скорее) менее скоординированные действия ведомств-конкурентов, которые с разной степенью интенсивности грызлись между собой, — КГБ, ГРУ (чьей вотчиной совместно со «Штази» и полученным ею наследством стала Латинская Америка) и, конечно же, Международного отдела ЦК КПСС.

Этот «растопыренный» тип экспансии отличался от тайной и явной государственной поступи 1960-х — начала 1970-х годов. Двумя другими отличиями были время (точнее,

несвоевременность) и пространство (зона экспансии). Правильно выбранное время для давления на капиталистическую систему и её гегемона был рубеж 1960–1970-х годов, когда СССР инерционно продолжал подъём, а США находились в жесточайшем кризисе и их можно было «ронять», насколько низко и глубоко — это уже второй вопрос. К рубежу 1970–1980-х годов СССР не только стал слабее, но и утратил историческую инициативу, а Запад не только окреп, но и консолидировался. При этом если в СССР идеология уже окостенела и не имела практического значения не только для низов, но и для верхов, то в англосаксонском ядре набирала силу мотивирующая часть элиты, причём весьма активную, новая идеологическая мутация — неоконсерватизм. Наконец, если на рубеже 1960–1970-х годов удары в той или иной форме можно было наносить «по штабам» буржуинов, то на рубеже 1970–1980-х годов это были локальные укусы на периферии, особого стратегического перевеса они не приносили, а главного противника лишь

раззадоривали, т.е. в конечном счёте были контрпродуктивными. О трате ресурсов страны и подогревании межведомственного противостояния, ослабляющего Центровверх, я уже не говорю.

Если говорить о теневой экономике, то основные деньги — по наводке грузинских воров в законе («лаврушников») — вкладывались в таковую Грузии и Армении, тесно связанную с прибалтийскими республиками и через них — с Западом. Особое значение имела Армения, но не столько из-за запредельных уровней коррупции и развитой теневой экономики (эка невидаль в советских Закавказье и Средней Азии), сколько из-за наличия влиятельных армянских диаспор во Франции и США. Связь с ними была установлена давно — по линии, курируемой А. Микояном, сначала почти что его личной разведки «Спюрк», именно в этом была одна из причин его политического долгожительства: «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича». Показателен и символичен факт большого числа армянских фамилий вокруг Горбачёва — готовый канал связи.

«Закопанная» в теневую экономику часть нефтедолларов дала всходы уже через 10 лет, даже «крекс, фекс, пекс» говорить не понадобилось: **в 1984 г. объёмы теневой экономики уже можно было сопоставлять с бюджетом страны.** Один умный человек, дважды срывававший в 1990-е годы аферы Чубайса, в 1984 г. сказал: владельцы теневых денег вскоре потребуют их легализации, а себе — власти. И уж точно власти должны были потребовать кураторы этих владельцев, реальные властелины «теневых колец». Собственно, базовой операцией перестройки, акцией прикрытия которой были бла-бла-бла про демократию, гласность, права человека и прочую хрень, и была легализация теневых «капиталов» как один из путей смены строя, превращения власти в собственность, а тени — в хозяина. Но как Запад не мог в одиночку разрушить соцсистему и Советский Союз, так и в самом СССР заинтересованные в смене строя группы не могли

сделать это сами, без участия Запада, нужен был выход на мировой рынок, причём не такой, как раньше, а более, так сказать, мощный. И если закон «О кооперации» легализовал теневые капиталы, то закон «О государственном предприятии» позволил двум сотням предприятий выходить на мировой рынок, зарабатывать доллары, а в СССР обменивать их на рубли — первоначальное накопление капитала à la soviétique. Только процесс этот, выйдя из-под контроля и сломав равновесие между налом, безналом и товарной массой, на котором держалась советская экономика, подорвал и её, и сделочную позицию «реконструкторов» строя по отношению к западным поделникам («партнёрам»).

VIII

При этом необходимо отметить следующее. Во-первых, все перечисленные явления развивались на фоне и в контексте нарастания на рубеже 1970–1980-х годов кризисных явлений в обществе системного антикапитализма. Это касается практически всех сфер. Экономика, несмотря на внушительные количественные показатели, переживала структурный кризис, темпы экономического роста падали, снижалась эффективность использования производственных фондов. Налицо был кризис планового хозяйства — оно почти прекратило своё существование, превратившись в ширму для «толкачества», «подработки плана», неформальных связей, «административного рынка» и, конечно же, теневой экономики. Последняя играла всё большую роль. С одной стороны, это была конкретная форма обмена чиновниками части власти на блага, не положенные им в соответствии с их местом в иерархически ранжированной системе номенклатурного потребления. С другой стороны, именно теневая экономика позволяла удовлетворять те материальные потребности граждан, которые система удовлетворить не могла.

На XXII съезде (1961 г.) КПСС одной из главных задач провозгласила удов-

летворение растущих материальных потребностей граждан, по сути, толкая советский социум в направлении социалистического варианта общества потребления. Трудно сказать, что нанесло больший вред Советскому Союзу — внешнеполитический «Брест-2» Хрущёва с Западом в 1955–1956 гг.; доклад о «культе личности», из-под которого торчат «уши Куусинена», начало нефтяной авантюры или доктрина «удовлетворения постоянно растущих материальных потребностей». В случае с последней дело здесь не столько в идеологии, сколько в том, что советская экономика не могла удовлетворить эти растущие потребности, особенно на фоне демонстрационного эффекта со стороны Запада. Претензии населения к верхам, и чем дальше, тем больше, были просты: 1) обещали, но не можете; 2) наши материальные потребности удовлетворить не можете, а свои — можете, уже при коммунизме живёте. Отсюда — морально-идейная эрозия как низов, так и верхов, значительная часть которых всё больше разворачивалась в сторону Запада.

При всём значении экономики ни одна система в истории не погибала в результате исключительно экономических причин — так же, как сугубо внешний фактор, если он не интериоризирован внутрь системы и не обрёл двойное («двойной массы») бытие, не может сокрушить социум. Социум гибнет в результате системного, т.е. целостного, а не просто суммарного кризиса. Ядром, воплощением, образующим элементом любой системы является господствующий слой, прежде всего — его верхушка (в исторической России с её персонализированной властью это вдвойне так) в её социальной, управленческой и психофизической ипостасях.

В закатном СССР, так же, как и в предреволюционной Российской империи, экономика при всех проблемах так или иначе развивалась (соответственно 3-я и 5-я экономики мира, причём СССР, в отличие от дореволюционной России, от иностранного капитала не зависел), а вот система управления в обоих случаях сыпалась,

отражая гнилость правящего слоя, его фрагментацию. В позднем СССР ведомственные интересы начали брать верх над государственными, клановые — над ведомственными, узкогрупповые и даже личные — над клановыми. По сути, — это онкологическое заболевание системы, прежде всего — властно-управленческой. Как заметил Г. Смирнов, рак «возникает, когда собственные цели специализированных систем становятся выше целей всего целого, самовывживание органа становится важнее нормального функционирования организма. Можно говорить не только о раке человека или животного, но и о раке... отрасли производства, государства». Разбалансировка шла не только по планово-экономической, но и по ведомственной линии. Усиливающееся противостояние между теми, кого в постсоветское время назовут «силовиками», выплеснулось даже во внешнюю политику. КГБ (ПГУ) и связанная с ними часть Внешторга начинали играть одну игру, ГРУ — другую, Международный отдел ЦК КПСС — третью. Эти игры «подогревались» стремлением получить свою (и желательнее побольше) долю от пришедших в страну «нефтяных миллиардов», которыми на внешнем контуре распоряжался прежде всего Международный отдел.

Можно с большой долей уверенности сказать, что ввод войск в Афганистан, помимо решения ведомственных задач «внутреннего КГБ» как самостоятельной силы, решал не менее, а возможно, и более важную задачу: военные действия, пусть и на окраине великой империи, не только увеличивали зону контроля со стороны КГБ и армии над ресурсами (включая средства от теневого экспорта от нефти, драгметаллов, алмазов), над не учтенной в госбюджете партийной «чёрной кассой», но и усиливали их властно-делочную позицию по отношению к КПСС, меняя соотношение сил в «треугольнике» «партия — ар-

мия — госбезопасность». В известном смысле КГБ и армия ситуационно брали реванш у КПСС, и это при том, что далеко не все в руководстве КГБ и армии были сторонниками ввода войск в Афганистан и не все в руководстве ЦК — противниками этого. Речь скорее должна идти о субъектах, формировавшихся пусть и на основе существующих ведомств и преимущественно их интересов, но всё же и «поверх барьеров». И наилучшие позиции в межведомственном противостоянии получали те структуры, кланы и группы, которые были в наибольшей степени подключены к формирующемуся на Западе глобальному миру финансистов и корпоратократов.

И последнее по счёту, но не по значению: на всю эту управленческую фрагментацию, усобицу, организационное дряхление накладывался психофизический или даже биологический фактор: дряхление и немощь советской верхушки — Политбюро ЦК КПСС. Мало того что эти люди сформировались в условиях мировых политических и экономических реалий 1940-х — начала 1970-х годов и были ментально адекватны миру именно той, послевоенной эпохи, завершившейся в начале 1970-х, и неадекватны новому, стартовавшему с самого начала 1970-х времени, они вдобавок и физически были «некондиционны», приближаясь к своему биологическому финалу и впадая не только в маразм, но и в избыточный пацифизм и «недеяние». Таким образом, социальный кризис системы и прежде всего управления приобретал ещё и личностно-биологическое измерение. Для персонализированной автосубъектной власти это была катастрофа.

В какой-то момент отношения части членов Политбюро приобрели характер маразматично-старческого междусобойчика, эдакое «собрались и погуторили» деды-щучари от власти. Это не только компрометировало власть, но и подрывало её. Показательную историю, произошедшую

в самом конце 1970-х годов, рассказал Г. Смирнову работник ЦК КПСС А. Воробьёв. По линии ЦК он побывал в Архангельской области и в Крыму, увидел и там и там кучу непорядков, проверка всё подтвердила. Вопросы обсуждались на Политбюро: архангельского обкома сняли, крымскому начальнику вклеили выговор. Всё хорошо, да что-то нехорошо: Воробьёв пригласил для разговора Воронцов, помощник М.А. Суслова. «Принимает его за накрытым столиком, с кофе, бутербродами, печеньем. Разговор ведёт незначущий: когда родился, кто мама, где учился, чем интересуешься и т.д. Потом извинился, куда-то ушёл и долго не возвращался. Александр Иванович и бутербродов поел, и кофею попил. Потом пришёл Воронцов, говорит, что с Воробьёвым хочет побеседовать сам Суслов.

Суслов тоже усаживает гостя, но уже без бутербродов. После незначущих фраз Суслов говорит: “Вот мы тут по твоей записке приняли на Политбюро решение о снятии секретаря обкома. Ну, всё ты правильно написал. Безобразия там имели место. Секретарь виноват, нарушения серьёзные, решение по нему правильное. Но, ты понимаешь, этот секретарь дружит домами с Устиновым. И Устинов на Политбюро вынужден голосовать за выговор своему другу. Вот как им после этого жить и дружить дальше? Невозможно. И разрушил эту дружбу ты. Или по Крыму — всё то же самое: правильно, были там безобразия. Но крымский секретарь — друг Брежнев. И Леонид Ильич голосовал за объявление выговора своему другу. А как ему теперь в глаза друга смотреть?

Поэтому ты, когда едешь в командировку, всегда думай, что целесообразно писать и замечать, а что — нет”.

— И я, — говорит Александр Иванович, — с тех пор уже всегда думал, что целесообразно, а что нет...»¹.

Sic transit Gloria mundi: вот так заканчивали «сталинские соколы» и другие, не столь яркие и благородные

¹ Смирнов Г. Мысль — молния в ночи. М.: Onebook.ru, 2014. С. 111–112.

«птицы». Поколение сходило без адекватных преемников: антиестественный отбор определялся логикой развёртывания базовых противоречий системы, её регулярностями.

В то же время на Западе (за редким исключением Рейгана) в 1970-е годы на роли высокопоставленных клерков мировая верхушка выдвинула новое поколение политических лидеров — относительно молодых, агрессивных и начинавших смотреть на слабеющий СССР не столько как на партнёра или даже противника, сколько как на потенциальную добычу. В те же 1970-е годы на Западе как грибы после дождя выросло огромное количество новых «фабрик мысли», заточенных на контрнаступление на СССР. Их воз-

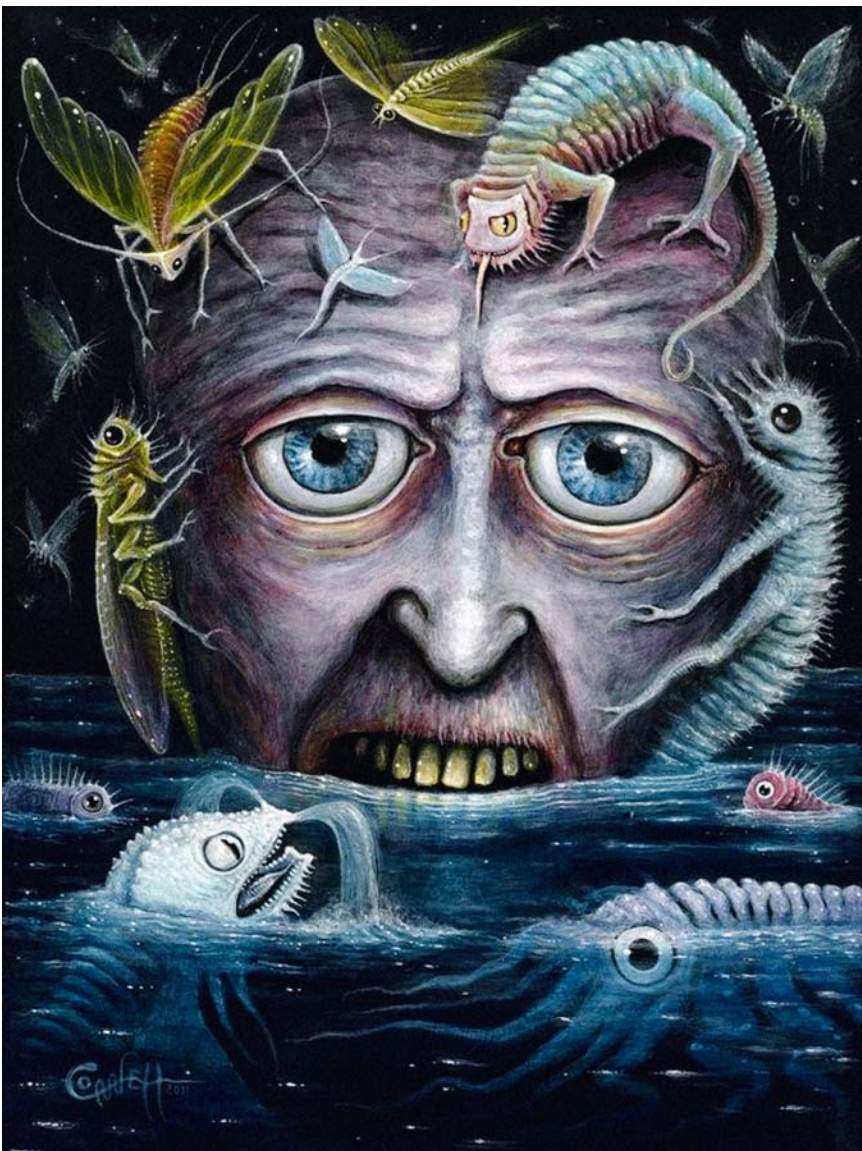
главляли и в них работали мотивированные люди — патриоты своих стран и защитники своих ценностей. Среди них было немало интеллектуалов нового поколения — бывших троцкистов или просто левых, которые ненавидели и СССР, и «старое левое движение» на Западе, и его социальную основу — рабочий класс. Как тут не вспомнить Сталина: пойдёшь направо — придёшь налево, пойдёшь налево — придёшь направо; диалектика.

Советские Институт США и Канады или, например, ИМЭМО, притом что там был не только околонуточный балласт, но и замечательные исследователи, назвать «фабриками мысли» язык не повернётся. С одной стороны, они были жёстко ограничены идео-

логией, с другой — в неформальном плане — большая часть сотрудников была повернута в сторону Запада и вовсе не была идейно и ценностно мотивированной в плане советского, социалистического патриотизма. Последнее в ещё большей степени характеризовало устойчивую не то бригаду, не то компашку из двух десятков представителей интеллектуальной obsługi «советских вождей» в двадцатилетие между (условно) 1965 и 1985 гг., всех этих бовиных-арбатовых-черняевых-шишлиных и пр. Им тягаться с западными «фабриками мысли» было «как школьнику драться с отборной шпаной» (В. Высоцкий). Да и не хотели, не собирались они драться, они хотели дружить. И подружились, сыграв, кстати, свою роль в воспитании молодого поколения номенклатурщиков, добравшихся до высот власти на рубеже 1970–1980-х годов.

В СССР в конце 1970-х, т.е. с запозданием на десятилетие по сравнению с Западом, к власти пришло тоже новое, более молодое поколение. Но лучше бы не приходило: то были беспринципные карьеристы с узким провинциальным кругозором («Коротенькие у тебя мысли, Буратино»). Если «стариками», сошедшие в первой половине 1980-х, были в массе своей фронтовиками, ощущали себя победителями, не испытывали комплекса неполноценности по отношению к Западу и ощущали себя на равных с западными лидерами, то все эти горбачёво-шеварднадзе и пр. смотрели на западных лидеров снизу вверх. Да и карьеру партийную при соблюдении всех ритуалов и «ку» по отношению к партии, её мудрому руководству, «лично товарищу Леониду Ильичу Брежневу», марксистско-ленинской идеологии и советскому народу эта публика делала с поворотом головы на Запад. Она привыкла верить кремлёвское начальство в верности, а когда их «Кремль» переехал в Вашингтон, стала холуйски заверять тамошнее начальство, что коммунизм в России не возродится.

В сухом остатке: ситуация, сложившаяся в СССР как социуме системного антикапитализма, была логическим

и закономерным результатом того, что во второй половине 1960-х годов советская верхушка отказалась от рывка в посткапитализм. Это стало началом постепенного превращения структурного кризиса советского общества в системный. Курс США на внутреннее изменение социально-экономического строя СССР вместо его внешнего сдерживания резко ускорил интеграцию определённых сегментов партноменклатуры и КГБ в капсистему, в превращение их в операторов теневого мирового рынка, а следовательно — деградацию системы. Структурный кризис усилиями извне и изнутри, соединившимися синергетически, стремительно превратили структурный кризис в системный, быстро переведя последний в терминальную стадию. Эта быстрота в определённой степени была обусловлена тем, что в условиях рушащейся системы на поверхность всплыли реликты досоветского прошлого. Для них советская «партократия», её система, а также — внимание! — советский народ были таким же врагом, как для антисоветских элементов самой системы, националистов её окраин и Запада.

Сын убитого власовца и внук расстрелянного колчаковского офицера,

делавшие карьеру «на крючке» КГБ (на этот «крючок» они этот КГБ потом и подвесили), правнук царского камергера, банкир из Нью-Йорка и спецслужбист из МИ-6 дружно объединили свои усилия в борьбе против загибающегося по собственной логике и по причинам внутреннего и общемирового (поскольку антикапитализм был и мировой системой) характера. Как говорил один из героев романа В. Галактионовой «5/4», «Самое опасное — это недобитки. Потому что выживут, окрепнут, растворятся среди победивших и взорвут всё изнутри [...] эти мины взорвут и принесут в будущем потрясения стране — смерти, голод, перевороты, мор [...] Они плодятся. Их гены уже во внуках скоро дадут себя знать самым роковым образом. Их становится во власти всё больше — в верхах, в самом сердце партии [...] Материк всплывает [...] Целый материк!»

Но вернёмся в 1988–1989 гг. Благодаря обрушению советской экономики Запад перехватил процесс демонтажа системы, и логика событий повела его к разрушению не только её, но и СССР, хотя планы разрушения были подготовлены намного раньше. Неслучайно М. Олбрайт главной за-

слугой Дж. Буша-старшего называет именно руководство распадом Советской империи. Впрочем, даже в 1991 г. Запад в СССР мог далеко не всё. Мог, например, частично порулить «путчем», используя неадекватность, простоту (которая порой действительно хуже воровства) и несоответствие обстоятельствам тех, кто сварганил ГКЧП, став объектом манипуляции (прежде всего, британцев). Но вышло как вышло, и с 1992 г. руками ельцинской своры, всех этих гайдаро-чубайсов, началось разграбление Западом, западным капиталом бывшего соцлагеря, бывшего СССР, а прежде всего — РФ, оказавшейся в ельцинские времена под внешним управлением и начавшей превращаться в то, что выше я назвал коКсом. Помимо разграбления, в Россию хлынул поток третьесортных товаров, не находивших спроса в ядре капсистемы. Вот что написал по этому поводу в октябре 1991 года Г. Смирнов: «Открыв огромный сток промышленному сбросу капиталистического мира, распавшаяся Россия даёт сейчас капитализму надежду продлить его агонию!» Грабёж отодвинул терминум капсистемы на 15 лет. Это полуторадесятилетие в мире характеризовалось следующим:

- 1) с окончанием холодной войны мировой рынок был наводнён дешёвым природным сырьём — газ, нефть, металлы; это был результат экспроприации российской промышленности под видом приватизации;
- 2) одновременно произошёл беспрецедентный (со времён советской индустриализации) рост иностранных вложений. Их объектом стал Китай. Эти инвестиции в значительной степени были обусловлены притоком средств, полученных в результате разграбления России, или, как ещё писали на Западе, «изнасилования России» (rape of Russia). Вложения в китайскую экономику реально продвинули реформы, начатые Дэн Сяопином при американско-британской поддержке, и на рубеже XX — XXI вв.

мир оказался завален дешёвым китайским барахлом;

- 3) страны НАТО снизили (как оказалось, на время) военные расходы и смогли перебросить часть освободившихся средств на социальные программы.

Всё это вместе взятое — шальные деньги от грабежа соцлагеря/России, деньги от частичного сокращения военных расходов, возможность сэкономить, покупая дешёвую китайскую продукцию, — всё это создало впечатление небывалых прогресса и изобилия, возникших после разрушения СССР. Ф. Фукуяма провозгласил это временем «конца истории». И вдруг — облом: страшный, небывалый со времён 1929–1932 гг. экономический кризис 2008 г. А ведь умные люди за год до кризиса предупреждали: «шаги командора» уже слышны. Но их не слышали. Пост-Запад (и не только он) продолжал дёргаться в конвульсиях *потребительства*, люди набирали немислимые кредиты, и — бах! Эта ситуация очень похожа на совокупление и оргазм некоторых видов богомола: самка в ходе коитуса (который иногда длится 5–6 часов) почти в самом начале откусывает голову самцу, семенная жидкость продолжает перетекать в самку, а самец уже мёртв — он ещё дёргается, но это оргазм, переходящий в агонию. Самка откладывает яйца, а затем возвращается и доедает самца — ей и потомству нужен белок.

IX

Многие люди и, как мы видим на примере Фукуямы, значительная часть обслуги мировой верхушки решили, что после 1991 г. наступило вечное либеральное блаженство, вечный либер-кайф. Помыслить такое, не поняв очевидное — то, что это отсрочка, обеспеченная грабежом соцлагеря (30% валового мирового продукта на конец 1980-х годов), можно было, только не имея головы — её «откусила» пропаганда. Однако в 2008 г. «блаженные конвульсии» закончились, надкушенная голова отвалилась окончательно, «оргазм богомола»

завершился, и наступили суровые кризисные будни. Более того, судя по коронабесию и начинающемуся климатобесию, «самка богомола» отложила яйца и начинает поедать ещё тёплый труп самца в виде малого и среднего бизнеса: нужен «социальный белок», люди — «живая нефть».

Сегодня стало ясно: пиршество гиен на трупе СССР было прощальным поклоном «эпохи изобилия»; главная часть «пира стервятников» подходит к концу, и начинаются «танцы с драконами». Кризис залили деньгами, но это уже не может скрыть того, что системный кризис капитализма перешёл в терминальную стадию, а внешних зон поглощения и/или сброса туда противоречий не осталось. Экстенсив окончен, остаётся интенсив. Задачи интенсива обычно решала мировая война как крайняя форма социальной катастрофы, но затевать мировую войну в нынешних условиях едва ли кто рискнёт. Меж тем «бомба времени» тикала, а знаки на стене проступали всё отчётливее.

В августе 2018 г. в Институте сложности Санта-Фе прошла знаковая и интересная закрытая конференция. Готовилась она довольно долго; у её истоков — Г. Макмастер, Р. Тиллерсон (в бытность госсекретарём) и М. Помпео. Провели её под эгидой АНБ. Хотя официального названия у конференции не было, по одному из ударных докладов её можно назвать «Риски уязвимого мира». Обсуждались проблемы экономики, финан-

сов, промышленности (кстати, была разгромлена теория «четвёртой промышленной революции» К. Шваба), опасности искусственного интеллекта, демографии, климата. Разбирались возможные варианты (теории) выхода из кризиса. Были предложены: 1) теория оптимизации (человечество успешно блокирует угрозы и движется вперёд); 2) революционная теория (человечество совершает технический прорыв и выходит на новый уровень развития); 3) теория катастрофы; 4) теория антропологического перехода (разделение человечества на две группы — верхнюю и нижнюю — с таким уровнем неравенства и различий, который напоминает различия между биологическими видами).

Первые две теории участники отвергли как малореальные по причине большой вероятности геоклиматической катастрофы, с одной стороны, и снижения интеллектуального и творческого потенциала мировых элит — с другой. С последним тезисом не могу не согласиться: деградация политического поколения обам, байденов, меркель, макронов и других очевидна не только в сравнении с поколением Черчиллей, де Голлей, Кеннеди и других, но и со сменившим их поколением Миттерана, Рейгана, Тэтчер, Коля, Ширака, Буша-старшего. Впрочем, дело не только в элитах. Участники конференции, сославшись на исследования швейцарских и израильских учёных, отметили, что за последние 100 лет благодаря пропаганде

Шальные деньги от грабежа соцлагеря/России, деньги от частичного сокращения военных расходов, возможность сэкономить, покупая дешёвую китайскую продукцию, — всё это создало впечатление небывалых прогресса и изобилия, возникших после разрушения СССР. Ф. Фукуяма провозгласил это временем «конца истории». И вдруг — облом: страшный, небывалый со времён 1929–1932 гг. экономический кризис 2008 г. А ведь умные люди за год до кризиса предупреждали: «шаги командора» уже слышны. Но их не слышали.

деятельности СМИ (а точнее — СМРАД, т.е. средства массовой рекламы, агитации и дезинформации) и жёсткому социальному контролю (то, что М. Фуко называл системой *surveiller et punir* — «надзирать и карать»), поведение людей, по крайней мере на Западе, сознательно стандартизировалось. В результате **человеческое разнообразие личности на Западе было подавлено, вытеснено и заменено автоматическим и инстинктивным поведением человеческой массы. Иными словами, ни элиты, ни массы Запада не способны не только к революционному преобразованию, но даже к оптимизации** (в обычном, а не неолиберальном смысле слова). Поэтому 55% участников конференции пришли к выводу о наибольшей вероятности реализации «катастрофической теории». Если же катастрофы удастся избежать или её результаты будут не столь фатальны, 25% участников высказались за желательность реализации схемы — внимание! — «антропологический переход», т.е. формирования общества, состоящего из двух социобиологических каст-слоёв типа элоев и морлоков из «Машины времени» Г. Уэллса. С одной стороны, сверхлюди, живущие в своих анклавах до 120–140 лет, с другой — обслуживающие их «служебные люди» с совсем другими умственными и физическими способностями и более низкой продолжительностью жизни.

Но как создать такой новый мировой порядок, что может послужить его триггером? Что может стать тем, что Дональд Рамсфелд в бытность министром обороны назвал «трансформирующим событием» (*transforming event*)? «Трансформирующее событие, — поучал он, — необходимо делать так. Будем говорить, что Китай нанесёт биологический удар по нам и что мы в связи с этим **меняем человечество** (*подч. мной. — А. Ф.*), потому что нужно спастись». По указанию Рамсфелда был подготовлен соответствующий документ под названием «Красный рассвет». В 2020 г. так оно всё и вышло — по Рамсфелду: в «пандемии» обвинили Китай, всё

свалили на уханьскую лабораторию, но при этом почему-то обходят стороной серьёзную утечку из лаборатории «Форт Детрик» ещё в июне 2019 г. В начале августа 2019 г. Центр по контролю и профилактике заболеваний (CDC) Министерства здравоохранения США прекратил на полгода «по соображениям безопасности» работу USAMRIID — Военно-медицинского института инфекционных болезней в Форт-Детрике (Мэриленд), при этом сотрудников на этот срок лишили зарплаты. Сразу после закрытия института появилась информация о странных инфекционных пневмониях, в том числе со смертельными случаями, у пожилых людей в окрестностях «Форт Детрика».

Ясно, что в нынешних условиях трансформирующим событием не может быть война: мир — это не большое Конго, где Вторая конголезская война (1998–2002 гг.) срезала «демографический горб» почти в 5 млн человек, и даже не большой Ближний Восток. Однако война — не единственная форма социальной катастрофы, есть и другие — например, пандемия. В 2010 г. идеолог мондиализма Жак Аттали назвал пандемию одним из лучших средств создания нового мирового порядка (НМП). В том же году аналогичная мысль прозвучала в известном докладе Фонда Рокфеллера. Путь был указан, однако первый «блин» — эпидемия свиного гриппа в 2013 г. — вышел комом. К следующему трансформирующему событию подготовились лучше.

В октябре 2019 г. Фонд Билла и Мелинды Гейтс (того самого, который в 2011 г., как сообщала газета *Sovereign Independence*, говорил о сокращении населения, депопуляции планеты посредством обязательной, т.е. насильственной вакцинации) провёл «учения» «Событие 201» (*Event 201*), в котором отрабатывались действия «мирового сообщества» по борьбе с пандемией коронавируса. Как по заказу, в последний день 2019 г. в Китае был зафиксирован первый случай заболевания коронавирусной инфекцией, в марте 2020 г. без достаточных на то оснований ВОЗ объявила пандемию. Правительства всех стран, за ис-

ключением Беларуси и Швеции, взяли под козырёк — и понеслось, «распльсались, разгулялись бесы»: локдауны, социальная дистанция, маски — короче говоря, всё по докладу Фонда Рокфеллера 2010 г. и учениям 2019 г. Наступило то, что очень быстро окрестили «новой нормальностью», поторопившись при этом заявить, что к старой нормальности возврата не будет. «Новая нормальность», она же НМП, необходимость которого провозгласил Дж. Буш-старший ещё в 1991 г., — это, по сути, и есть скрытое обозначение посткапиталистического строя.

То, каким будет, а точнее, должен быть этот строй и как он будет создаваться, изложил уже летом 2020 г. организатор и директор Давосского экономического форума К. Шваб в соавторстве с неким Т. Маллере в книге «Ковид-19. Великое обнуление» («обнуление», «сброс» — именно так, а не как «перезагрузка» нужно переводить слово *reset*). В ней сформулирована целая программа создания нового мирового порядка (НМП), который должен быть сконструирован по неомальтузианским лекалам и под видом и посредством стейкхолдерского (в ещё одной версии — «инклюзивного», т.е. всеохватывающего) капитализма на самом деле похоронить капитализм и создать на его руинах новый строй. Таким образом, книга — не только программа строительства нового, но и план уничтожения старого; по сути — это хроника объявленной смерти старого капиталистического мира. Книга Шваба — не самое интересное чтение, как и всё остальное, подписанное фамилией этого персонажа. Нас, однако, этот текст должен интересовать как «план игры» и схема системы, которую мировая верхушка будет навязывать человечеству. Выше мы говорили о капитализме и антикапитализме, их жизни и смерти. **Швабское писание даёт нам возможность более предметно поговорить о посткапитализме, каким его хотят видеть те, кого Б. Дизраэли называл «хозяевами истории».** Важная информация о том, каким будет постковидный мир, со-

держится в книге ещё одного высокопоставленного клерка на службе ультраглобалистов — Фарида Закариа, книга называется «Уроки для постпандемического мира» (2020).

Если учесть, что последние работы Шваба написаны им, как правило, в соавторстве, то можно предположить, что реальный автор — именно Маллере, а Шваб как «большой начальник» и фронтмен определённой группы ультраглобалистов «помечает» своё участие и таким образом фиксирует позицию и программу данной группы. Программа эта изложена в книге предельно откровенно, можно сказать — цинично, поэтому имеет смысл внимательно взглянуть и на неё, и на похожую программу проталкивателей так называемого «инклюзивного капитализма», и на структуры, которые навязывают миру «обнуление» и «инклюзивный капитализм». А уже после этого можно проанализировать, какие мотивы и интересы и каких конкретно групп и структур мировой верхушки скрываются за этими планами. И конечно же, о противоречиях внутри мировой верхушки

по вопросу о том, кто кого отсечёт от будущего, поскольку объектом развёртывающегося обнуления, сброса, сноса являются не только средние слои и национальные государства, но и значительная часть мирового правящего слоя, ультраглобалистские «буратины» изгоняют их, как Буратино изгонял Сверчка из каморки папы Карло: «каморка» НМП, оказывается, недостаточно велика, и глобальному «Боливару» не снести двоих. Противоречия, о которых идёт речь, как отражены в книге К. Шваба и Т. Маллере, так и проступают в реальных событиях 2020 г. в США — например, в государственном перевороте, отстранившем от власти Трампа и усидившем в Белый дом Байдена.

Грубая, беспардонная форма, в которой был организован переворот, свидетельствует о том, что время работает против ультраглобалистов. Именно поэтому они подстегнули социальную катастрофу в форме «пандемии»; эта катастрофа есть не что иное, как социальная война верхов против низов, перешедшее в решительную, острую стадию, начавшееся в 1980-е годы «восстание элит». Этот переход,

как и ускорение катастрофы, связаны с наступлением терминальной фазы системного кризиса капитализма. «Время не ждёт» — рефрен книги Шваба и программы ультраглобалистов. Тем более что жизнь преподносит сюрпризы, причём где — в самом логове.

В 2008 г., в разгар мирового финансового кризиса, ультраглобалисты и так называемая «глубинная власть» разработали первый из среднесрочных планов кризисного изменения США. Он был рассчитан на 16 лет: 8 лет президентства Обамы (клан Обамы и стоящие за ним силы), а затем 8 лет президентства Хиллари Клинтон (клан Клинтонов и стоящие за ним силы). На сегодняшний день эти два клана плюс чёрное масонство — ударная сила Демократической партии как главного орудия ультраглобалистов в США. Однако с реализацией второй части плана произошёл облом: **в 2016 г. силы, противостоящие ультраглобалистам, бросили в игру «джокера» — Трампа, который пусть на время, но поломал план игры ультра.** Более того, при всей непоследовательности своей политики он нанёс несколько мощных ударов и по «глубинникам», и по ультра. В свою очередь, они с самого начала стали блокировать внутреннюю и внешнюю политику Трампа и разрабатывать план его свержения, что и произошло в 2020 г. Однако темп в реализации 16-летнего плана был потерян, и нужно было спешно навёрстывать время как в американском, так и в мировом масштабе. Программа Шваба — это, по сути, программа ультраглобалистского блицкрига и одновременно «чертёж» «дивного» постковидного мира. Посмотрим, какое «меню» нам предлагают.

Х

Шваб с ходу заявляет: к миру, каким он был до объявления пандемии, т. е. в первые месяцы 2020 г., возврата нет — не надейтесь, мы вступаем в мир «новой нормальности». COVID, который Шваб не считает экзистенциальной угрозой человечеству, даёт, однако, шанс обнуления (reset) старого мира,

перезапуска истории и построения лучшего мира: с бóльшим равенством, с бóльшим уважением к природе. Использование кризиса, независимо от его силы и масштаба, как предлога для кардинального изменения мира — это вообще постоянный «мотив» всех «новонормалов», и неважно, от чего они отталкиваются — от пандемии или, например, от «климатической угрозы». Так, Басинда Сье (почти Бастинда, злая неухоженная волшебница Фиолетовой страны из «Волшебника Изумрудного города»), известная мексикано-чилийская «климатическая активистка» на службе ультраглобалистов (американская версия Греты Тунберг, только без биполярного расстройства), утверждает: «Климатический кризис — не только самый большой вызов, но и самый большой шанс изменить мир».

По мнению «обнулёнщиков», новонормальный мир должен формироваться по следующим направлениям: 1) борьба с вызванными человеком климатическими изменениями (читай: подавление промышленности и связанных с ней социальных слоёв и государства); 2) зелёная экономика (читай: деиндустриализация и сокращение населения планеты); 3) гендерное равенство (читай: стремление: а) расколоть общество, внедрив в него конфликт на межполовой основе; б) заставить женщин поголовно работать); 4) борьба за права ЛГБТ-сообщества (здесь всё ясно).

Одно из главных препятствий на пути слома старого и строительства нового мира — государство. В принципе, в постковидном мире места ему нет: «Всё будут решать никому неподотчётные группы экспертов, причём не только по части медицины. А за ними должны стоять глобальные корпорации с социальной ответственностью». Здесь необходимо сделать три замечания. Первое: как заметил в ставшей инфобомбой для американского истеблишмента книге «Новая классовая война» Майкл Линд, всё больше людей воспринимает экспертов как придаток господствующего класса и не верит им.

Второе: история с COVID'ом продемонстрировала отсутствие реального профессионального сообщества экспертов в той же медицине; бóльшая часть так называемых экспертов, которых видят на экранах ТВ люди постЗапада и РФ, — это, за редким исключением, ангажированные властью манипуляторы.

Третье: лукавит Шваб, не бывает корпораций с социальной ответственностью — только с прибыльной. Речь, таким образом, идёт о мире мегакорпораций, жёстко контролирующих планету с помощью так называемых экспертов. Но это среднесрочная перспектива, для краткосрочной Шваб вынужден неохотно признать роль как репрессивного органа (например, принуждение к неким непопулярным мерам). Понятно, хозяевам глобализации от государства на переходный к посткапиталистическому строю период нужно только одно — репрессивная мощь, поставленная на службу корпораций. Как заметил Зигмунт Бауман, «в «кабаре глобализации» государство начинает заниматься стриптизом, и в конце представления на нём остаётся только то, что является крайней необходимостью — репрессивная мощь».

Особая роль в переходе к миру новой нормальности принадлежит трём крупным государствам: США, РФ и КНР. Если хоть одно из них, пишет Шваб, выйдет из «проекта», то он, скорее всего, не будет реализован.

Ещё одно ограничение — время: у «неонормальников» всего 5–7 лет в запасе, иначе создать новую нормальность не удастся. Эта мысль Шваба понятна: обнуление — это социальный блицкриг, чем дольше затягивается процесс, тем больше он теряет темп, тем больше сопротивление, которого, кстати, как признаёт сам Шваб, он очень опасается.

При всём славословии в адрес «дивного нового» постковидного мира картина, которую рисует Шваб, вовсе не радужная. По сути, это деградирующий мир, скрыть этого Шваб не может и вынужден лишь смягчать свои выводы малообоснованными и ничего не значащими оговорками типа: «я надеюсь, этот вопрос как-то решится», «я надеюсь на благоразумие элит», «возможно, такого варианта всё же удастся избежать» и т.п. Начать с того, что Шваб убеждён: в новонормальном мире сохранятся «антиковидные» меры и нормы

ужесточённого контроля над людьми, по сути, нарушающие их права. В качестве аналогии он приводит тот факт, что после событий 11 сентября 2001 г. введённые в качестве чрезвычайных и временных меры контроля сохранились до сих пор, внося свой вклад, добавлю я, в формирование «государства национальной безопасности» как внешнего контура глубинной власти. Шваб вынужден признать: ужесточение мер социального контроля, связанных с COVID, создаёт серьёзный риск возникновения антиутопического иерархического мира, похожего на тот, что изображён в сериалах «Рассказ служанки» (*Handmaid's Tale*) по роману Маргарет Этвуд и «Чёрное зеркало» и проанализирован Шошаной Зубоф в работе «Эпоха капитализм контроля» (*The Age of Surveillance capitalism*, 2019). Речь идёт о строе тотальной депривации, уничтожающем неприкосновенность частной жизни до такой степени, что по сравнению с ним мир оруэлловского «1984» может показаться если не демократией, то чем-то «в её сторону».

Шваб признаёт: неолиберализм себя исчерпал. И делает вывод: поэтому мир, который идёт ему на смену, будет более справедливым, в нём произойдёт перераспределение богатств от верхов к низам. И тут же сам этот тезис опровергает: «Неверно, — пишет он, — считать COVID великим уравнителем, напротив, он усилит существующие формы неравенства: социальные, медицинские, психологические. В постпандемическом мире в ущерб бедным слоям в наилучшем положении окажутся прежде всего производители лекарств и владельцы больниц. Главным бенефициаром Большого сброса, — пишет Шваб, — станет Биг-Тек: структуры, которые мониторят и обеспечивают здоровье («БигФарма»); страховые компании; автоматизированная/роботизированная промышленность; компании, связанные с компьютерами, плюс информационные платформы («экосистемы») — крупные и сверхкрупные корпорации, которые должны поглотить правительства или превратить их в свою

внешнюю скорлупу, на которую будут сыпаться все шишки. На самом деле COVID — великий усилитель неравенства, антиуравнитель (*unequalizer*)».

Впрочем, куда уж дальше? В Америке неравенство нарастает стремительно (хотя не так стремительно, как в РФ). С 1967 по 2020 год, пишет Закариа, индекс Джини в США вырос на 22%, а если брать верхний 1%, то ещё больше; впрочем, это общемировая тенденция. Если в 1970 г. верхний 1% контролировал 10% национального дохода, а в 2020 г. — 20%, то нижние 20% — соответственно 22% и 15%. В США верхние 10% владеют почти 70% национального богатства, а нижние 50% — 1,5%. В этом плане США ближе к Бразилии, Индии и РФ, чем к Дании или Германии. COVID это неравенство ещё более усилит. При этом речь должна идти о неравенстве не только между социальными и возрастными группами, но также между государствами, слоями, корпорациями, компаниями. Закариа особо подчёркивает ускоренное COVID'ом расслоение именно между компаниями. Это вообще одна из тенденций XXI в.: с 2001 по 2013 г. в странах Севера 5% наиболее производительных предприятий увеличили производительность на 33%, 5% топ-компаний в сфере услуг — на 44%, остальные — соответственно на 7% и 5%. В современном мире, пишет Закариа, не *small is beautiful*, а *big is beautiful*. ИКЕА и «Фольксваген» имеют больше шансов зайти на рынки Китая и Индонезии, чем небольшие фирмы, к тому же к услугам мегакорпораций — лоббисты и дорогие юридические фирмы.

Сегодня лидирующая компания в любом секторе контролирует 50% рынка, а доля Google вообще 90%. COVID монополию гигантов в ущерб малому и среднему бизнесу (МСБ) лишь усилил. Крупные цифровые компании во время пандемии и локдаунов испытали настоящий бум. Под ударом оказались сектора, для которых характерен высокий уровень МСБ, владельцы которого, если говорить о США, очень часто негры и латино.

Получается «эффект Матфея»: тому, у кого есть богатство, будет дано больше и у него будет достаток; у тех же, кто имеет мало, будет взято (Мф. 6:21); иными словами, социализм для богатых, капитализм для бедных.

Ещё более усиливает «эффект Матфея» в ковидном и будет усиливать в постковидном мире такой фактор, как неравенство в образовании. Оно, в свою очередь, определяет занятость, которую может обеспечить. В начале XXI в., подчёркивает Ф. Закариа, представители верхнего 1% имеют в 77 раз больше возможностей отправить сына или дочь в Университет Лиги Плюща или другие элитарные вузы, чем те, кто относится к нижним 20%. Образование — это вид вложений, а как показал Тома Пикети, доход от вложений (*investment income*) растёт быстрее, чем зарплаты, — именно на эту форму дохода обречены те, кто малообразован. Если учесть, что всё большую часть работы, которую традиционно выполняли «синие воротнички» и часть «белых воротничков», будут выполнять роботы, а более квалифицированную работу этот сегмент рабочей силы получить не сможет из-за недостаточного уровня образования, то становится ясно: всё более растущее неравенство — реальность постковидной фазы посткапиталистического мира. Достаточно взглянуть на цифры: в США в мае 2020 г. уровень безработицы достиг 14,7%, работы лишились 20 млн американцев. В США уже сейчас доходы лиц с высшим образованием в 3,7 раза выше тех, у кого за плечами лишь школа. Кстати, за Трампа в США и за «Брексит» в Великобритании голосовали вторые, а за Клинтон и против «Брексит» — первые; «жёлтые жилеты» во Франции — это тоже в основном «вторые».

Рабочим в постиндустриальном мире Закариа шансов не оставляет: они утрачивают все плюсы (*premium*), которые имели раньше. Против них работают и налоговые системы Запада, которые неизмеримо больше благоприятствуют капиталу и богатству, чем труду и бедности. Джекоб Хекер и Пол Пирсон называют это

«**плутократическим популизмом**». Во время COVID'a, вынужден признать Закариа, беднота ясно увидела, как система — рыночное общество, а не просто рыночная экономика — работает против неё.

Шваб тоже не может отрицать, что степень риска, которой подвержены различные классы, различна: бедняки во время пандемии не могут позволить себе сидеть дома, обеспечивая детям дистанционное образование. В сфере услуг 75% работников могут работать удалённо, тогда как в сфере промышленности — на порядки меньше; например, в пищевой промышленности это 3%. Поэтому финальный вывод давосца неутешителен: социальное неравенство в постпандемическом мире, скорее всего, усилится, но, возможно, ситуация изменится, поскольку недовольных будет много и, возможно, власти пойдут им навстречу. Впрочем, как признаёт сам Шваб, история учит, что такой «оптимистический сценарий маловероятен без предшествующих этому широкомасштабных социальных беспорядков».

Из всего этого ясно: 1) с учётом картины, которую рисует Шваб, неравенство при посткапитализме усилится **навсегда**; 2) ситуация может измениться только в результате широкомасштабной борьбы нижних и средних групп общества. И действительно, им ничего другого не остаётся. Как обращался к работягам один ныне непопулярный деятель: рабочий, тебя пять тысяч лет обманывают те, у кого в руках власть и знания; что можешь противопоставить им ты, бедный и необразованный? Бей их в морду. И действительно, гнев обездоленных — мощная сила. Как писал Б. Мур, революции возникают не из победного крика восходящих классов, а из предсмертного рёва тех классов, над которыми вот-вот сомкнётся волна прогресса — буржуазного. Постбуржуазный «прогресс» à la Шваб из серии ежилицевского вопроса «если людоеды начинают пользоваться вилками и ножами — это прогресс?» — штука потяжелее, чем буржуазный. Там была хоть какая-то, пусть и раздутая про-

пагандой, социальная, классовая мобильность. В случае пандемии и мира, который создаётся с её помощью, даже Шваб вынужден признать: здесь мечта о классовой мобильности уничтожается как между странами, так и внутри отдельных стран, и если у богатых есть накопленный «социальный жирок», то бедных пандемия и локдаун подводят к последней черте — по Высоцкому: «Если хилый — сразу в гроб».

Одна из черт нового мира — уплотнение (*dedensification*). Это самые разные явления — от сокращения авиaperелётов и возможностей туризма до поддержания социальной дистанции. Цель всего этого — под видом борьбы с пандемией сократить контакты между людьми, т.е. атомизировать общество. При этом для Шваба всё это важно не с точки зрения здоровья людей, а потому что, во-первых, это полезно для природы; во-вторых, поскольку эти меры в той или иной степени сохранятся и в постковидном мире, они станут для многих компаний оправданием ускорения и усиления автоматизации/роботизации: «когда физическое дистанцирование станет обязанностью (*sic!* — А. Ф.), роботы начнут выполнять такие работы, для которых ранее был обязателен физический контакт». Вот что является одним из «скрытых шифров» комплекса «социального дистанцирования» — расчистка площадки для роботизации и цифровизации. При этом Шваб прекрасно понимает социальную и психологическую цену «разуплотнения/дистанцирования». Он сам пишет, что отсутствие общения плохо влияет на здоровье, вызывая стрессы, депрессию, тем более что в мире и так огромное количество людей страдает от депрессии — 350 млн (по данным Шваба, это около 5% мирового населения; в США — 26%). Ясно, что нагнетание властями страха перед эпидемией, обещание сотен тысяч смертей, новых волн COVID'a, новых пандемий — всё это не только подрывает иммунитет, но и ведёт к психическим расстройствам (по некоторым данным, их число за время «пандемии» увеличилось на 20%).

При всей радужности картины «мира после сброса» как лучшего, более справедливого и т.п. реальная экономическая картина, которую рисует Шваб, — это мир прогрессирующей деградации. «Послесбросовый мир» — это, по сути, мир бросовый. Макроэкономическое и макросоциальное выздоровление экономики и рынка рабочей силы в глобальном масштабе займёт около 40 лет, т.е. время жизни двух поколений. Роботизация/автоматизация ещё более ухудшит положение работника, отсюда — рост структурной безработицы и кризис занятости молодёжи, т.е. той силы, которой Шваб отводит главную роль в строительстве нового мира. Что с этим делать, Шваб не знает и по принципу Шляпника из «Алисы в Стране чудес» («Не будем об этом говорить») скороговоркой высказывает надежду на развитие микроиндустрии и крафтовой экономики.

Сам экономический рост в глобальную постковидную эпоху будет намного более медленным, чем в доковидную, это будет мир экономической асимптоты, в отличие от экспоненты 1800–1960-х годов. COVID обрушил даже затухающий рост 1960–2000-х годов: если в 1930-е годы и годы после кризиса 2008 г. ВВП снизился на 10% в течение нескольких лет, то в 2020 г. это произошло в течение нескольких недель. И это понятно: во-первых, удар пришёлся по секторам услуг, который в США обеспечивает 80% занятости и 70% ВВП (поэтому — à propos — термин «промышленно развитые страны» применительно к постЗападу совершенно бессмыслен). Во-вторых, удар пришёлся по малому и среднему бизнесу (МСБ), в котором занята большая часть населения. Да, платформы типа «Амазон» доминируют, но они продают продукцию МСБ; что касается крупных корпораций, то они действительно приносят прибыль, но их эффективность снижается из-за коррупции и бюрократизированности управления.

Итак, производство в большей части экономических секторов постЗапада вообще и США в частности в новом мире будет снижаться. Чтобы

примирить эту очевидную тенденцию с насущной необходимостью возникновения/создания этого мира, Шваб прибегает к иезуитской логике, смысл которой прост: давайте меньше потреблять. «COVID-пауза, — пишет Шваб, — предоставила людям возможность задуматься о том, что является настоящей ценностью, что может служить компасом в определении движения к прогрессу и двигателем (driver) этого процесса. Доступное здравоохранение и прочные социальные связи значительно больше определяют счастье, чем материальное потребление». Вроде бы правильные слова говорит нам идеолог обнуления, но надо помнить, что это слова человека, купающегося в материальном достатке, человека из давосской тусовки, о которой один британский журнал написал: эти представления глобальной элиты, которые подчёркивают важность борьбы с изменением климата, летая на частных самолётах, разглагольствуют о борьбе с голодом, поедая бутерброды с икрой и запивая их шампанским «Вдова Клико», говорят о необходимости борьбы с бедностью и неравенством, будучи

со всех сторон окружены огромным количеством прислуги.

Заявляя своё отношение к «настоящим ценностям», Шваб призывает, полностью пересмотрев западную культуру потребления, покончить с консюмеризмом вообще, потреблять меньше, перейдя — внимание! — от роста (growth) к «неросту» («росту вспять» — degrowth). В самом начале 1970-х годов околонуточные жулики — неомальтузианцы из Римского клуба — попытались в «Первом докладе Римскому клубу» продвинуть теорию (и стратегию) так называемого «нулевого роста». Эта теория обосновывалась необходимостью всех стран тратить половину ВВП на экологические нужды, иначе миру грозит экологическая катастрофа. Такой подход обрекал бедные страны («развивающиеся» — так лицемерно называли слаборазвитые страны третьего мира) на безнадежное, навсегдашнее отставание от первого мира, сокращение производства и потребления и депопуляцию. Тогда, в 1970-е годы, с «нулевым ростом» не получилось — ситуация не созрела, да и сам факт

существования СССР мешал. И схему на время отложили, а через полвека вытащили из сундука, смахнули пыль и — voilà.

Шваб оказался не первым реаниматором «нулевого роста», от которого прямая линия прочерчивается до «обнуления»; правда, теперь это касается не только бывшего третьего мира (нынешнего Юга), а всего мира в целом. Первыми оказались 1100 экспертов, подписавших в мае 2020 г. в Великобритании некий манифест, призывающий к «стратегии нероста» (degrowth strategy). Эксперты заявили о необходимости принять «демократически спланированное» и в то же время «ориентированное на устойчивый рост» (глобалистский эвфемизм для приведения в соответствие населения планеты с ресурсами, т.е. сокращения мирового населения до 2 млрд — минимум) и — внимание! — на «равенство в снижении качества экономики». Задача, согласно манифесту, — создать «экономику сниженного качества» (downscaling economy), которая — это уже добавляет Шваб, восторженно

приветствующий программу манифеста, — «приведёт нас к будущему, в котором мы можем жить лучше, довольствуясь меньшим» (where we can live better with less). И в качестве положительного примера такой счастливой жизни по «третьему разряду» Шваб приводит жизнь аргентинцев в Патагонии — довольно суровом краю. Вот, оказывается, к чему надо стремиться на пути преодоления консьюмеризма и строительства нового мира. Мне всё это напоминает то, как лиса Алиса и кот Базилио уговаривали Буратино зарыть свои золотые на Поле чудес в Стране дураков, чтобы к утру выросло деревце, усеянное золотыми монетами, — чем не новый прекрасный мир? Напомню: Поле чудес — это помойка, свалка Страны дураков. Вот к созданию такой свалки и призывают информационно затерроризированных людей эксперты на службе ультраглобалистов.

«Патагонизация» — это рецепт Шваба для всего Юга (за исключением анклавов «Север-на-Юге» типа Сингапура или плавучих городов для сверхбогатых), а также для некоторых частей Северной Америки, Западной и Восточной Европы и, конечно же, для РФ. Как может выглядеть «патагонизация» РФ, хорошо показано в романах Олега Маркеева «Неучтённый фактор» и Беркем аль-Атоми «Мародёр» и «Каратель». Северу, богатому миру, предлагается другой рецепт — японификация. Модель — Япония в том виде, в каком она существует сегодня, т.е. после получения страшного удара 1990-х годов по своей экономике от США. Этот вид определяется следующими характеристиками: 1) структурно слабый спрос, т.е. пониженный уровень потребления; 2) очень низкий уровень инфляции; 3) сверхнизкая процентная ставка. Шваб уверен, что в будущем — ближайшем и не очень — наиболее развитым странам придётся пережить японификацию, и это вовсе не плохо.

И японификация, и патагонизация в показателях ВВП означают регресс, деградацию, что делает картину ещё более мрачной и бесперспектив-

ной. Но и здесь Шваб находит решение: чтобы картина новонормального мира не выглядела кошмарной сквозь призму ВВП, этот показатель нужно изменить, подогнав под реальность, или вообще от него отказаться. Шваб пишет об этом открыто: «По мере того как растёт неравенство, а технический прогресс всё более увеличивает дальнейшую поляризацию, ВВП (и ВВП на душу населения) становится всё менее полезным (*подч. мной. — А. Ф.*) показателем уровня жизни». Логика здесь проста: **если ВВП и ВВП на душу населения наглядно демонстрируют деградацию, от них как от показателей необходимо отказаться и заказать «новое платье короля»**. Какое — Шваб ещё не придумал, но некоторые идеи у него есть. Он считает, что новые показатели должны учитывать инфраструктуру, человеческий капитал, вклад в сохранение окружающей среды, инновационные экосистемы (в РФ это типа грефовского Сбера — спасибо, не надо); обновлённое (я бы сказал: обнулённое) понятие ВВП обязательно должно отражать ценности, создаваемые цифровизацией и неоплачиваемой работой.

Замечу: строго говоря, цифровая экономика никаких ценностей не создаёт, поэтому выходит, что «обновлённое» понятие ВВП, чтобы скрыть деградацию и неравенство в качестве доминирующих системных тенденций,

должно отражать фикции. Ну а неоплачиваемая работа — труд волонтеров, например, — предоставляет широкое поле для манипуляций фикциями. Кстати, волонтеры — реальная модель воспитания, если не дрессировки, так называемых «служебных людей», т.е. низшей касты «дивного новонормального мира».

Панацеей экономического развития нового (посткапиталистического — хотя Шваб этим термином не пользуется) мира обердавосец считает провозглашённую им «четвёртую промышленную революцию». Он посвятил ей целую книгу, которую перевели на несколько языков, включая русский, и многие слабые умы уже начали некритически пользоваться термином «четвёртая промышленная революция» так же часто и так же попугайски бездумно, как, например, термином «устойчивое развитие».

В то же время серьёзные специалисты и практики схему «четвёртой промышленной революции» всерьёз не приняли, на пальцах объяснив, что, во-первых, никакая это не революция; во-вторых, то, что скрывается за этим термином, никакого отношения к промышленности не имеет. Перед нами очередная ложь Шваба, очередное «новое платье короля». На закрытой конференции в Санта-Фе, о которой речь шла выше, концепция «четвёртой промышленной революции»

была подвергнута острой критике. Основные докладчики по теме «Промышленность и экономика» — М. Карр (директор по исследованиям компании Lloyd) и М. Кекер (директор по исследованиям юридической компании Perkins and Co), т. е. люди практические, — определили выводы этой схемы и книги Шваба «Четвёртая промышленная революция» не просто как некорректные, а как миф. Любая производственная/промышленная революция, говорится в их докладе, предполагает ускорение темпов роста производительности труда. Среднегодовые темпы этого роста в 2009–2017 гг. были ниже, чем в 2000–2008 гг., а в нулевых они были ниже средних показателей за последние 20 лет XX века. Таких низких темпов роста производительности труда, как в 2010-е, не было с начала XX века; нынешняя интернет-экономика, с которой пытаются увязать «четвёртую промышленную революцию», задействована не на производство, не на реальную экономику, а на сферу обращения — финансы, маркетинг, рекламу.

Первая промышленная революция (уголь, завод, телеграф) длилась около 50–60 лет, достигнув пика в 1868–1892 гг., обеспечив прирост ежегодной производительности труда в 2%. Вторая промышленная революция (двигатель внутреннего сгорания, нефть, конвейер) длилась примерно 35 лет, средний рост производительности труда — 2,3%. Третья промышленная революция, конец которой в вялотекущем режиме переживает ядро капсистемы, — самая короткая и слабая, быстро исчерпавшая прирост производительности (менее 2%) за 25 лет — к концу XX века. Затем, в начале XXI века, производительность труда постоянно снижалась, составив в настоящее время в расчёте на ВВП за вычетом сферы обращения и государственных услуг лишь немногим более 0,4%. О какой новой («четвёртой») промышленной революции может идти речь в такой ситуации? Налицо не революция, а в лучшем случае инволюция, которую пропагандистски пытаются представить: а) как сдвиг

в сфере именно промышленно-сти; б) как революционный сдвиг. Я уже не говорю о том, что, помня об экономике будущего — по Швабу — как «экономике сниженного качества», о прокламируемых им «патагонизации» и «японификации», получается, что «четвёртая промышленная революция» — это такая, которая прямоком ведёт в экономически упадочный, деградирующий мир. Хороша революция, ничего не скажешь.

И ещё вопрос: как совместить «четвёртую промышленную революцию» с «патагонизацией» и «японификацией» жизни с созданием «экономики пониженного качества»? Революция, создающая бросовую экономику? Когнитивный диссонанс? Нет, просто ложь.

XI

Впрочем, все эти картинки из будущего — это в большей степени присказка, сказка — это программа создания капитализма нового типа. Речь идёт о так называемом «стейкхолдерском капитализме» (stakeholder capitalism), который на самом деле никакой не капитализм, а ширма и одновременно средство уничтожения капитализма (акционерного капитализма — shareholder capitalism). От акционера-дольщика (shareholder) стейкхолдер отличается тем, что если первый — это владелец акций, собственник, то второй — это лицо, не имеющее собственности, а просто заинтересованное в том, чтобы данный бизнес (или данная фирма) функционировал нормально, и либо терпящее убытки, либо испытывающее ущерб в случае его (её) плохого функционирования. Стейкхолдером может быть директор-несобственник, подрядчик, субподрядчик, просто житель того района, где расположено то или иное предприятие, наносящее вред природной среде. Но в любом случае — и это крайне важно, доминанта — стейкхолдер не является собственником, он всего лишь участник.

Впервые Шваб употребил термин «стейкхолдер» в 1971 г. в книге «Управ-

ление современным предприятием в машиностроении» (Modern Enterprise Management in Mechanical Engineering). Он определил стейкхолдеров как «вторичных участников огромного коммерческого проекта», первичные участники — это собственники, причём крупные — корпорации-монополисты, стремящиеся подавить конкуренцию и рынок. Ну а что происходит с «вторичными участниками коммерческого рынка» в случае установления на нём монополии или олигополии, объяснять не надо; стейкхолдер — это даже не игрок, а пешка на вылет, на жертву, расходный материал рынка. То, что рынок — временное состояние при капитализме, характеризующее его относительно неразвитую стадию, ясно. Недаром в своё время Фернан Бродель заметил: капитализм — враг рынка с его конкуренцией, совершенно ненужной стремящемуся к монополии капиталу. Слово развивая эту мысль, Питер Тиль из PayPal откровенно говорит, что конкуренция — это удел неудачников (losers). Цель любой компании — монополия.

В течение почти полувека о стейкхолдерах почти не вспоминали. И вдруг в 2019 и 2020 гг. раздался залп. В 2019 г. газета Financial Times, рупор крупного, прежде всего финансового, британо-американского капитала призвала к замене «акционерного капитализма» «капитализмом вторичного участия», стейкхолдерским капитализмом, в котором доля — это не акция и не собственность, а, например, гарантированный (государством) базовый доход, у которого жёсткие планки — и нижняя, и верхняя. Ультраглобалисты и те, кто, как Шваб, обслуживают и озвучивают их интересы, активно поддерживают и развивают эту идею и пытаются представить стейкхолдерский капитализм как такой, который в создании долгосрочной прибыли стремится учитывать потребности всех заинтересованных лиц — общества и человечества в целом. Согласно Швабу, как минимум три причины диктуют необходимость замены акционерного капитализма, т. е. капитализма собственников «ка-

питализмом участия» т. к.: 1) мир стал значительно более взаимосвязанным, чем раньше; в условиях глобализации люди становятся глобальными гражданами; 2) значительно большую роль, чем раньше, играет проблема защиты природной среды, особенно в связи с необходимостью борьбы с вызванными человеком климатическими изменениями (у всех ультраглобалистов это важнейший пункт переустройства мира); 3) при наличии интернета люди знают, как живут другие, и стремятся к большему равенству; стейкхолдерский капитализм, считает Шваб, даёт оптимальное решение проблем в новой ситуации, связанной с COVID'ом.

Эти тезисы несостоятельны. Во-первых, новая ситуация, о которой говорит Шваб, возникла не сама по себе, она также не есть месть природы человеку, как утверждает Закариа, а представляет собой результат социально-политических и экономических мер властей, мер намеренно избыточных по сравнению с масштабом эпидемии, которую объявили пандемией. Как показали в своих исследованиях З. Бауман, М. Кастельс и многие другие неангажированные исследователи, «глобалами» становятся лишь 20% мирового населения, 80% навечно вталкиваются в разряд «локалов». Глобализация — это селективный процесс отсекающего от глобального уровня и связанного с ним богатства или просто достатка огромной массы населения. То, что житель Индии, Боливии, Конго или РФ может в смартфоне наблюдать жизнь мира богатых, всякие «Санта-Барбары», не делает его богатым и не позволяет ни на миллиметр изменить свою ситуацию. Во-вторых, что касается защиты природной среды, то именно корпорации, которые, согласно Швабу, должны вытеснить государство, загрязняют атмосферу, производят ГМО-продукты, вырубая лес на Амазонке.

Вообще, экологизм (не путать с природоохранной деятельностью) как квазиидеология защиты природы

от человека (как фактора давления на неё и лишнего едока) и добавившийся к нему императив борьбы с климатическими изменениями (обоснование — весьма спорный тезис о глобальном потеплении) занимает одно из центральных мест в повестке дня демонстрационщиков-высотников капитализма. Именно всем этим обосновывается необходимость «зелёной экономики», представляющей собой беспощадно ориентированную на уничтожение промышленности и примитивизацию/архаизацию экономики в интересах определённых сегментов мировой верхушки.

Пандемия, пишет он, пришла в тот момент, когда многие проблемы — от активных действий по поводу климатических изменений до гендерных различий и скандалов Me Too (обратим внимание, что для ультраглобалистов на одной доске оказываются борьба с климатическими изменениями и борьба за гендерные права вплоть до пошло-подлой психозидемической компании Me Too) — становились всё более заметными, усиливая — так хочется Швабу — значение перехода, во-первых, от акционерного капитализма к стейкхолдерскому, во-вторых, к принципиально новому подходу к миру — ЭСУ-подходу: экология (окружающая среда), социальная сфера, управление (ESG — environmental, social, governance).

Нынешняя ситуация — климат, экология, пандемия — диктует, по Швабу, следующее: целью компаний не может быть только прибыль, они должны быть не только владельцами (держателями) акций (shareholders), но и заинтересованными участниками (stakeholders). Соображения (подход) ЭСУ должны занять центральное место в экономической стратегии. Ультраглобалисты (например аналитики из Black Rock) пытаются доказывать, что ЭСУ-ориентированные компании лучше пережили COVID. И тут же опять противоречие: если эти компании имеют явное преимущество, то за-

чем же вводить жёсткую систему наблюдения силами социальных активистов за тем, соблюдают ли компании принципы ЭСУ, и если нет, то наказывать ли их? Вроде бы жизнь их и так уже наказала или накажет. Весь бизнес, согласно Швабу, должен быть перестроен в соответствии с требованиями борьбы с климатическими изменениями и за защиту окружающей среды, а у тех, кто не захочет перестроиться, бизнес нужно отбирать. Это чёткое указание: демонтаж акционерного капитализма, т. е. капитализма как такового, предполагает активную экспроприаторскую практику — «мягкую» (налоги) или жёсткую (изъятие бизнеса в случае несоответствия ЭСУ-подходу).

Одним из средств этого процесса должны стать изменения в правовой системе, ориентированные на экологию и резко ограничивающие, а по сути, отменяющие частную собственность. Идеи подобного рода активно проталкиваются на постЗападе в последние годы. В частности, ещё в 2015 г. появилась книга Ф. Капра и У. Маттеи «Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом»². Именем экологии Матери-Природы авторы атакуют нынешнюю правовую систему, государственный суверенитет и частную собственность. В основе всего этого, считают авторы, лежит «экстрактивность», которую следует заменить «генеративностью». Последняя исходит из того, что человечество не обладает исключительностью по сравнению с другими экосистемами планеты, и это нужно зафиксировать юридически.

Прежде всего частный собственник должен перестать занимать место в центре правовой системы, на его место нужно поместить «общедоступные блага», т. е. коллективную собственность. Субъектом этой собственности должны быть независимые от государства и его власти «экологические сообщества» (общины), объединённые в сеть. Таким образом, закон отбирает у государственной власти законотвор-

² Я благодарен Г. Власову, обратившему моё внимание на эту книгу и поделившемуся информацией о её содержании.

ческую функцию и право реализовывать её с помощью силы, т.е. обнуляется государственный суверенитет, поскольку сетевые сообщества трансграничны. Сеть генеративных (так и вертится на языке: дегенеративных) правовых порядков, по сути, отменяет частную собственность и государство как субъект. При этом Капра и Маттеи не упоминают (более того — старательно обходят) корпорации и финансовый капитал, будто их в современном мире не существует, а все беды — от государств и промышленности, точнее — от промышленного капитала.

Мы прекрасно знаем, что в современном мире так называемые сетевые сообщества, сети, контролируются гигантскими фирмами — социальными платформами в союзе с крупнейшими банками и наднациональными корпорациями. Предложение лишить государство монополии на законодательство, контроль над правовой системой и собственностью означает следующее: 1) передачу собственности от государства корпорациям-платформам; 2) уничтожение частной собственности и превращение её в коллективно-корпоративную, в результате чего вся планета (природа, биосфера) под видом «общедоступных благ» становится коллективной собственностью корпораций, которые к тому же контролируют социальные сети, т.е. социальные контакты и социальное

поведение. При этом собственность растворяется в общепланетарной власти, тем более что деятельность «экологических сообществ» не выходит за рамки весьма ограниченной территории и не может контролировать ничего за её пределами. В отсутствие государства контроль в таком вне- и надлокальном масштабе могут осуществлять лишь наднациональные мегакорпорации; будучи способны подмять государства, — «экологические общины» они просто раздавят.

«Экоправовая революция», к которой призывают авторы, требует — и они этого не скрывают — деиндустриализации, ограничения потребления (они называют это «эффективным контролем за экономическим поведением отдельных людей в целях обеспечения сохранности экологии и социальной справедливости»). Упоминают Капра и Маттеи, доклад «Пределы роста» Римскому клубу, стейкхолдеров — и становится понятно, откуда растут неомальтузианские «уши»: депопуляция, дерационализация (сознания), деиндустриализация (посредством «зелёной экономики»).

Показательно, что центральный пункт программы — переход к стейкхолдерскому капитализму, «капитализму участия», «капитализму без собственности» (такая же химера, как «хлопок одной ладонью»), т.е. в действительности к посткапитализму

в интересах нынешней мировой верхушки — жёстко привязан к «зелёной экономике», к антипромышленному курсу, а следовательно, к целенаправленному подавлению тех слоёв, которые связаны с промышленностью и её обслуживанием — от промышленных капиталистов до рабочего класса плюс часть МСБ, т.е. против большей части бенефициаров великой индустриальной Америки 1930–1980-х годов и вообще индустриального мира XX в., его институтов и социальных завоеваний.

«Зелёная экономика» и есть средство этого подавления — с помощью действий активистов, жёсткого экологического законодательства, которое ударит прежде всего по МСБ, поскольку никому в голову на постЗападе (да и в РФ) не придёт покуситься на крупные корпорации, да и «налог на природу» для большого бизнеса — это не проблема: там, где «толстый» похудеет, «тощий» загнётся, а вместо прибыли («доллара») «тощему» вручат базовый доход («цент»), провозгласят стейкхолдером — и «ни в чём себе не отказывай!».

XII

Итак, в 2010-е годы глобальная элита оказалась в положении той части верхов США, которые выдвинули в 1930-е годы Ф.Д. Рузвельта: их единственным средством в борьбе с финансовым капиталом, с одной стороны, и с Британской империей — с другой, были кризис и мировая война, т.е. организованная социальная катастрофа. В нынешних условиях кризис, причём реализуемый в ускоренном режиме, тоже оказывается единственным средством во всё более сгущающемся для глобалистов цугцванге; но кризис сегодня не может быть «военной войной», только социальной. Первым ходом в ней стала «пандемия» — либо её спецзапуск, либо просто использование возникшей ситуации с объявлением её пандемией. Цель одна — демонтаж капитализма.

О том, что именно демонтаж капитализма путём ускорения глобальной социальной катастрофы является

направлением главного удара ультра-глобалистов, свидетельствует не только швабовская программа, но и программа так называемого «инклюзивного капитализма». Под инклюзивным, т. е. «включающим», капитализмом имеется в виду социально-экономическая система, которая работает якобы не на капитал, а на всё население планеты: все в мире становятся «включёнными капиталистами» — за счёт и путём, как и в случае со «стейкхолдерским капитализмом», фактического лишения собственности, причём не только частной, но и личной. Разумеется, это не распространяется на мировую верхушку, которая сохранит власть, привилегии и собственность на социальные и духовные факторы производства, которая совпадает с властью. Мне это напоминает один персидский анекдот. Бедняк приходит к богачу и спрашивает его: «Все люди — братья?» «Да», — отвечает тот. «Тогда ты должен поделиться со мной половиной твоего богатства». В ответ богач бросает бедняку несколько медяков, а на удивлённый возглас того говорит: «Бери это и уходи, а то если об этом узнают другие наши братья, тебе и этого не достанется».

Все сомнения в истинных целях «инклюзивных капиталистов» исчезают, как только мы знакомимся со структурой, продвигающей этот проект, и конкретными лицами, возглавляющими её: как говорится, пробу ставить негде. Главная структура «всёключенцев» — «Совет по инклюзивному капитализму с Ватиканом» (Council for inclusive capitalism with Vatican), который был создан 8 декабря 2020 г. Формально его руководителем, духовным главой считается папа римский Франциск I; координатором и фронтменом — Линн Форестер де Ротшильд. Созданию совета предшествовал подготовительный период, начавшийся в 2014 г. конференцией по инклюзивному капитализму. Открыли её Билл Клинтон и принц Чарльз — не то православный христианин, не то криптомусульманин, короче говоря, хрисламист с «зелёной ориентацией». Затем была создана компания

Inclusive capital partners, а в 2020 г. — совет. Возглавляют его 27 стражей (Guardians). Почему 27? Ответ, на мой взгляд, лежит на поверхности — как похищенное письмо в рассказе Эдгара По. В 2007 г. учёные из Швейцарского государственного технологического университета (Цюрих) под руководством Джеймса Глаттфелдера ввели данные о 37 млн корпораций, их «дочках» и частных инвесторах в суперкомпьютер Orbis 2007. Было быстро выявлено ядро — 43 060 корпораций, работающих во всём мире. У этого ядра было своё ядро — 1318 компаний, контролирующих 20% мирового дохода плюс владеющих и контролирующих акции большинства крупных корпораций (ещё 60% дохода). Внутри этого ядра — суперядро — 147 корпораций, щупальца которых охватывают все 1318 компаний. 147 корпораций (75% из них — банки) тесно связаны друг с другом, по сути, составляя единое целое и контролируя 40% мирового дохода и все основные мировые СМРАД. Наконец, у этих 147 корпораций есть **своеобразная голова, мозг — 27 банков и корпораций, суперхозяева. Их представители и присутствуют в совете.**

Официальная цель совета — «строительство справедливого и инклюзивного общества и экономики, устойчивой экономической системы, которая работает в интересах всего человечества»; все жители планеты (бизнесмены, чиновники, потребители,

местные сообщества и т. д.) становятся стейкхолдерами; прибыль не отменяется, а ставится на службу всем землянам, работает в их интересах. Лозунг: People, Planet, Principles of Government, Prosperity. Всего структуры, стоящие за советом (сайт: inclusive capitalism.com), имеют капитализацию 2,1 трлн долл., совокупный доход — 10,5 трлн долл.; в 163 странах на них работают 200 млн рабочих. При переводе на шкалу мировой экономики это ниже Франции, но выше Великобритании — между ними.

Объявляя союз с Ватиканом, Форестер де Ротшильд подчеркнула, что Совет будет прислушиваться к требованию Франциска слышать плач (сту) Земли, Матери-Природы, плач бедных и отвечать на их чаяния. Читаешь слова этих людей, и в памяти начинают звучать слова Гамлета о Розенкранце и Гильденстерне: «Которым я, как двум гадюкам, верю». Дела и биографии самой Линн Форестер де Ротшильд и большинства из 27 стражей смотрятся не очень благовидно, особенно если учесть, что все эти люди подчёркивают: они — стражи морали; в высшей степени достойные и порядочные люди. Начнём с мадам. Ныне она владелица состояния своего покойного мужа Эвелина де Ротшильда, а также журнала The Economist, она же — член Совета по международным отношениям (США), Ассоциации внешней политики (США), Института международных отношений (Великобритания), Института стратегических исследований (Великобритания) и Международного консультативного совета Asia House.

В 1998 г. на встрече Бильдербергского клуба в Шотландии человек Рокфеллеров Киссинджер познакомил свою протезе Линн Форестер (кстати, Шваб — тоже протезе Киссинджера) с Эвелином Робертом де Ротшильдом (похоже на классическую подводку), и вскоре они поженились — вышедшая из среды рабочего класса и сделавшая карьеру Линн и миллиардер Ротшильд. Часть медового месяца молодожёны провели по приглашению четы Клинтон в Белом доме. Линн, ярая сторонница Демпартии, в 2008 и 2016 гг. была

главным фандрайзером своей подруги, любительницы женщин — от несовершеннолетних «лолиток» до более зрелых дам — Хиллари Клинтон и её советника по экономике.

Самое раннее упоминание о Линн датируется 1991 г. (она ещё не была замужем за Ротшильдом) — тогда она великодушно предоставила в полное пользование своей британской подруге один из своих апартаментов на Манхэттене. Подругу звали Жислейн Максвелл, она была дочерью Роберта Максвелла — медийного магната и агента МОССАД (а вообще-то двойного, а возможно, и тройного агента). А приехала Жислейн в Нью-Йорк сразу после того, как её отца убили (предположительно британцы и/или израильтяне). Сегодня Жислейн Максвелл ожидает суда по обвинению в child sex trafficking — траффике детских секс-услуг. В этом бизнесе она была партнёром Джеффри Эпстайна, поставившего детей для секс-услуг политической и шоу-бизнес-верхушке США и постЗапада в целом. Эпстайн тоже работал на МОССАД. На своём самолёте с красноречивым названием Lolita Express (привет Набокову) он возил развлекаться с детьми международную педофильскую верхушку обоих полов, за что был арестован и якобы повесился в камере, причём «сделал» это уже со сломанным позвоночником (напоминает историю с бывшим управделами ЦК КПСС Н.Е. Кручиной, выбросившимся осенью 1991 г. из окна со связанными скотчем руками). Во время следствия имя Линн Форрестер де Ротшильд всплыло в списке лиц, которые летали на этом самолёте — правда, только один раз. А вот имя Билла Клинтона упоминается 25 раз. С Эпстайном Линн связывали дружеские и деловые отношения: вместе они даже создали в 2012 г. структуру Terra Mag, чьей официальной целью было спасение океанов. Сразу после ареста Эпстайна Линн структуру ликвидировала. Одним из доноров Terra Mag был фонд Клинтонов. Ну как можно сомневаться в чистых намерениях подруги столь достойных людей и спасительницы водной среды?

Теперь о 27 стражах. Среди них — главные исполнительные директора (СЕО). Среди них СЕО двух фондов, которые, как заметил Ф. Энгдаль, в значительно большей степени определяют внешнюю политику США, чем Госдепартамент — фондов Рокфеллеров и Форда. Это, соответственно, Раджив Шах и Даррен Уокер. Оба фонда активно продвигали распространение ГМО-культур и продуктов. Не менее активны представители ГМО-гиганта Дюпон и компаний Merck и Johnson and Johnson, они тоже среди двадцати семи. Эти три компании известны скандалами, связанными с некачественной, смертельно опасной продукцией. Так, руководство «Мерк» лгало, отрицая риск, который несёт их лекарство от артрита Vioxx, и только когда у 55 тыс. принимавших его произошли сердечные приступы, вынуждены были признаться. Среди стражей — руководители Visa, Mastercard, Bank of America, Allianz Insurance, British Petroleum (в 2016 г. именно Visa и USAID стояли за катастрофическим экспериментом Моди по созданию безденежной экономики Индии); бывший руководитель Банка Англии, засветившийся в отмывании денег мексиканскими наркокартелями и русской мафией; Марси Фрост — мутный глава CalPERS, замешанный во многих историях с мошенничеством пенсионного фонда штата Калифорния, и ряд других сильно запятнанных, но весьма влиятельных глобалистов; глава State Street Corporation, которая крайне агрессивно проводит политику поощрения развития «зелёной экономики».

По сути, перед нами некий прообраз, черновик полумафиозного мирового правительства, чья заявленная задача — реформатирование мировой системы и создание НМП, за которым вовсе неслучайно торчат «уши» семейства Ротшильдов. Ну а фактический глава этого правительства, «духовный лидер» — папа римский иезуит Франциск I. Прежде чем говорить об этом специфическом плане, зададимся вопросом: как папа и иезуиты связаны с ультраглобалист-

ской повесткой и Ротшильдами? Это только личные отношения Франциска I, которого Энгдаль назвал самым интервенционистским и самым глобалистским папой со времён крестовых походов, или не только? Не только. Мало кто знает (хотя информация об этом содержится в одном из томов 22-томной Энциклопедии иудаики 1971 г. издания), что один из неафишируемых титулов Ротшильдов — Guardians of the Vatican Treasure, т.е. Стражи казны Ватикана. В своё время именно задолжавший Ротшильдам папа римский Лев XIII (известный энцикликой Rerum Novarum) по наущению Ротшильдов в самом конце XIX в. убедил французское правительство пойти на столь необходимый Великобритании антигерманский союз России и Франции. Сегодня цели союза Ватикана и Ротшильдов намного более амбициозны. Речь идёт ни много ни мало о создании мировой власти под эгидой единой мировой религии во главе с папой римским, и Франциск I наилучшим образом подходит для решения этой задачи.

Франциск (в миру — Хорхе Бергольо, имя навевает воспоминания о главном злодее из романа У. Эко «Имя розы») родился в 1936 г. в Аргентине. С ранних лет — иезуитская школа, затем — карьера в иезуитских структурах. С 2013 г. — папа римский. В 2011–2013 гг., уже будучи кардиналом, Бергольо был священником очень важной и символической для иезуитов церкви Сан-Беллармино. Роберт Беллармин (1542–1621), кардинал-иезуит, идеолог высшей власти иезуитов в мире вообще и десакрализации монархической власти в частности: Бог даёт власть не монархам, а народу, и если государь недостойн божественного доверия (а определяют это, конечно же, иезуиты), то народ имеет право его свергнуть. Эта идея, сформулированная задолго до масонов и иллюминатов, позднее легла в основу католической теологии освобождения в Южной Америке. Франциск — её активный приверженец. К тому же он поддерживает все инициативы ультраглобалистов — от «зелёной

экономики» до обязательной вакцинации от COVID, освящая своим авторитетом эти кампании мировой верхушки. Мне это напоминает жульничество героев фильма «Праздник св. Иоргена». Это не единственное мошенничество, к которому имеет отношение Франциск I. Он замешан в скандалах, мошенничестве и растратах, связанных с кардиналом Джованни Анджело Беччу (Giovanni Angelo Becciu). До 2018 г. Беччу был начальником папской канцелярии. Беччу замешан в нецелевых тратах, т.е. расхищении финансовых средств. Речь идёт о покупке роскошного особняка в Лондоне, частичном спонсировании фильма *Rocketman* — о жизни «гомика» Элтона Джона. Кстати, папа более чем терпимо относится к гомосексуализму.

Ещё один ватиканский персонаж, связанный с инклюзивистами, — Питер Тарксон (р. 1948 г.), чернокожий кардинал из Ганы. Франциск назначил его главой Ведомства по содействию целостному человеческому развитию (это вопросы окружающей среды, экологии, бедности, экономики). Тарксон не иезуит, но активно контактирует с ними: в 2019 г. на собрании, посвящённом роли иезуитских мучеников в борьбе за экологию, социальную справедливость, Тарксон сидел в президиуме по левую руку от генерала ордена иезуитов Артуро Соса (напомню: генералов ордена иезуитов называют «чёрными папами»). Именно Франциск и Тарксон обеспечивают со стороны Ватикана союз с Ротшильдами, а через них — с банковской системой Ватикана и крупнейшими банками и корпорациями, в интересах которых под видом инклюзивного капитализма планируется ликвидация частной собственности и частного предпринимательства. Франциск неоднократно высказывался в том плане, что не считает частную собственность неприкосновенной.

Франциск — сторонник экуменизма, создания чего-то вроде мировой церкви под главенством папы римского. Обоснование этому давно готово: ещё папа Григорий в своей энциклике

сформулировал теорию «мирового папского правительства» — власть и религия сливаются. Ясно, что в этом случае в глобальной католической церкви мало что останется от христианства, тем более что именно христианство стоит на пути создания и мировой церкви, и нового мирового порядка, идейно замешанного на оккультизме и сатанизме. В мировой церкви папа автоматически перестаёт быть христианским пастырем и превращается в мирового верховного жреца некоего культа — христианского (или не очень) по форме, но антихристианского, восточного, языческого, как заметил ещё в 1853 г. преподобный Александр Хислоп. Уже тогда папский Рим (думаю, реально — намного раньше) превратился в языческий апокалиптический Вавилон, в нечто похожее на поклонение ближневосточному богу Нимроду. За последние 170 лет, особенно после Второго Ватиканского собора, ситуация лишь ухудшилась.

Кто-то удивится: да разве может глава католической церкви разрушать церковь? Во-первых, уж если Париж стоил мессы, то в XIX в. мировая власть — тем более. Как заметил И. Валлерстайн, ценности становятся весьма эластичными, когда дело доходит до власти и прибыли (*values are very elastic when it concerns power and profit*). Во-вторых, а разве во второй половине 1980-х годов не генеральный секретарь ЦК КПСС М. Горбачёв и обер-идеолог этой партии А. Яковлев работали над её уничтожением ради своей власти в посткоммунистическом и постсоветском вариантах? Другое дело — не вышло, рухнули вместе с тем, что рушили. Ничего личного: политика как властный бизнес. Разрушение, изменение изнутри с использованием ресурса системы против неё же — весьма эффективный способ действия.

«Совет по инклюзивному капитализму с Ватиканом» — это заявка на новонормальную мировую власть, в которой религия и политика сливаются, ну а геополитическим фундаментом этой власти в самой Европе, особенно с учётом кризиса и фактического провала ЕС, может стать созда-

ние новой версии Священной Римской империи, где «наместниками» папы станут Габсбурги и гвельфские аристократические семьи Южной Германии, Северной Италии, а также герцоги Лихтенштейнские.

И наконец, последняя по счёту, но не по значению структура, активно продвигающая реализацию НМП, — Фонд Люциса, спонсируемый Биллом Гейтсом. О том, что последний вместе с Black Rock спонсирует ВОЗ (10% и 12% соответственно), известно. Менее известен Фонд Люциса. В его документах говорится, что он объединяет лидеров, за которыми стоят — напомним это название, — Стражи Плана (*Guardians of Plan*). План — это воплощение Царства Божьего на Земле, но не христианского, а Нового Мирового Порядка. Писатель Дин Арнольд указывает, что Люцис — это сокращённое имя Люцифера. Корни Фонда Люциса уходят к оккультистке Алисе Бэйли, последовательнице Елены Блаватской. Бэйли считала Люцифера творцом и духовным отцом человечества. У неё было своё издательство — *Lucifer Publishing Company*, которое с 1925 г. стало называться *Lucis Publishing Company*. То есть мы имеем дело с сатанистами.

XIII

«Инклюзивисты» активно поддерживают идею мирового правительства. Пандемия для сторонников институционализации и формализации «закулисы» стала дополнительным аргументом. Весной 2021 г. эстафету подхватила обслуга глобалистов из высокопоставленных клерков. Б. Джонсон, А. Меркель, Э. Макрон и несколько руководителей стран из разряда «мелких разменных монет» (Фиджи, Тринидад и Тобаго, Албания и, конечно же, Украина), а также ВОЗ (куда же без этой одной из самых коррумпированных структур ультраглобалистов; пожалуй, только МОК может составить ей конкуренцию) в лице её нынешнего гендиректора, экс-троцкиста ультраглобалиста на содержании Гейтса Тедроса Аданомы Гебреисуса (он,

как и первый гендиректор Брок Чисхольм, — фанат мирового правительства) опубликовали совместное заявление — точнее, требование передачи власти мировому правительству.

Аргументация следующая: правительства национальных государств не справились с пандемией, значит, нужна надгосударственная власть. Подписанты объявили пандемию «величайшим вызовом мировому сообществу с 1940-х годов». Таким образом, они де-факто приравнивали её ко Второй мировой войне. Это, конечно же: а) фантастическая ложь; б) проговорка по Фрейду: «антипандемические меры» на постЗападе есть не что иное, как ширококомасштабная социальная война верхов против низов. Требование создания мирового правительства «именем пандемии» свидетельствует: блицкриг ультраглобалистам не удался, нужны новые ходы и более сильные структуры, чем, например, ВОЗ. Джонсон и К° пред-

лагают заключить «Всемирный договор о противодействии пандемии», а обеспечение его реализации возложить на новый надгосударственный орган. Это, что называется, «два шара в лузу». Во-первых, новый надгосударственный орган должен подменить и обнулить ООН, где есть Совет безопасности, каждый член которого (в том числе РФ) имеет право вето. Во-вторых, прямо приравняв новый договор к Ялтинскому, они окончательно обнуляют и этот договор (де-факто он уже давно не действует, но теперь заход на де-юре), и результаты Второй мировой войны.

Аргументация высокопоставленной службы ультраглобалистов основана на тройной лжи. Во-первых, казус ВОЗ — надгосударственной (мировой) структуры — продемонстрировал полную неэффективность такого рода структур. Во-вторых, две страны — Швеция и Беларусь — не поддались психозу и давлению, продемон-

стрировав результаты не хуже, чем те страны, которые вводили карантин, домашние аресты под видом «самоизоляции» и локдауны. Необходимо особо подчеркнуть принципиальную позицию Александра Григорьевича Лукашенко. В конце апреля 2020 г. высокопоставленный представитель ЕС по иностранным делам и безопасности Жозеп Борель предложил Лукашенко 60 млн евро для финансирования карантина, который настоятельно советовал ввести. Борель просил ввести в стране самоизоляцию граждан, внедрить дистанционное образование студентов и школьников, отменить все массовые мероприятия, включая Парад Победы. Лукашенко отказался. Попытка подкупом вовлечь Беларусь в аферу коронапсихоза была предпринята после того, как провалилась кампания в СМРАД (средства массовой рекламы, агитации и дезинформации) постЗапада, согласно которой в Беларуси якобы катастрофическая ситуация с COVID'ом.

Беларусь, как и Швеция, не позволили глобалистам топтать их суверенитет. В-третьих, даже ещё один высокопоставленный клерк ультраглобалистов К. Шваб в своей книге «Ковид-19» был вынужден признать: в борьбе с пандемией больше всех провалились те государства, которые наиболее преуспели в «оптимизации» медицины (по сути — в «оптимизации» населения), прежде всего — англосаксонские: США, Великобритания; за ними следуют Германия и Франция. Добавлю: меры борьбы с «пандемией», принятые на постЗападе, ещё более усугубили ситуацию, став очередным шагом в оптимизации уже не медицины, а населения и наступлении на его конституционные права. И вот сегодня эти горе-оптимизаторы говорят: мы хотим полномочий, власти в надгосударственном мировом масштабе. Что они могут предложить? Глобальный локдаун и глобальный психоз? Ковид-паспорта, фиксирующие наличие ежегодных бессмысленных (штамм меняется постоянно), а то и просто опасных (вмешательство в РНК, вероятность изменений генома) вакцинаций? Эти ультраглобалистские аусвайсы должны будут замечать национальные государственные документы, став чем-то вроде цифрового номера узника глобального электронного концлагеря.

С заявлением Джонсона, Меркель, Макрона и К° переключаются рекомендации Комиссии (якобы — добавлю я) независимых экспертов, созданной по инициативе ВОЗ для анализа ситуации с COVID-19. Комиссия — чисто чиновничья, хотя клерки в ней рангом пониже, чем Джонсон и К° и к тому же — бывшие: например, бывший президент Либерии Эллис Джонсон, бывший премьер-министр Новой Зеландии Хелен Кларк. Эпидемию комиссия охарактеризовала ни много ни мало «Чернобылем XXI века», т.е. подыграла ВОЗ. Но и покритиковала её, а главное — правительства всех стран: по мнению комиссии, ВОЗ должна была объявить тревогу в глобальном масштабе на месяц раньше; помешали якобы правила ВОЗ, согласно которым ограничения на передвижение должны вводиться

в крайнем случае. Комиссия бездоказательно считает, что вирус попал к нам из животного мира, отсюда важность проблем экологии — глобалистская «старая песня о главном».

Рекомендации — вполне глобалистского характера — следующие:

1. Создание нового совета по глобальным угрозам, обладающего правом призывать государства к ответу (т.е. уже знакомое нам ограничение государственного суверенитета).
2. Создание системы отслеживания инфекций, которая публиковала бы соответствующую информацию без обязательного одобрения стран, о которых идёт речь (ещё один шаг по ограничению государственного суверенитета).
3. Классификация вакцин как товара первой необходимости и создание института финансирования на случай пандемии (работа на фармацевтические корпорации: если

нефтяные корпорации в 2010 г. получили чистой прибыли 70 млрд долл., то фармацевтические — 65 млрд — Д. Уилкок «Финансовая тирания. Провал величайшего сокрытия всех времён»).

4. Срочное требование к странам «Большой семёрки» выделить ВОЗ 1,9 млрд долл. на программу COVAX, предназначенную для помощи вакцинацией странам с низким доходом на душу населения (т.е. финансовое укрепление насквозь коррумпированной структуры ВОЗ). Короче говоря, превратившись посредством «психопандемии» в одного из глобальных субъектов, ВОЗ не собирается сдавать эти позиции. Она кровно заинтересована в том, чтобы эпидемий в мире было больше и происходили они чаще, и это, по замыслу планировщиков, должно стать повседневной реальностью мира, возводимого на руинах капитализма.

Все эти ужимки и гримасы марионеток из кукольного театра ультраглобалистских карабасов-барабасов, как и заявления их хозяев, свидетельствуют: первая попытка создания глобального БЭТ-фашизма не достигла всех целей, блицкриг не удался, впереди следующие удары.

XIV

Конкретные планы построения посткапитализма понятны. Теперь бросим на них азимовский «взгляд с высоты» и зафиксируем основные цели и направления главных ударов — именно по ним будут формироваться фронты в битве за будущее. Будучи мировой системой, капитализм впервые в истории создал мировой господствующий класс, способный реализовывать в мировом масштабе проектно-конструкторский подход к социальной реальности. Однако на рубеже XX — XXI вв. возникла противоречивая ситуация. С одной стороны, разрыв между верхами и низами за последние 30–40 лет стал непреодолимым, как в конце Средневековья, в конце существования Старого порядка (конец XVIII в.), в канун эпохи революций, с которой началось наступление низов и средних слоёв во главе с контрэлитами. Социальная непреодолимость, закупоренность социальных сосудов, как показывает история, подводит системы к взрыву; возникла ситуация «двух наций», как во времена Дизраэли, но только не в британском, а в мировом масштабе. С другой стороны, капитал в условиях финансиализма — это уже даже не деньги, а антиденьги, поскольку основные пять функций, выполняемых деньгами, утрачены. Мир завален антиденьгами, производство прибыли в виде антиденег идёт безостановочно, но эта эфемерная субстанция во всё меньшей степени гарантирует верхушке сохранение власти и привилегий, тогда как отсутствие социальных лифтов и память о прошлой, сытой жизни значительной части общества во второй половине XX в. сохраняется. Ясно: пока что на нынешнем постЗападе

революционной силы, способной опрокинуть верхи, нет. В эпоху «оргазма богомола» оформилось «гнилое болото денационализованного нижесреднего класса» (Ю. Козлов). Он отпал и от христианства, и от триады «свобода, равенство, братство»; живя на подачки, утратил навыки борьбы за свои права. Это болото не способно противостоять реализуемой мировой верхушкой тотальной ликвидации прав, которые европейские, а позднее североамериканские низы завоевали в классовых битвах конца XVIII — середины XX вв.

Всё для поздних буржуинов и постбуржуинов вроде бы хорошо, да что-то нехорошо. Дальнейшее ухудшение ситуации, растущая дороговизна продовольствия, тепла, перемещения в пространстве, т. е. неспособность обеспечить минимальный уровень достатка может привести к созреванию таких гроздьев гнева, что мало не покажется. Курс на создание ситуации нового, призванного заменить классовый, управляемого конфликта между небелыми низами, активно создаваемыми ультраглобалистами в Европе посредством миграции, и квинцистскими группами (ответная реакция на миграцию, поощряемая определённой частью правящего слоя), может оказаться контрпродуктивным и полностью разбалансировать систему. Иными словами, «куда ни кинь, всюду клин», и странового решения этого узла противоречий для поздних буржуинов и их тонущего от столкновения с айсбергом Истории «Титаника» нет, теоретически решение может быть только мировым: создание глобальной системы, основанной на присвоении духовных и социальных факторов производства. К ней ведёт социальная катастрофа/война, и на этом мировая верхушка должна решить несколько задач, которые при всей их противоречивости взаимодополняющие и к тому же соотносятся друг с другом по «принципу матрёшки»:

1. Создать на мировом уровне такую систему, такой НМП, которые сделают необратимыми процессы последних 30–40 лет и результаты,

обеспеченные «восстанием элит», закрепят навечно социальный разрыв.

2. Превратить капитал, вещественные («материальные») активы во власть в мировом масштабе — глобальную власть; поскольку капитализм и его производные — индустриализм (зрелая форма) и финансиализм (поздняя форма) переживают терминальное состояние, новая система должна быть посткапиталистической (главный объект присвоения — социальные факторы производства/социального поведения и духовные/информационные потоки, образование, ценности и т. д.), постиндустриальной и постфинансовой («постденежной»). Демонтаж капитализма проводится: а) стремительно посредством рукотворной социальной катастрофы; б) под видом создания справедливого «капитализма для всех».
3. Провести экспроприацию среднего слоя (уничтожить малый и средний бизнес), превратив его в часть новых посткапиталистических низов, полностью лишённых собственности на вещественные факторы производства, а в идеале — и личной собственности вообще, что делает их объектом депривации тех, кто контролирует социальное поведение и информационные потоки; поскольку новые системы всегда возникают за чей-то счёт (игра с нулевой суммой) — за счёт тех, кого отсекают от будущего, — создание посткапитализма НМП предполагает кардинальный передел активов между зонами мировой системы, странами и слоями («классами»). Передел выполняет две функции: во-первых, обеспечивает рывок в будущее сильных; во-вторых, не позволяет влиться в их ряды наиболее сильным из слабых, способных воспользоваться кризисной ситуацией, «туманом социальной войны». Ясно, что в ситуации, переживающей терминус капсистемы, это страны полупериферии и той

части периферии, у которой можно что-то взять; с другой — средние и верхне-нижние слои ядра («метрополии») и полупериферии.

Поскольку с конца XX в. решающими факторами самого материального производства становятся нематериальные (невещественные) социальные (сети) и духовные (информация), часть мировой верхушки обеспечила себе посредством социальных и информационных платформ монополию на эти факторы, которые по сути капиталом не являются, — это процессы социального и информационного взаимодействия. Новым посткапиталистическим (пока, на данном этапе, — гиперкапиталистическим) господствующим группам капитал как овеществлённый труд не особенно нужен — он не конституирует ведущий уклад. А вот крупный промышленный капитал и мелкий и средний капиталы индустриального и аграрного секторов, а также сектора услуг (бары, рестораны и т.п.) — это проблема. Казалось бы, не проблема — капитал МСБ, однако это так только на первый взгляд. Конечно, у каждого среднего и тем более мелкого бизнесмена/собственника/буржуа капитал сравнительно незначительный, однако в мировом масштабе или даже в масштабе отдельной страны ядра капсистемы (США, Великобритания, Франция, Германия) — это значительные активы. И дело не только в том, что здесь есть чем поживиться в условиях передела. Сам экономический передел в значительной степени преследует внеэкономические цели: до тех пор, пока в руках мелкого и среднего бизнеса собственность и небольшой капитал, они имеют пусть не мощный, но некий фундамент, некую, пусть слабую, но гарантию социальной автономии от системы и не могут полностью

превратиться в объект отчуждения социальных и духовных производительных сил, на котором будет строиться посткапитализм. Отсюда задача «новонормалов»: подавление промышленного капитала и уничтожение, разорение МСБ. Ниже мы ещё вернёмся к этому важному вопросу.

Проблема, однако, в том, что за последние 200 лет существования буржуазного общества в ядре капитализма на страже интересов значительной части населения худобедно (причём по мере эволюции капитализма и особенно после разрушения СССР всё хуже и беднее) стояли такие инструменты, как государство, политика, гражданское общество, идеология (либеральная) — мощные институты эпохи модерна, представляющие собой результат классовых завоеваний «мидлов» и работяг. Отсюда задача: демонтаж и разрушение институтов эпохи модерна, а также демократических и конституционных прав, гарантирующих их существование. В равной степени наряду с раздемократизацией необходима деидеологизация общества.

За последние 200 лет люди на Западе привыкли к существованию названных выше институтов. Более того, многие десятилетия Homo Occidentalis'у внушали, что это высшие ценности, суть, соль земли западной. Разрушение этих форм предполагает обоснование этого процесса. Задача трудная, однако к её решению можно подойти нелинейно: не изобретать сложные рациональные схемы, а пойти по пути оглупления, дерационализации человека, снижения его уровня образования и психологического упрощения вплоть до оскотинивания посредством низкопробных развлечений, нагнетания социальных страхов, обрушения на него мусорной информации, запутывания с по-

мощью постправды. Упрощение образования и примитивизация психологии, т.е. намеренная деградация духовной сферы, связана ещё и с тем, что именно духовные факторы производства (образование, наука, психологическая сложность) становятся главными, а потому установление монополии на них господствующим меньшинством и лишение их большинства является одним из способов/процессов формирования НМП. Разрушение образования и науки в современном мире и концентрация развитых научно-образовательных форм в закрытых и полузакрытых структурах — это тоже глобальный передел активов, только нематериальных.

4. Сократить население планеты (экономия ресурсов, облегчение социального контроля); сконцентрировать основную массу населения в огромных агломерациях — мегаполисах (упрощение контроля); сократить потребление основной части оставшегося населения (иерархически ранжированный доступ к продовольствию, воде, теплу, бытовой технике, транспортным средствам и т.д.). Речь, таким образом, идёт об избавлении от тех, кто, не работая, потребляет. Например, от пожилых, или, как их называют в англосаксонских странах, senior citizens. Первые пробросы уже сделаны. В начале 2021 г. агентство Moody's предсказало замедление глобального роста из-за старения людей и увеличения численности пожилых в мире³. В 2021–2025 гг. глобальный экономический рост снизится из-за этого на 0,9% в год. Всё это происходит на фоне сокращения темпов роста производительности и увеличения уровня задолженности из-за пандемии. Трудоспособное население из-за старения сокращается, и это станет проблемой для долгосрочных программ

³ По критериям ВОЗ, население страны считается старым, если доля людей старше 65 лет превышает 7% (в РФ — 15,5%).

в области здравоохранения, социального обеспечения и социальных льгот. «Старение ещё больше увеличит фискальное бремя по мере роста расходов на здравоохранение и социальное обеспечение». Кстати, первая ковидная волна косила в основном пожилых.

5. Поставить низы под полный контроль (биомедицинский, электронный, информационный), превратив их, по сути, в особый социобиологический тип (вид) «служебных людей».
6. Существенно снизить, затормозить экономическое и научно-техническое развитие, усилить тенденции к упрощению, архаизации жизни, быта, культуры основной массы населения (средства — дебилизирующая «субкультура» развлечений, обезволивающего расслабления, виртореальности; Ст. Лем в «Сумме технологии» называл это фантоматикой). Цель — **переформатирование человека, превращение его в нечто синтетическое — без пола, культуры, истории;** главная помеха на этом пути — христианство с его культурой совести, которую глобалисты стремятся подменить культурой стыда — это в этике; в эстетике — навязывание уродства в качестве нормы (body positive и т. п.). Переформатированию человека и общества должно предшествовать — в качестве *conditio sine qua non* — его оглупление, упрощение. И это в тем большей степени, чем больше деградирует правящий слой. Поясню.

Согласно закону Эшби — Шеннона — Винера, управляющая (под-) система должна быть сложнее и мощнее управляемой (под) системы, иначе она не сохранит свои позиции. Поскольку за последние полвека управляющая система (доминат) Запада, превратившись в постЗапад, деградировала и само это превращение есть процесс и результат деградации, а также поскольку по системным и субъективным причинам она не может обеспечить превосходство в слож-

ности, единственным способом сохранения власти для неё является **насильственное упрощение мировой системы на большинстве уровней и во всех основных сферах** — властной, социальной, экономической, духовной (культура, социальная психология), интеллектуальной (наука и образование). Такой способ и путь восстановления управляемости требует от мировой верхушки столкнуть в упадок, в деградацию около 75–80% населения, а само население сократить до управляемых величин (т. е. тоже примерно на 75–80%). Сложная же часть должна ужаться количественно и качественно.

Перечислив названные выше шесть задач, возвращаемся к планам обнуле-

ния «старого мира», инклюзивизации и новой нормальности, с одной стороны, и тем мерам борьбы с «пандемией», которые по отмашке ультраглобалистов обрушили на головы людей правительства практически всех стран. Локдауны и карантин нанесли удар и по определённым отраслям промышленности, и по промышленному капиталу, и по МСБ, и по среднему слою как несущей конструкции капиталистической системы. Карантин, домашние аресты под видом самоизоляции, ограничения перемещения в пространстве, введение QR-кодов, видеонаблюдения, сбор цифровой информации о личной жизни и здоровье граждан и другие меры выполняют несколько функций, жизненно необходимых для становления посткапиталистического

мира: 1) они под видом временных и чрезвычайных мер вводят новые, жёсткие формы социального контроля — кстати, любая новая социальная система возникает на основе такого ужесточения социального контроля, которая не снилась прежней (капитализм по сравнению с феодализмом, петербургское самодержавие по сравнению с московским, советская система по сравнению с самодержавной — примеры можно множить); 2) они демонтируют конституционные права граждан и демократические завоевания трудящихся последних двух столетий; 3) они способствуют репрессивному упрощению власти, тогда как запугивание, информационно-психологический террор должны подавить волю к сопротивлению; как заметил Шерлок Холмс, «страх — самое мощное оружие из всех». Дистант как резко ухудшенная и обеднённая форма образования, задуманный и ориентированный на упрощение и отупление низов до «пандемии», её именем продавливается в качестве доминирующей.

Но не духом единым озабочены обнулёвщики. Как они признают сами, одна из этих задач — существенное сокращение потребления 70–80% населения. Необходимость сокращения потребления (например, мяса) уже

сейчас обосновывается необходимостью борьбы с якобы имеющим место глобальным потеплением, которое является якобы результатом человеческой деятельности, загрязняющей атмосферу углекислым газом. Причём речь идёт не только о промышленности, но и о мясном скотоводстве. Так, Ф. Закариа вполне серьёзно пишет (по сути, повторяя Г. Тунберг) следующее: каждый год забивают 80 млн животных; животные продукты — это 18% калорий мирового питания, однако для получения этих 18% требуется 80% сельхозугодий планеты; 74% мяса в мире и 99% в США производится промышленным способом, это производство — рассадник вирусов, а следовательно — угроза эпидемий. Экологи, «зелёные» — опять же вполне серьёзно — обязательно добавляют сюда тот факт, что коровы естественным образом выделяют углекислый газ и загрязняют атмосферу, а потому эту отрасль надо закрыть, а белок получать от червей, насекомых и т.д. Ну и плюс разговоры о необходимости понизить калорийность питания «ради сохранения Матери-Природы».

Вообще, снижение калорийности питания всегда характеризует системные кризисы. Так, во второй половине XVI в. при переходе от феодализма к капитализму калорийность

питания жителей Западной Европы существенно снизилась, они стали потреблять намного меньше мяса и, как пишет Ф. Бродель, своим внукам дедушки и бабушки той эпохи рассказывали, как их дедушки и бабушки, жившие на рубеже XV–XVI вв., хорошо питались, ели достаточно мяса. Сегодня швабы, тунберги и прочая нечисть ратуют за то, чтобы потреблять как можно меньше мяса, а недостаток белка восполнять за счёт 3D-мяса, различных червей и насекомых. Мясная диета и калорийность питания позднего Средневековья (а в зрелом Средневековье она была ещё выше) восстановились для западноевропейского простонародья только на рубеже XIX–XX вв., а значительно превзошли её лишь после Второй мировой войны. Но прошло всего 70 лет, и всё, похоже, заканчивается. Кстати, «счастливый Запад» — социализированный квази-социалистический капиталистический Запад — просуществовал столько же, сколько СССР, — 70 лет. Люди на капиталистическом Западе в течение жизни трёх поколений могли легче дышать, поскольку существовал антикапиталистический Восток — СССР; их счастливая (относительно) жизнь закончилась практически одновременно с ним. Доля кончилась, и началась недоля, которая сопровождается изощрённой — по сути издевательской — социальной дрессировкой.

И здесь, наконец, мы подходим к седьмой задаче строителей посткапитализма:

- Установить контроль над эволюцией общества как социального организма, над психосферой и человеком как биосоциальным видом.

Зная, как часто за последние полвека ситуация выходила из-под контроля правящих элит, как восстания низов и возглавляемые контрэлитами революции ставили положение верхушки под угрозу, сегодняшний императив новонормалов — исключить саму возможность неконтролируемых процессов. Отсюда их отношение к либерализму, точнее, к такой

его мутации, как либерал-фашизм, который пышным цветом расцвёл в последние 30 лет. Он отвратителен, однако для **биоэко-техно-фашизма (БЭТ-фашизма)** и с его точки зрения либерал-фашизм обременён, пусть слабо и в риторике, но ненужными для «бэтменов» качествами. БЭТ-фашизм — это освобождение либерал-фашизма от фантомных проявлений и «боле-лей» либерализма для установления полного контроля над человеком и обществом.

Термин «фашизм» употребляется здесь не строго (в строгом смысле слова фашизм полностью осуществился лишь в муссолиниевской Италии), а как метафора. По сути же речь идёт о квазикастовом строе, где верхи и низы отличаются друг от друга почти как биологические виды (схема так называемого «антропологического перехода», речь о которой шла выше), социальный контроль и эксплуатация осуществляются здесь посредством цифрового (электронного) контроля над низами, их поведением (посредством насильственной медиализации — «корректирующие» вакцинации, диспансеризации и т.п.), их потреблением (снижение уровня потребления именем борьбы с климатическими изменениями, якобы вызванными человеком).

XV

Все три составные части БЭТ-фашизма связаны с контролем над человеком. Во-первых, с помощью медицины — биологический контроль («био»); во-вторых, с помощью объявления борьбы с климатической угрозой, якобы вызванной деятельностью человека («эко»); в-третьих, с помощью цифровизации («техно»). Биомедицинский контроль — это ограничение прав и свобод путём объявления пандемий по команде мировой верхушки, уничтожающие ненужные этой верхушке целые сектора экономики локдауны и, конечно же, — реализация мечты фондов Рокфеллеров, Гейтсов и прочих социопатов — обязатель-

ные, т.е. насильственные вакцинации, о чём необходимо сказать отдельно.

Гейтс и ему подобные рассчитывают с помощью вакцинаций сократить население планеты на 10–15%. Кстати, Верховный суд США летом 2020 г. юридическим решением запретил Гейтсу проведение тотальной вакцинации в стране. Что же такого в гейтсовской вакцине? Стерилизаторы? Спермициды типа тех, что американцы распыляли над Сербией в 1999 г.? Впрочем, Гейтс продолжил свои «опыты» в Африке.

Вакцинация в том виде, в котором руками ВОЗ её продавливают ультраглобалисты, решает и другие необходимые для установления НМП задачи. Начать с того, что это одно из средств потенциального разделения людей на касты двух сортов — высшего и низшего, средств создания мира, в котором людям «второго сорта», новым унтерменшам, их семьям ограничивается доступ к образованию, медицине и другим благам цивилизации. Тотальная насильственная вакцинация, рушащая Нюрнбергский кодекс (и это тоже пересмотр результатов Второй мировой войны — вполне конкретный), одно из направлений тоталитарной медиализации общества. Речь идёт не об отрицании вакцинирования как такового, а о его

обязательной добровольности; решение должен принимать сам человек, это вопрос его выбора, его свободной воли. В противном случае человека низводят до положения либо барана, над которым «колдует» ветеринар, либо до объекта экспериментов новоявленных «докторов Менгеле». Именно этим, помимо прочего, занимались медики-нацисты в своих концлагерях, именно это было квалифицировано как преступление против человечества и осуждено Нюрнбергским трибуналом и запрещено Нюрнбергским кодексом. Сегодня нацистские практики протаскиваются ультраглобалистами и их обслугой на местах под иезуитской отмазкой борьбы за здоровье людей — Оруэлл отдыхает.

Далее. Продавливаемая насильно через ВОЗ вакцинация нацелена на подрыв суверенитета, национальной государственности сразу по двум линиям. Во-первых, главные медицинские решения принимаются по команде надгосударственной структуры ВОЗ через головы государств и правительств, которые обязаны эти решения выполнять, — что это, если не десувенизация? Во-вторых, недовольство, массовый социальный гнев, вызванный насильственной медиализацией общественной жизни, направлен не на ВОЗ — она далеко, а на свои

Все три составные части БЭТ-фашизма связаны с контролем над человеком. Во-первых, с помощью медицины — биологический контроль («био»); во-вторых, с помощью объявления борьбы с климатической угрозой, якобы вызванной деятельностью человека («эко»); в-третьих, с помощью цифровизации («техно»). Биомедицинский контроль — это ограничение прав и свобод путём объявления пандемий по команде мировой верхушки; уничтожающие ненужные этой верхушке целые сектора экономики локдауны и, конечно же, — реализация мечты фондов Рокфеллеров, Гейтсов и прочих социопатов — обязательные, т.е. насильственные вакцинации, о чём необходимо сказать отдельно.

национальные правительства, подрывая их легитимность и «делочную позицию» по отношению к глобалистским структурам. Таким образом, сила и легитимность государств подрываются одновременно сверху и снизу.

За «био» следует «эко». Борьба за экологию. Экологию, по мнению идеологов БЭТ-фашизма, уничтожает человек. Во-первых, тем, что его много: слишком много едоков потребляет слишком много ресурсов. Во-вторых, своей промышленностью: выбросы углекислого газа «грязной» (т.е. промышленной) экономики ведут к рукотворному изменению климата, что якобы уже сейчас приобрело катастрофический масштаб, ещё чуть-чуть, и если ситуацию не изменить, то между 2050 и 2060 гг. будет достигнута «точка невозврата». В-третьих, своим сельским хозяйством, особенно животноводством, поскольку коровы выделяют углекислый газ. Отсюда — рекомендуемые меры: сокращение населения (т.е. депопуляция); «зелёная экономика» (т.е. деиндустриализация значительной части мировой экономики); демонтаж целого ряда сельхозотраслей, прежде всего животноводства, — замена животных продуктов растительными, белком, получаемым за счёт насекомых, червеобразных и т.д., синтетическими (т.е. искусственными) продуктами. Результатом всего этого должно стать: а) сильно сократившееся (а следовательно, потребляющее меньше ресурсов и легче контролируемое) население; б) популяция, живущая на основе деиндустриализированной или упрощённо индустриализированной футуроархаичной «зелёной экономики» (опять же экономия ресурсов); в) плохо питающееся (или питающееся низкокачественной, низкокалорийной) пищей население, подверженное болезням, эпидемиям и т.п.

Меры по сокращению населения и деиндустриализации очевидны — их практикуют уже почти столетия, прошедшего со времени жульнического неомальтузианского доклада Римскому клубу «Пределы роста». А вот как разделаться с животноводством

и заставить людей перейти на растительно-червячно-синтетическую (РЧС) пищу? В принципе, — несложно. Достаточно запустить пандемию смертоносного вируса, передающегося от животных (коровы, овцы, свиньи) человеку (опыт уже был — афера с «коровьим бешенством»), массово забить большую часть мирового поголовья скота как смертельную угрозу человечеству («коровий коронавирус») и в качестве компенсации перейти к производству РЧС-пищи. Не желаете? Умирайте с голоду. Сопротивляйтесь? Значит, вы — враги человечества. Кстати, по логике «борьбы за климат» роскошью становится не только еда, но также тепло, а во многих регионах мира — вода.

Все меры, о которых идёт речь, автоматически подрывают государство и средний слой, которые ультраглобалисты стремятся сбросить в тартар истории. Тут прочерчивается ещё одна линия нового неравенства, неравенства «новой реальности», обусловленная доступом к качественной естественной пище, теплу и воде. Это очень напоминает кастовую систему в Индии. Несколько лет назад во время моей поездки с лекциями в Индию один видный индийский социолог объяснил мне следующее. В Индии существует жёсткая корреляция между социальным статусом и доступом к еде. 40% индийцев едят раз в три дня весьма некачественную пищу — отсюда крайне высокий уровень смертности и весьма низкая средняя продолжительность жизни, не более 25 лет, — как в Древнем Риме. Следующие 40% — это те, кто три раза в день ест пищу низкого качества (просто высокий уровень смертности и низкая продолжительность жизни). Эти 80%, по сути, находятся вне реальной социальной жизни; их удел — выживание, биология; для верхних 20% их просто нет. Следующие 15% — это те, кто три раза в день ест высококачественную пищу; с этих 15%, по сути, и начинается социальная жизнь общества — доступ к образованию, политика, бизнес. Наконец, 5% — индийские богатые и супербогатые. Представители верх-

них 20% внешне отличаются от 80% нижних ростом (они выше), весом (они тяжелее), цветом кожи (они светлее), т.е. выглядят как другой (социо-) биологический вид.

Соотношение процентов — 20:80 — точно соответствует концепциям ряда западных социологов, согласно которым посткапиталистическое общество — это общество «20:80»: богатые и бедные, никакого среднего класса. Поэтому когдаходимцы, идеологи БЭТ-фашизма сулят большей части мира «патагонизацию», они лгут, речь должна идти об «индианизации» — а от Индии до Аргентины ох как далеко!

И наконец, третий элемент БЭТ-фашизма — «техно». Здесь речь должна идти об установлении максимального контроля над обществом, человеком в единстве его потребностей, связей и мыслей посредством социальных сетей и рейтингов, рекламы, тупых развлечений, дебилизирующих зрелищ и музыки и т.д. Это и QR-коды, с помощью которых власть, причём не только российская, получает доступ к информации о гражданах вплоть до их здоровья и личной жизни, это и так называемый «умный город», т.е. город тотальной слежки; это и технологии цифрового и спутникового слежения, многое другое, о чём не скрываясь говорит российская служба ультраглобалистов. Так, на прошедшем 9 июля 2021 г. международном онлайн-тренинге Cyber Polygon 2021 Г. Греф радостно заявил следующее: «...только у Сбербанка 110 млн пользователей по всей стране, в то время как у Apple — 1 млрд активных айфонов, не говоря уже об остальных продуктах — Apple Music, Apple TV. Это колоссальное количество данных, в результате чего компании знают о людях больше, чем люди о самих себе». Также Греф заметил, что «искусственный интеллект — это единственная технология, у которой есть возможность «взломать» человека».

Если это не технофашизм, то что это? При этом, как и в био-, и экослужбах, людей страшат угрозой киберпандемии, с помощью которой некие

злоумышленники могут разрушить всю информационно-административную структуру.

Именно «техно», т.е. в данном случае цифровизация, особенно образования, играет большую роль в создании «новых бедных» как нижнего слоя посткапитализма, лишённого возможности движения вверх, адекватного осмысления сложившейся жизненной ситуации и т.п. После уничтожения среднего слоя (а это одна из стратегических задач ультраглобалистов), в том числе путём разрушения образовательных институтов Модерна, социальная структура общества упрощается практически во всех странах мира: остаются только низы и верхи, человеческое «мясо» и те, кто его «жарит». По сути, — это реализация проекта орденской власти «Третий рейх». Именно Третий рейх с его сверхорганизацией для элиты — орденом СС — является предтечей БЭТ-фашизма, первым экспериментом в данном направлении. В рейхе были и кастово-орденские слои, и «медицинализация» людей, и антихристианство, и экологизм, и многое другое. Однако на пути предтечи встал сталинский СССР как форма исторической России, которая в XIX в. мешала Наполеону и британцам, а в XXI в., даже в ослабленном виде, — излёбывающему себя из собственной истории постЗападу. Сталин разгромил агента мировых верхушек, их орудие, но не сами эти верхушки — на это сил не было. Однако сталинский СССР, а затем заданная им инерция заставили западные верхушки потерять почти столетие в реализации создания их НМП: почти 30 сталинских лет, 30 постсталинских и ещё 30 лет буржуины с постсоветскими плохишами грабили базирующееся на сталинском фундаменте советское наследие — таким образом они отвлеклись от НМП.

Хочу подчеркнуть: **именно СССР, системный антикапитализм как мировая версия исторической России, стоял на пути НМП Запада, будь то его гитлеровский или нынешний (условно — бушевский) вариант**, и именно поэтому как только

наследники Третьего рейха начали создавать новую версию НМП, СССР должен был быть уничтожен. В блестящем романе Юрия Козлова «Новый вор» есть такой персонаж — господин Герхард, бывший нацист, активно участвующий в ультраглобалистских проектах, поскольку они созвучны третьерейховским. Вот его слова: «...процесс замещения (белых небелыми мигрантами. — А. Ф.) в Европе резко ускорится. В мире будут две нации — мы и мясо, которое надо время от времени переворачивать». И тут же — ещё откровение: «Чтобы мясо хорошо прожарилось, — между тем продолжал господин Герхард, — его надо переворачивать на сковороде. Под социализмом не хватило огонька, поэтому мясо пришлось перевернуть досрочно». Бывший нацист (впрочем, бывают ли нацисты бывшими?) чётко фиксирует две вещи: 1) низы нужно жёстко контролировать и давить, потому что они — низы; 2) социализм этим практически не занимался, а потому его пришлось

ликвидировать — как заразительный пример. В сталинском СССР, который в плане жёсткости был совсем не сахар, власть не давила низы только за то, что они низы; более того, в отличие от эпохи «номенклатурного социализма» для народного социализма сталинской системы был характерен «расстрельный эгалитаризм».

XVI

Мы видим, что в реализации всех направлений НМП огромную роль играют запускаемые пандемии — кибер-, мед-, психо-. Они выступают как новый тип оружия — психооружие, а их осуществление должно рассматриваться как акты терроризма — био-, эко-, техно-. Эти акты направлены на разрушение старого мира, на то, чтобы прекратить существование огромной части человечества и обездолить другую часть в создаваемом новом мире.

При этом необходимо различать глобалистов и ультраглобалистов.

Если первые укоренены в позднем капитализме с его индустриализмом и технотроникой, то вторые — это социально-информационные платформы и крупнейшие банки. Если глобалисты полагают, что государство и всё связанное с ним должно сохраниться, но под контролем таких структур, как МВФ, Всемирный банк, то в мире ультраглобалистов государству места нет. Их мир — это мир мегакорпораций, нового издания британской Ост-Индской компании или «венений размером с Европу», как об этом мечтал Ялмар Шахт.

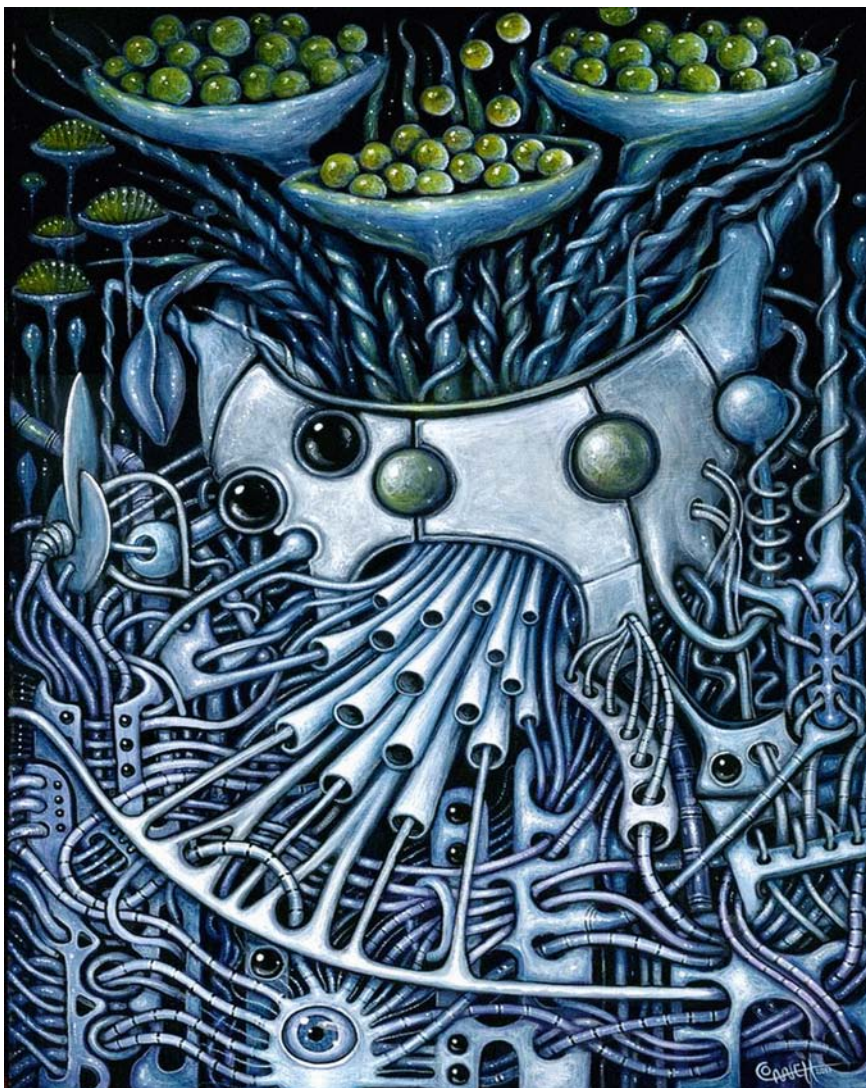
Трампа, например, ошибочно причисляют к изоляционистам. Изоляционизм для него — средство, а не цель. Трамп — умеренный глобалист или просто глобалист. Группе, стоящей за ним, противостоят ультра-

глобалисты, выразителями интересов которых на поверхности политической жизни США являются политические кланы Обамы, Клинтон, Байдена — Керри, Олбрайт — Коэна и др. Президентство Обамы планировалось как начало 16-летней (как минимум) перестройки США по ультраглобалистским лекалам: восемь лет — Обама плюс восемь лет — Клинтон. Однако план сломал «джокер», а точнее, козырь (trump — по-английски «козырь») Трамп. За четыре года президентства, несмотря на неопытность, ошибки, непоследовательность, самоуверенность, нарциссизм и многое другое, он успел сделать немало, и это теперь придётся расхлёбывать стае под водительством Байденхаррис. На этом ультраглобалисты будут терять темп, а время работает против них.

В чём же классовое, политэкономическое различие между глобалистами и ультраглобалистами? Посмотрим, чем обусловлена нынешняя ситуация с планом «обнуления/сброса». Она обусловлена социально-экономическими процессами терминального кризиса капитализма и началом формирования того, из чего в ходе острой социальной/классовой борьбы будет складываться посткапиталистическая система, — её выигравшие и проигравшие, новые верхи и низы. Чтобы понять суть, рассмотрим структуру (пирамиду) нынешней экономики, которая наиболее ярко представлена в США.

Она представляет собой то, что замечательный советский экономист (но, увы — не пророк в своём отечестве) Юрий Васильевич Ярёменко называл «вертикальной экономикой». В ней, согласно Ярёменко, сектора, принадлежащие прошлому, настоящему и будущему, сосуществуют, обмениваясь товарами, услугами, информацией; при этом верхние «этажи», естественно, всегда в намного большем выигрыше, чем нижние. Ещё раньше, чем Ярёменко, другой замечательный советский учёный — и тоже не пророк в своём отечестве — Владимир Васильевич Крылов, отталкиваясь от идей Маркса, частично развитых Александром Парвусом и Розой Люксембург, разработал теорию многоукладной и, естественно, пирамидально организованной капиталистической системы, где наиболее развитый уклад (промышленный, научно-технический), сконцентрированный в ядре капсистемы, не просто получает больший доход, чем менее развитые (раннеиндустриальный, мелкоотварные, докапиталистические), но делает это, во-первых, эксплуатируя их, а во-вторых, консервируя их в этом менее развитом состоянии, регулируя эту слаборазвитость в своих интересах. Сектора «вертикальной экономики» Ю.В. Ярёменко — это экономический аспект стадийных социально-экономических укладов В.В. Крылова.

Через 30–40 лет после написания работ Крылова и Ярёменко эксплуа-

таторская субординация вертикальной (многоукладной) экономики сохранилась, но её составные части и их расположение изменились, причём существенно. Это хорошо показала в своих статьях Елена Сергеевна Ларина. По её мнению, наверху вертикальной пирамиды укладов, но не технологических, а социально-экономических, находится **зона «эксизма» (от англ. access — «доступ»)**. Речь идёт о структурах, в такой степени монопольно контролирующих наиболее передовые и важные на данном этапе факторы и сферы производства, что это позволяет им блокировать доступ не только к этим факторам, но и ко многим другим ресурсам. Приводя конкретные примеры, «этаж» эксизма — это социально-информационные платформы Google, Microsoft, Facebook, eBay и др. (контроль над потоками информации и социальным поведением посредством соцсетей — напрямую и посредством предоставляемых через них услуг); постуглеродная экономика (но не обязательно «зелёная экономика», напомню, именно её навязывают экоэкстремисты на службе ультраглобализма); автоматизированное производство на основе искусственного интеллекта; геновая инженерия; синтетическая биология и др.

Названные выше платформы парадоксальным образом представляют собой возрождение на новом витке истории структур типа Ост-Индских компаний, прежде всего британской, а также — права Е.С. Ларина — итальянских и немецких банков второй половины XVII века, бирж Амстердама и Лондона. Добавлю: капитал (-изм) в XXI веке словно возвращается в свою раннюю или даже генетическую стадию, чтобы стремительно перестать быть капиталом и превратиться в чистую власть: **выход из системы всегда, порой до зеркальности, похож на вход — на генезис и на раннюю стадию**. Естественно, что в XXI веке это генезис совсем другой системы, чем в «длинном XVI веке» (1453–1648 гг.).

С точки зрения разделения труда locus standi («место, где можно стать») и field of employment («сфера занятости») эксизма — локальное производство, глобально информационно связанное, т.е. **система глобализированных локусов, глоболокусов, связанных друг с другом, а не с прилегающими территориями**. Речь идёт о «селективной», т.е. исключительной, эксклюзивной глобализации. Кстати, мир, похожий на эксистский, в своё время описали в своих произведениях Г. Уэллс (элои и морлоки в «Машине времени»), С. Гансовский («Три шага к опасности» — мир элоев без морлоков, вместо них — роботы), К. Саймак («Почти как люди»), Ф. Пол («Туннель под миром»).

Наиболее адекватной формой для эксизма и для контролируемой им полностью частью социальной пирамиды является БЭТ-фашизм. Разумеется, на какое-то время он возможен не только на основе эксизма, но только эксизм является адекватной ему производственно-технической основой, способной обеспечить исторически длительное существование. Без неё он, скорее всего, станет краткосрочнопозорным плевок на стекле истории.

Второй уровень пирамиды — «этаж» финансиализма. Строго говоря, как и эксизм, это уже не совсем (а скорее всего, совсем не) капитализм. Прибыль создаётся здесь не в сфере производства (материально-вещественного, социального, духовного), а исключительно в сфере обращения. В основе — не производственные технологии, а финансовые: присвоение денежной эмиссии и спекуляции на инвестиционных рынках. Субъекты финансиализма — банки, страховые компании, фирмы по управлению активами (индексными фондами). Думаю, такие названия, как Black Rock, FMR, State Street Corporation, Vanguard Group, у всех на слуху и в представлении не нуждаются. При этом если платформы разрушают капитализм, то финансиалистские структуры надстраиваются над ним, взламывают его и питаются им, как паразит питается «хозяином», эдакий социальный ва-

риант осы-наездника. В этом плане у них есть и сходство с платформами, и различия.

На сегодняшний день финансиализм — это взбесившийся пёс или, если угодно, совокупность взбесившихся раковых клеток. Триллионнодолларовая фиктивная «прибыль» заливают мир, банкротит его и сам финансиализм. С одной стороны, его нужно остановить, иначе инфляция разгонится до такого уровня, что в мировой экономике всё будет «сметено могучим ураганом», а последствия будут такими, как ещё в 2012 г. предупреждал Алан Гринспен. Однако, с другой стороны, остановка чревата для «властелинов финансовых колец» большими неприятностями. Подобно королеве из «Алисы в стране чудес», они должны постоянно бежать, чтобы оставаться на месте. Причём в нынешних обстоятельствах это бег по трупам или, если угодно, по головам. Война не может разрушить это противоречие, и это ещё более подстёгивает реализацию БЭТ-фашизма.

Третий «этаж» (если идти сверху вниз) Е.С. Ларина назвала «технотроникой», используя термин З. Бжезинского, который имел в виду корпорации ВПК, химической промышленности, энергетики, фармацевтики и др., тесно связанные с государством. Это корпоративный «бёрнхэмовский» капитализм, по сути, отрицающий рыночную систему. На мой взгляд, он наглядно демонстрирует тезис французского историка Фернана Броделя «капитализм — враг рынка». Уязвимое место корпоративного капитализма и корпоратократии — бюрократическая неповоротливость. Именно на корпоративном капитализме и с ним закончилась «великая Америка» 1930–1980-х годов. В 1989–1991 гг. колокол зазвонил не только по СССР, но и по великой индустриальной Америке. В 1989 году гэбэшнo-горбачёвский СССР, активизировав в 1985–1988 гг. подготовку «эвакуации» определённых сегментов режима (надзаконная экономика как «глобализм до глобализации»), капитулировал перед Западом.

Внутри самого Запада эта капитуляция, открывшая весь бывший соцлагерь и прежде всего РФ для разграбления Западом и сброса избыточной товарной массы, стала основой триумфа финансиализма над промышленным капиталом, старта эксизма и превращения, а точнее, деградации Запада в постЗапад.

Эксизм и финансиализм находятся в сложных отношениях сотрудничества (у них общий враг — «великая Америка», промышленный, главным образом — корпоративно-государственный капитал, а следовательно — государство и ориентированные на него средний слой и часть рабочего класса) и конкуренции (место наверху пирамиды только одно). Как заметил в блестящей книге «Алмазы Аллаха» (2004) Сергей Александрович Горяинов, «в истории существуют достаточно короткие периоды, когда будущие противники вынуждены работать сообща исключительно ради создания прочных долговременных основ глобального конфликта, который определит мировой баланс». У эксистов и финансиалистов общий враг — государство и связанные с ним сектора экономики и социума, однако рано или поздно союзники поневоле начнут «меряться отростками». Хотя при прочих равных рано или поздно будет достигнут компромисс, новые господствующие слои чаще всего побеждают не нокаутом, а по очкам, с последующим компромиссом. В данном случае сфера финансиализма (обращение) соединится со сферой эксистского производства, и если не произойдёт глобальной катастрофы, агенты компромисса сформируют новый господствующий, причём глобальный слой (класс). Похоже, именно платформы позволят части «финансиалистов» установить контроль над всей мировой финансовой системой. Как тут не вспомнить, что Парвус реальной мировой революцией считал установление контроля над мировой финансовой системой. Но сказав «а», нужно говорить и «б»: такой контроль означал бы, по сути, упразднение финансов, денег как та-

ковых — они больше будут не нужны. И это действительно будет революция, знаменующая оформление нового — посткапиталистического — антагонистического строя.

Монополизировав «верхний этаж», глобальное пространство, новые хозяева никого туда не пустят, т.е. выступят в качестве ультраглобалистов и в то же время деглобализаторов. А дальше пойдёт подминание под себя «нижних этажей». У капитализма на подминание иных форм ушло как минимум два столетия, пока из ведущего уклада он не превратился в господствующий. Новые системы практически никогда не побеждают нокаутом, как правило, — по очкам, т.е. путём позиционной, социально и психологически изнуряющей борьбы, рывков вперёд и отступлений, компромиссов. Это и является главным содержанием эпох, получивших название Тёмных веков. Вот в такие Тёмные века — четвёртые в истории европейского человека — мы и вступаем через катастрофу. Катастрофа («конструктивный хаос» Лео Штрауса и «созидательное разрушение» Майкла Ледина) как социальная война («перманентная война» того же Лео Штрауса — версия «перманентной революции» Троцкого) и новые Тёмные (для большей части населения планеты) века — это, пожалуй, единственное средство мировой верхушки выкрутиться из той ситуации, в которую их загнала их же собственная система.

Главная битва за будущее развёртывается внутри постзападного мира, с одной стороны, и между этим миром и РФ и КНР — с другой. Разумеется, это некоторое упрощение, поскольку и в РФ, и в КНР присутствуют сети влияния, выражающие здесь интересы платформ, банков и корпораций постЗапада. Более того, и КНР, и в ещё большей степени РФ во многом являются проекцией постЗапада на внешний мир. В верхушках обеих стран есть свои ультраглобалисты и глобалисты, а вот кого практически нет, так это неглобалистов. Об антиглобалистах я не говорю — это, как правило, около-

или вневластные маргиналы. При этом «глобализм» не является идеологией, это праксеология. Не стоит впадать в типичную ошибку «свободно парящих» (по Маннгейму) интеллигенции и интеллектуалов, которые — бытие определяет сознание — резко преувеличивают значение и роль идей, идеологии в жизни вообще и в политической жизни в частности.

Когда-то Оруэлл заметил, что если для интеллектуала социализм — это вопрос теории, то для работника это вопрос лишней бутылки молока для его ребёнка. Перефразируя Оруэлла, замечу: если для интеллектуала власть (а нередко и жизнь) — это вопрос идейности, то для политика и бизнесмена — это место в иерархии, лишние миллионы на счёте и яхта с длинноногими эскортницами (ну или хотя бы с мечтой пэтэушника типа Насти Рыбки). Страшно далеки интеллигенция и интеллектуалы от народа — как нижнего, так и верхнего. Как в христианстве, с точки зрения Творца (но не с точки зрения реальной жизни), нет ни эллина, ни иудея, так и во власти «несть ни либерала, ни державника», а токмо шкурники или, мягче, прагматики.

Семьи, которые правят различными странами, формально даже конфронтующими друг с другом на межгосударственном уровне (в одном случае это 200 семей, в другом — 300, в третьем — полсотни), давным-давно включены в глобалистскую повестку. Власти, какой бы ни была их риторика, выражают именно их интересы, а не населения, с которым они (семьи и власти) связаны значительно в меньшей степени, чем со слоями и структурами мирового уровня: так сказать, пользуясь терминами Зигмунта Баумана, «глобалам — глобало, локалам — локалово». Кроме того, противостояние и перепалки межгосударственного («международного») типа, к которому чаще всего отсылает пропаганда, — это конфликты на таком уровне, который не является ни решающим, ни даже главным в современном мире. Главные игроки в нём — наднациональные структу-

ры закрытого типа, могучие транснациональные корпорации и союзы банков. Мировые отношения намного шире и сложнее межгосударственных, которые занимают всё меньшую часть мирового сектора. Разумеется, есть несколько мощных ядерных государств, но они сами скорее выступают в качестве суперкорпораций, корпораций-государств, государственно-страновое в них вторично. И это уже едва ли изменится, как и их отношение к основной массе населения. Можно конфликтовать с Великобританией или США как государствами, но прекрасно делать бизнес с «Эксон Мобил» или «Би Пи», иметь британцев или американцев в совете директоров того же Сбера. Впрочем, это не отменяет мирового сражения за то, кто кого отсечёт от будущего.

Со стороны атлантистов данное сражение — это наступление, агрессия. Со стороны РФ (несмотря на 300 тыс. — плюс-минус — семей, обосновавшихся на постЗападе) и КНР (несмотря на «комсомольцев-добровольцев» постЗапада) — это оборона. Эта ситуация может сохраниться, по крайней мере, в кратко-, а возможно, и в среднесрочной перспективе. В североатлантическом мире, прежде всего в США, скорее всего, будет достигнут компромисс между «будущим» и «настоящим», т.е. между эксистами, с одной стороны, и финансистами и частью корпоративной («технотронной») Америки — с другой. В компромисс не попадает значительная часть корпоративной и практически вся «великая индустриальная Америка» — её господствующие и не господствующие слои сбрасываются с «корабля истории», а кого-то вообще сольют в её «унитаз». В посткапиталистическом мире эксизма и его анклавов для «великой Америки» места нет так же, как, кстати, и для нынешней России, — их существование как таковых в этом мире не предусмотрено. С точки зрения ультраглобалистов, и та и другая *vixerunt* — отжили.

Трамп — это бунт великой Америки прошлого против Америки финан-

сиалистского настоящего и эксистского будущего. Это битва тех сил, которые стоят за Трампом, за то, чтобы их не отсеки от будущего и так или иначе включили в компромисс, открывающий в *Futurum* настоящую, а не нарисованную на холсте дверцу. Условный Байден (назовём его «харрисобайден») есть средство ультраглобального подавления этого бунта, но именем не «будущего», а компромисса между «настоящим» и «будущим»; если Трамп тормозил «будущее» в интересах «прошлого», то «харрисобайден» притормаживает уже «будущее» в интересах «настоящего». И если Трамп в этой борьбе в качестве массовки использовал средние, средне-нижние и нижние белые слои, то штурмовыми отрядами, «хунвейбинами» «харрисобайденов» стали чёрные и цветные низы, BLM (или, как их ещё называют, «негронацисты», «чёрные фашисты»), причём нередко под левыми или леволиберальными лозунгами.

Можно сказать, что трампизм — это ранняя, рыхлая, неразвитая форма со-

противления посткапиталистическому (эксизм, финансиализм) прогрессу тех слоёв и сил, которые он должен утопить, обнулить или сбросить. Поскольку сбрасываемые — в основном белое население, то в перспективе трампизм или то, во что он превратится, может стать идейным оформлением («идеологией» и стратегией) значительной массы белого населения, противостоящей спайке эксистско-финансовых верхов и чёрных и цветных низов. Последние живут на подачки этих верхов и на средства, перераспределяемые ими за счёт «белой середины». Таким образом, перед нами расово-этническая форма классовой борьбы. Объективным союзником трампистов становятся правоконсервативные силы в Западной и Центральной Европе, защищающие традиционные ценности. Неслучайно «Че Гевара» Трампа Стив Бэннон, сыгравший большую роль в создании успешного психоинженерного ресурса QAnon, совершает туры по Европе, налаживая контакты с правыми и консервативными группами.

XVII

На выходе из капитализма и входе в посткапитализм значение борьбы за традиционные ценности выходит далеко за рамки культурно-религиозной сферы. Эксизм как платформа, в которой совпадают производственные и классовые характеристики, — это превращение капитала в чистую власть, обеспечивающую отчуждение у человека социальных (контроль над общественным поведением групп и индивидов) и духовных (понятия, образы, представления, ценности, целеполагание) факторов производства. Главным объектом присвоения в посткапиталистическом мире, в том виде, в каком его планируют нынешние хозяева Мировой Игры, будут не вещественные факторы производства (капитал), а социальные и духовные, которые присваиваются, как правило, вместе.

В сегодняшнем мире духовная сфера всё ещё выступает в большей степени как непроизводственный фактор — ценности, культура, мораль (в том числе религиозная), идентичность. Превращение всего этого в отчуждаемый объект присвоения в новом посткапиталистическом обществе требует предварительной трансформации/модификации ценностей — как традиционных, так и модерна, который за несколько столетий тоже уже стал традицией. По сути, это означает трансформацию/модификацию человека, обнуление старых ценностей и навязывание таких, которые могут превратить человека в объект присвоения, «заточенный», «обструганный» под это превращение. Существующие ныне ценности и идентичности не просто не годятся в объекты присвоения посткапиталистического БЭТ-фашистского строя, но противостоят ему, блокируя сам процесс превращения невещественного в объект производственных отношений. Поэтому нынешняя борьба за ценности, нормы и идентичности традиции и модерна есть не что иное, как формирующаяся социальная, классовая борьба по поводу таких объек-

тов, которые не являются внешними для человека, а представляют самого человека как персонификатора воли, социальных связей и идентичностей.

Упор верхушек постЗапада на права различных, прежде всего сексуальных, меньшинств, на изменение половой, расово-этнической, национальной, культурно-религиозной, исторической идентичности, семейных норм (отношения «муж — жена», «родители — дети»), «флюидный гендер», внедрение толерантности (которая в точном значении слова

есть не что иное, как патологическая неспособность системы противостоять вредоносному или даже смертоносному воздействию на неё) — всё это суть средства установления нового строя, нового типа производственных отношений, где человек отчуждается в его целостности. Это средства подготовки к строю, превращающему человека в человечину, в объект эксплуатации и депривации (последняя есть лишение человека возможности удовлетворять основные базовые социальные потребности или, если угод-

но, социальные инстинкты (не путать с биологическими)).

Одна из важнейших линий формирования НМП — контроль над инфопотоками, что уже реализуется путём уничтожения журналистики как профессии, насаждения постправды, замусоривания информационного пространства и т.д. Информпространство сознательно забивается мусором:

- собственно информационным — противоречивые, антирациональные, пугающие, не просто бессмысленные, а убивающие смысл сведения, безобидные для системы идеи, ложные споры и конфликты;
- социальным — активное присутствие в СМРАД, прежде всего — на экранах ТВ, различных полусумасшедших блогеров (но мимо кармана не *ложат*), фриков и фрикексов, педерастов и лесбиянок, унылых смехачей и убогих телетрепачей — короче говоря, телепохабного отребья всех цветов радуги и смешанных идентичностей. Перед нами цирк уродов, или, как сказал бы А.А. Зиновьев, балет безногих.

СМРАД внедряют в массы различные синдромы: ненависти к человечеству (экологизм, климатизм), ненависти к собственной культуре (мультикультурализм), ненависти к мужчинам (феминизм), «обезволивающего расслабления» (наркотизация, политкорректность) и др.

В связи с этим на роль одного из важнейших средств борьбы с этими процессами выходит самопроизвольное выращивание информации и её структурирование, поскольку СМРАД ультраглобалистов систематически разрушают именно структурированную целостную память отдельных людей, групп и целых обществ. Их цель, помимо прочего, — хаотизировать, запутать, дерационализировать сознание, именно в этом — второе дно большинства ток-шоу (по сути, телепомоек), где аргументация подменяется криком и эмоциями, а эксперты — «спецами» «спрашивайте за всё», недоучками, изображающими (при активной помощи ТВ) всезнаек.

В противостоянии этому императивом также является создание реальной картины мира, способной к саморазвитию, и модели мира, используя которую, можно работать с различным материалом. Одна из целей — выработка опережающего понимания действительности и способности противостоять информационной хаотизации.

НМП, планируемый нынешней мировой верхушкой и её страновой агентурой, требует расчеловечивания человека, которое подаётся как стимулирование человеческого разнообразия — *diversity*. **Если капитализм опредмечивал, овеществлял человека, отчуждал от продукта труда, то посткапитализм, планируемый хозяевами эксизма и финансиализма, расчеловечивает человека как социально, этнически и культурно (идентичность, пол) определённого существа, отчуждает его от самого себя как социального и биологического существа;** и это — суть именно производственных отношений планируемого нового строя. Поэтому сопротивление в сфере культуры, в духовной сфере созданию этого порядка есть новая форма социальной и биоантропологической борьбы, в которой не может быть компромисса.

Одновременно с созданием ситуации отчуждения у человека духовных факторов производства планировщики постковидного «нового дивного» (для них) мира планируют изъятие у основной массы населения остающихся у него материальных активов — от капитала до недвижимости, — здесь мы возвращаемся к очень важному вопросу глобального передела малых и средних активов (капиталов), поскольку это станет одной из главных линий разрушения капитализма и формирования нового строя. От того, насколько острым будет сопротивление тех, кого накрывает волна эксистского прогресса, будет зависеть степень жёсткости, людоедкости посткапиталистической системы, того, насколько железной будет пята её хозяев. Степень жёсткости Старо-го Порядка, а затем капитализма

во Франции, Германии и Великобритании XVIII–XIX вв. была определена результатами борьбы в «треугольнике» «корона — сеньоры — крестьяне» в XVI–XVII вв. Так называемые «экосистемы» и платформы выступают как контролёры социальных сетей, т.е. поведения и потребностей людей как духовных, невещественных факторов производства, которые становятся главными. Однако в нижней половине социальной пирамиды постЗапада остаётся огромный слой бенефициаров старого, не до конца раскулаченного акционерного капитала (*shareholder capital*). В руках каждого из них не так много частной собственности, не так много капитала. Однако суммарно это огромная величина, и если её не обнулить, превратив её владельцев посредством «инклюзивного капитализма» в так называемых стейкхолдеров (*stakeholders*), т.е. вторичных агентов коммерческого рынка, несобственников, то эти люди сохраняют материальную основу, препятствующую превращению их в объект присвоения новых, посткапиталистических верхов. Значит, надо их экспроприировать — большие рыбы пожирают малых, как на картине П. Брейгеля-старшего.

Локдаун разоряет, крушит малый и средний бизнес. Власти постЗапада готовы выкупить долги населения по кредитам, т.е. де-факто лишит его собственности. Пропаганда убеждает людей: зачем вам собственное жильё? Лучше аренда. Зачем вам личное авто? Есть каршеринг. Зачем вам сбережения? Мы обеспечим вам базовый гарантированный доход, вы будете получать его на карточку — бумажные деньги не нужны. Лозунг 2030 года: «Я ничем не владею. Я счастлив». **В результате человек лишается материальных основ своей самостоятельной жизни — личной жизни, личности.** Как заметил в своё время писатель Иван Васильев, «свободные деньги на личных счетах несут в себе потенциальную опасность — их владелец может начальство куда подальше послать». Отсюда стремление ультраглобалистов **отменить бумажные деньги, установить полный**

контроль над счетами. И тогда можно будет регулировать и потребление, снижая его, и поведение, аннулируя или замораживая счета тех, кто говорит или думает не так.

XVIII

Куда же бедному постзападному человеку с его цивилизационной неприютностью податься? Капиталисты, понимаешь, грабят. Посткапиталисты пришли — тоже грабят, да ещё рущат привычную жизнь. Что у Homo Postoccidentalis остаётся? Семья? Государство? Но ультраглобалисты его ломают. Что касается семьи, многогамного межполового союза мужчины и женщины, то на постЗападе его в течение нескольких десятилетий сознательно подрывают и практически, и пропагандистски: реклама гомосексуальных браков, трансгендеров, полигамии, полиамории; поощрение моды на отказ рожать собственных детей, вместо этого — усыновление/удочерение расово иных детей из слаборазвитых стран; изъятие детей из семей (причины заявляются самые различные: детей «давят» родители, дети гениальны, их нужно поместить в специнтернат, и т.д.); к тому же, как заметил Ю. Козлов, ювенальная юстиция решает ещё одну задачу — разрушает европейскую судебную систему.

Когда-то Фридрих Энгельс написал работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства», связав саму цивилизацию человека с этими перечисленными им явлениями. Сегодня всё это хотят уничтожить, т.е. расцивилизовать человека, превратив в трансгуманистического голема. Символично, что Дж. Эпштейн, который поставил на поток секс-трафик детей для извращенцев из политической верхушки и тусовки шоу-бизнеса постЗапада и которого убили в камере как нежелательного свидетеля «порочных удовольствий джентльменов и леди», спонсировал трансгуманизм вместе со своей подругой Линн де Ротшильд, организатором «Совета по инклюзивному

капитализму с Ватиканом» (и, не исключено, связующим звеном между двумя педофильскими сообществами — вульгарно-физиологическим и практикующим оккультизм и жертвы): *abyssus abyssum invocat* — «бездна бездну призывает». Ясно, что **трансгуманизм хорошо коррелирует с БЭТ-фашизмом и идеями контролируемой и направляемой эволюции человека с помощью изменения эпигенома.**

Подчеркну: изъятие собственности, экспроприация капиталов МСБ — это важное, но не главное стратегическое направление строительства НМП. Главное связано с присвоением не вещественных факторов производства, а духовных, установлением контроля над долгосрочным поведением огромных масс населения как средства контроля над эволюцией человека и общества. Инструменты — социальная дрессировка посредством нагнетаемого страха (перед «пандемией», новыми «пандемиями», включая «киберпандемию», перед климатической угрозой в духе рассказней нобелевского проходимца А. Гора), обезличивание (QR-коды, поголовное ношение масок и т.п.), видеоконтроль. Все эти средства уже протестированы во время коронабесия, а в КНР — в виде социальных рейтингов и без него.

Кто-то усомнится: а как возможен контроль над эволюцией? Ещё как возможен, смотря о какой эволюции идёт речь. Как отмечает Сергей Владиславович Кугушев, можно говорить о трёх типах эволюции: традиционной генетической, филетической (эволюция социального поведения), эпигенетической. Изменение традиционной генетической эволюции требует контроля (направляющего воздействия) в течение жизни минимум 10–12 поколений (поколение — 25–30 лет). Открытая Н.В. Тимофеевым-Ресовским и обоснованная Ю.И. Новожёновым филетическая эволюция для своего поворота требует воздействия в течение жизни 6–8 поколений. Эпигенетическую эволюцию специалисты определяют как включение-выключение уже сформировавшихся генов

и их настройку. Тем не менее в ходе этого типа эволюции не гены эволюционируют, а посредством внешнего воздействия, корректирующего поведение, усиливается или ослабляется интенсивность работы тех или иных участников генома. Этот тип эволюции требует контролирующего воздействия в течение жизни всего 2–3 поколений. В результате эпигенетически закрепляются устойчивые модели поведения, которые, будучи сформированы, транслируются старшими поколениями младшим, т.е. приобретают чисто социальную форму на уже достигнутом изменении эпигенома. Биологически вшиваемое поведение обретает социальную форму. Экспериментально эпигенетическая эволюция доказана опытами Д.К. Беляева и его коллег по одомашниванию лис.

Создаётся впечатление, что **те процессы, которые запущены в ходе коронабесия, имеют целью втолкнуть человечество в период психических мутаций и дать старт быстротекущей, по сути, злокачественной эпигенетической эволюции — переходу от общества автоматического перемалывания людей к социуму управляемой эволюции. Последняя должна с помощью таких мер, как запугивание, контроль, стандартизация, создать «человека послушного», социальное мясо.** Исходным пунктом такой направленной эволюции должен быть мощнейший психоудар — и он будет ощущаться тем сильнее, чем к большему комфорту привыкло население, чем более оно избаловано в плане реализации своих потребностей, особенно материальных.

Коронабесие показало: курс на установление в течение 2–3 поколений контроля над человечеством, его поведением и таким образом превращение его в объект целостного присвоения в рамках посткапиталистического строя — реальность. Поэтому, как говорил устами одного из героев «Приключений бравого солдата Швейка» Ярослав Гашек: «Помните, скоты, что вы люди». И как говорил другой чех, Юлиус Фучек: «Люди, будьте бди-

тельны». Бдительность особенно нужна, поскольку создаётся впечатление, что в лице ультраглобалистов-трансгуманистов мы имеем дело не вполне с людьми, а скорее с сущностями, которых, как нечисть из Бхагавадгиты, привлекает грязная деятельность.

ПостЗапад — идеальная площадка для эпигенетически-эволюционных экспериментов. От экспериментов в нацистских концлагерях они отличаются сферой применения и шириной масштаба — глобальной. Ковидо-истерия и стала таким психоударом, который должен был обеспечить перезапуск истории в столь милом ультраглобалистам и их локальным пособникам бэтфашистском направлении.

Коронабесие непосредственно работает на БЭТ-фашизм. Одна из задач последнего — создание массового слоя неполноценных, а потому поражённых в правах, т.е. «социальных уродов», отверженных. Так, во время коронабесия появился термин «бессимптомный больной», т.е. тот, кого, несмотря на отсутствие симптомов, объявляют больным и — автоматически — лишённым многих прав. Можно предположить, что поражёнными в правах окажутся и те, кто отказывается от вакцинации или сомневается в наличии пандемии. И не дойдёт ли дело до гетто и особых знаков для «отверженных», не желающих жить в Матрице и принимать синюю таблетку?

Кто-то скажет: но ведь капитализм был прогрессивнее феодализма, скорее всего, эксизм-посткапитализм будет прогрессивнее капитализма. У меня три ответа на этот вопрос. Во-первых, более прогрессивным по сравнению с феодализмом был зрелый капитализм, но никак не ранний, который в XVI–XVIII вв. обрушил жизнь основной массы западноевропейцев в социальный ад. Для неё ранний капитализм стал регрессом.

Прогресс всегда осуществляется за счёт кого-то, за счёт чьего-то регресса. Прогресс — это понижение уровня энтропии. Понижение уровня энтропии в любой системе происходит за счёт повышения уровня энтропии других (соседних) систем

или окружающей среды. Капитализм рушил не просто феодализм, а жизнь огромных масс населения, их благосостояние.

Во-вторых, так называемые прогрессивные (читай: нередко — людоедские) экономические формы никогда не побеждают в чистом виде; конкретная форма нового общества зависит от того, насколько старое общество обломает зубы молодого людоеда. Так было с СССР, в котором русская жизнь

в 1930-е годы адаптировала, приспособила к себе коммунизм (уничтожение ленинской гвардии, а также троцкистов и бухаринцев было составным элементом этого процесса). Так было с капитализмом, конкретные формы которого рождались в ходе борьбы в рамках треугольника «королевская власть — сеньоры — крестьяне», причём наиболее отсталым оказался немецкий вариант, где победили сеньоры.

Кто сказал, что технологически передовой эскизм — это светлое будущее? Повторю вопрос: если людоеды начинают пользоваться ножами и вилками — это прогресс? Как знать, может, историческое значение Трампа и заключается не в его личной неудаче, а в том, что он сбил темп, дыхание передовикам людоедского эксистского прогресса и заложил оргосновы будущего сопротивления. Как знать, может, так называемый трампизм — всего лишь расплывчатая форма будущего антиплатформенного и антицифрового движения тех слоёв, за чей счёт и на чьих костях эксисты собираются строить своё новонормальное будущее. Причём слои эти в основном белые, на которые коалиция настоящей и будущей Америки собирается бросить — Байден признал это открыто — негров, латино, азиатов и индейцев. И на основе конфликта — этнорасового по форме, но классового по содержанию — построить свой прогресс.

Наконец, в-третьих. Есть правда системы, которая определяется надличностным, надчеловеческим про-

грессом, от которого, однако, с ходу выигрывает лишь определённое меньшинство, а есть правда субъекта — личностная, далеко не всегда принимающая системный прогресс, тем более в его ранней людоедской форме. А потому правды эти могут не совпадать, и ещё как! Системный прогресс и его правда — вне морали и нравственности, он, как правило, по другую сторону от них, — я не подпишусь под ленинским: морально всё то, что помогает строительству коммунизма. Субъектный же прогресс всегда морален. Системная и субъектная правда не совпадают, вопрос — в выборе человека.

Два примера: один — из реальности, другой — из литературы. Первый пример. Гражданская война. С системной точки зрения ясно, что старое самодержавие было несправедливым, никчемным, умерло, его не оживить, у белых нет проекта будущего, у красных — есть, за ними — системная правда, но где-то далеко, лет через двадцать. Но значит ли это, что автоматически нужно быть с красными?

Для кого как, но с точки зрения правды субъекта — вовсе не обязательно даже при осознании полной обречённости белого дела, его неадекватности эпохе.

Второй пример — ситуация из романа братьев Стругацких «Улитка на склоне». Главный герой, Кандид, оказывается в некоей местности, где власть проводит широкомасштабные социальные эксперименты, которые ведут к катастрофическим результатам, но пропаганда подаёт их как великие «одержания» и «победы» прогресса. В реальности же этот прогресс уничтожает целые деревни — они стираются с лица земли вместе с их жителями. В финале романа Кандид размышляет о людях некоей местности, куда его забросил случай: «Обречённые, несчастные обречённые. А вернее, счастливые обречённые, потому что они не знают, что обречены; что сильные их мира видят в них только грязное племя насильников; что сильные уже нацелились в них тучами управляемых вирусом (ах, как в точку, архисовременно для «дней ковида». — А. Ф.), колоннами роботов, стенами леса; что всё для них уже предопределено и — самое страшное — что историческая правда здесь, в лесу, не на их стороне, они — реликты, осуждённые на гибель объективными законами, и помогать им — значит идти против прогресса, задерживать прогресс на каком-то крошечном участке фронта. Но только меня это не интересует, подумал Кандид. Какое мне дело до их прогресса, это не мой прогресс, я и прогрессом-то его называю только потому, что нет другого подходящего слова... Здесь не голова выбирает. Здесь выбирает сердце. Закономерности не бывают плохими или хорошими, они вне морали. Но я-то не вне морали! [...] враги прогресса, зажавшиеся тупые бездельники... Идеалы... Великие цели... Естественные законы природы... И ради этого уничтожается половина населения? Нет, это не для меня. На любом языке это не для меня. Плевать мне на то, что Колченок — это камешек в жерновах ихнего прогресса. Я сделаю всё, чтобы на этом

камешке жернова затормозили»⁴. Со словами «это не мой прогресс» Кандид вытаскивает из-за пазухи скальпель и идёт к окраине леса. Он явно склоняется к «хирургическому, только хирургическому» решению «прогрессивного вопроса». Иногда оно бывает — увы! — единственно возможным и верным. Спрос, однако, не с «хирургов», а с тех, кто довёл до этого. Как писал о происхождении Первой мировой войны один из любимых авторов В.И. Ленина Г. Лебон, разумеется, важно, кто капнул последнюю каплю в чашу — и всё полилось, но самое главное — кто наполнил эту чашу до краёв.

По сравнению с постЗападом (подчёркиваю: только по сравнению) Россия, русские остаются в этом плане, по крайней мере на данный момент, более крепким орешком. 1990-е годы стали мощнейшим психоударом по населению России, прежде всего — по русским. Но, как поётся в песне, «выжившие — стали крепче стали». Хотя, как показал опыт, холуёв и подпевал ультраглобалистов и у нас хватает, коронабесие как психоудар в русских условиях оказался слабее, чем на постЗападе. Почему? Когда-то Бисмарк заметил, что Россия сильна, а потому страшна мизерностью своих потребностей. Разумеется, сегодня потребности жителей РФ намного выше, чем в умиравшей и убогой позднесоветской России. Тем не менее уровень комфортности жизни у нас в среднем ниже, чем на постЗападе, особенно за пределами Москвы, и это серьёзный фактор. Ну а так называемые «либеральные реформы», проводимые 30 лет властью, начиная с ваучерной приватизации и заканчивая пенсионной реформой, вряд ли поспособствовали воспитанию «человека послушного» — мечты ультраглобалистов. Или я ошибаюсь?

Объективно время работает против ультраглобалистов, и они продолжают раскручивать маховик информационно-психологического террора, запуги-

вая людей новыми пандемиями (любимая «фишка» Гейтса), глобальным потеплением, вызванным якобы промышленной деятельностью человека, и многим другим. Думаю, на очереди — объявление угрозы вторжения инопланетян. Неслучайно же НАСА вдруг начало «рассекречивать» данные, признав реальность и «тарелок», и инопланетян. 26 мая 2021 г. было официально объявлено, что Белый дом серьёзно относится к вторжению в воздушное пространство США НЛО. 25 июня 2021 г. в докладе «Предварительная оценка: неопознанные воздушные явления», подготовленном министерством обороны США и управлением национальной разведки, НЛО названы угрозой национальной безопасности — то ли ещё будет! Как тут не вспомнить предупреждения Вернера фон Брауна, высказанные им незадолго до смерти по поводу «пугалок», которые будет придумывать Запад для манипуляции общественным сознанием.

Фон Браун сказал своей помощнице, что после разрушения СССР (в том, что это произойдёт, он не сомневался) Запад постарается найти нового врага, и им станут мусульмане, исламский мир, но это, равно как и проблемы природного характера, будет слабой угрозой. И тогда настанет черёд угрозы инопланетного вторжения. Для отражения которого, добавлю я, понадобится что? Конечно же, мировое правительство, живущее по законам военного времени. Всё тот же НМП БЭТ-фашизма. В «новой реальности» люди должны жить в атмосфере постоянного страха, в режиме наведённой психической эпидемии — запуганными, отключившими рациональное мышление легче управлять. Главным полем этих психозепидемий (по сути, психоинформационного террора) будет, конечно же, постЗапад. У менее богатых и менее сбалансированных режимов за его пределами появится соблазн повторить это у себя. Причин может быть как минимум две: во-первых, продемонстрировать

хозяевам мировой игры лояльность («мы такие же, как вы», «запишите нас в постбуржуинство» — «мы открыты для этого» и т.п.); во-вторых, компенсировать психоинформационными мерами социально-экономическую слабость. И то и другое самоубийственно, поскольку ведёт верхушки стран «второй зоны» (полупериферии) к уничтожению, прежде всего — социально-властному и экономическому. Именно психоинформационными ударами ультраглобалисты будут зачищать верхушки государств «второй зоны» и сами эти государства. Ну а в «постбуржуинство» никто их записывать не собирается — самим места мало. Удивительно, но казус Трампа ничему не научил «второзонников», угодливо табуящихся в прихожей постЗапада. Ну что же, прислуга она и есть прислуга, да только вот нужды в ней у хозяев новой реальности нет. Мобилизация для борьбы против «пандемии», «антропогенных климатических изменений» или инопланетного вторжения позволит ещё более продвинуть общество по пути упрощения — социально-экономического, культурного, психологического.

Однако регрессорам, по-видимому, неведомо, что упрощение бумерангом вернётся к ним — к их стране, к их детям: нельзя жить в обществе и быть свободным от него, даже если ты надеешься «забаррикадироваться» в своих анклавах. Если тэтчеризм и рейганомика внешне отбросили капитализм в его раннюю, рыночную эпоху, то ныне речь идёт об откате как минимум в «длинный XVI век» — тем, кому повезёт, неудачников же протащит ещё дальше, в глубь веков.

Кстати, даже с точки зрения геополитической мы видим возвращение «длинного XVI века» в Евразии, и это непосредственно касается России. В XVI — первой половине XVII вв. Россия постоянно испытывала давление Польши, которое остановила только в 1667 г., а также Османской империи и их клиентов — крымцев. Самое

⁴ Стругацкий А., Стругацкий Б. Улитка на склоне. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 237–238.

«Устойчивое развитие» — это сокращение населения планеты максимум до двух миллиардов, т. е. «бархатный» (и не очень) геноцид пяти с чем-то миллиардов людей. Термин этот не только вреден, но с учётом нынешней мировой ситуации бессмыслен и лжив. Мир находится в терминальной фазе системного кризиса, никакой устойчивости, никакого устойчивого развития здесь и в помине быть не может. Мифом об «устойчивом развитии» прикрывают некие цели и скрывают некую ситуацию, которая в мире (включая РФ) уже прошла точку невозврата. Слово «устойчивость» — это в оруэлловском духе (мир — это война, война — это мир) эвфемизм для обозначения реального кризиса и кризисных, катастрофических для большей части человечества средств его преодоления в интересах глобалистской верхушки.

позорное за всю свою историю военное поражение Россия потерпела именно от Османской империи — бездарный Прутский поход Петра I; правда, было это уже в XVIII в., в Русско-турецкой войне 1710–1713 гг. В то же время с воцарением в Китае маньчжурской династии Айсиньгёро (1644–1911 гг., больше известна под её девизом — Цин) начался китайский Drang nach Westen, который окончился присоединением к Китаю огромного массива земель на западе. С XVIII в. начинается экспансия России, которая с Австрией и Пруссией делит Польшу, поглощая её восточную часть, и с последней трети XVIII в. вплоть до последней трети XIX в. постоянно бьёт в войнах турок-осман, присоединяя целые куски Закавказья. Вторая половина XIX в. — экспансия России в Среднюю Азию (узда для британцев) и на Дальний Восток. Пик могущества — СССР.

Что мы видим сегодня? Россия потеряла Украину, и на западе наших границ реализуется активно поддерживаемый британцами проект «Новая Речь Посполитая». Турция вернула себе свои геополитические позиции пусть не расцвета Османской империи, но,

по крайней мере, начала XIX в., выдавливая Россию из Закавказья. Мало того, Турция укрепляется в бывшей советской Средней Азии. Новая Османская империя, так же как Большой Вазиристан, — это британский проект с прицелом на тюркоязычные зоны и население России. Большой Вазиристан — это не только перековка Афганистана, но и создание этнического оружия (мигранты, бегущие от войны сначала в «станы» Центральной Азии, а затем — вместе с частью их жителей — в Россию. Из той же бывшей русской (сегодня — антирусской) Средней Азии Россию объективно выдавливает Китай. Геополитически на своих дальних западных, южных и восточных рубежах Россия отступает. В этом плане мы вновь переживаем наш «длинный XVI век», русское пространство сжимается — как и концептуальное управление этим пространством.

XIX

В ситуации упрощения упрощается и концептуальное управление — предельно. Сегодня оно сводится к набору мантр типа «устойчивое

развитие», «разнообразие», «политическая корректность», «инклюзивный капитализм», «зелёная экономика», «технологический уклад», «информационное общество», «новый мировой порядок» (синоним — «новая нормальность») и т. п.

Мантры принято бездумно повторять, над ними не принято задумываться. Потому что если задуматься, то за каждой из мантр скрывается опасная, а порой смертоносная для человечества программа. «Устойчивое развитие» — это сокращение населения планеты максимум до двух миллиардов, т. е. «бархатный» (и не очень) геноцид пяти с чем-то миллиардов людей. Термин этот не только вреден, но с учётом нынешней мировой ситуации бессмыслен и лжив. Мир находится в терминальной фазе системного кризиса, никакой устойчивости, никакого устойчивого развития здесь и в помине быть не может. Не думаю, что «хозяйева истории» настолько потеряли связь с реальностью. Дело скорее в другом: мифом об «устойчивом развитии» прикрывают некие цели и скрывают некую ситуацию, которая в мире (включая РФ) уже прошла точку невозврата. Слово «устойчивость» — это в оруэлловском духе (мир — это война, война — это мир) эвфемизм для обозначения реального кризиса и кризисных, катастрофических для большей части человечества средств его преодоления в интересах глобалистской верхушки.

«Разнообразие» — предоставление особых прав меньшинствам в ущерб большинству, причём в униженно-оскорбительной для последнего форме. «Политическая корректность» — ликвидация свободы слова, тоталитарный контроль над словом и мыслью. «Инклюзивный капитализм» — экспроприация собственности малого и среднего бизнеса. «Зелёная экономика» — деиндустриализация, обнищание и разорение слоёв, связанных с промышленностью. «Технологический уклад» — сведение многомерной социальной целостности лишь к одной части, нарушение принципа системности с целью скрыть соци-

альную характеристику общества, его классовую тайну. «Информационное общество» — общество тотальной пропаганды и дебилизирующих СМРАД; «Новый мировой порядок» — порядок, при котором триада «эксисты — банки — корпорации» железной пятой давит население планеты, загоняя его в «новую нормальность», т. е., по сути, в невыносимые условия жизни, что-то среднее между положением раба, крепостного и низкокастового. При этом новонормализированные низы будут жёстко идентифицированы QR-кодами и другими формами подключения к Сети, тогда как одной из привилегий верхов, показателем высшего статуса будет (как хорошо показано в романах Вадима Юрьевича Панова — цикл «Аркада») именно неидентифицируемость прежде всего их генетического кода (естественно, их не будут колоть вакциной, проникающей в РНК, в геном).

Даже просто произнося названные выше мантры, мы автоматиче-

ски встраиваемся в чужой проект, подписываемся под ним. Мало того, что в чужом проекте социум, группа, индивид работают на чужой интерес, в долгосрочной перспективе нередко вредоносный или даже смертоносный для «подписанта». Главное в том, что в таком случае утрачиваются субъектность и самость. О том, что в чужой игре, т. е. по чужим правилам, нельзя выиграть, я уже не говорю. Разумеется, не всегда есть свой готовый проект, значит, надо работать над ним, а пока идёт эта работа, либо не подписываться под чужое, либо, если постзападная орда припирает к стене и такой возможности нет, имитировать, саботировать и готовить партизанскую операцию в духе «Концерта» (сентябрь 1943 г.), только не физическую, а метафизическую, концептуальную.

Отсюда вывод: очень важно следить за языком, за понятиями и словами, которые нам навязываются: в начале было слово. Употребляя те

или иные слова, термины, образы, понятия, мы подписываемся под определённой программой, которая реализуется не просто не в наших интересах, а в ущерб нам, с целью ничтоизации нас. Имя этой программе — Зверь, или НМП. Чтобы **путём «великого обнуления» создать их посткапитализм, беслюди должны превратить поздний агонизирующий капитализм в электронно-медицинский лагерь:** «Великий эксперимент Троцкого переходит в новую, глобальную фазу, без прежних живых догм» (В. Галактионова). Посткапиталистический социальный рай для 10% планируется обеспечить социальным адом для 90% остальных, для мировой obsługi.

Сумеют ли ультраглобалисты навязать миру НМП? Сомневаюсь. Мир слишком сложен, чтобы управлять им из одного центра, а история — слишком сложный и коварный процесс с массой непредсказуемых последствий, возникающих сразу же после того, как только сделан первый шаг в реализации проекта. Мир анклавов эксизма ограничен, за его пределами — бушующий мир «новых варваров», мигрантов и вообще людей, выброшенных верхушками на обочину истории. Сможет ли НМП, если он будет создан, сдержать их? А что если произойдёт геоклиматическая катастрофа — настоящая, а не фейковая, которой пугают население ультраглобалисты? А что, если искусственный интеллект сломается? Или подрывные силы, контрэлита внутри самого НМП, решат поменять ситуацию? Не надо забывать историю Римской империи, средневековых городов-олигархий и арабских халифатов — время имеет привычку свёртываться «листом Мёбиуса». Будем надеяться, что он совьётся в петлю на шее тех, кто планирует превратить человечество в скот, в мясо для жарки на сковороде истории, в «терпил», биороботов, создать им социальный ад. Значит, именно туда дорога этим планировщикам. Будем гуманистами: поможем им, чем можем, попасть туда, как в «Коньке-Горбунке: «Бух в котёл — и там сварился!»

/ Максим МЕДОВАРОВ /

Деконструировать деконструкторов: введение в бои за историю

Бои на историческом фронте не только не утихают, но в последние годы даже вышли на новый уровень напряжённости благодаря распространению в социальных сетях и других массовых источниках информации в интернете. В этой связи остаётся безусловно справедливым всё то, что на протяжении многих лет было сказано патриотическими мыслителями об информационных войнах, но к этому можно и нужно прибавлять учёт новых факторов.

Отправной точкой наших размышлений является лекция Александра Дугина о деконструкции, прочитанная им 30 мая 2021 года¹. Её содержание можно свести к следующим тезисам:

- сознание рядового человека воспринимает информацию об истории, обществе, природе, вложенную в него в школе, в СМИ и так далее, как некие «нейтральные», «естественные» факты, в то время как на самом деле он поглощает информацию, подготовленную для него конкретными заказчиками, «хозяевами дискурса», философами определённых взглядов;
- акт деконструкции означает понимание и разоблачение намерений тех, кто говорит с нами на том или ином языке, информационном дискурсе, означает избавление от суггестии неизвестных/непонятных нам языков/дискурсов;
- торжествующий западный неолиберализм гордится деконструкцией иных идеологий, но Россия должна превзойти его в этом умении и деконструировать его самого, путь к чему был указан ещё 100 лет назад первыми евразийцами (Н. С. Трубецким в «Европе и человечестве», П. Н. Савицким, Р. О. Якобсоном, Л. П. Карсавиным и другими).

Ограничивая сферу нашего рассмотрения вопросами деконструкции исторических теорий, активно навязываемых в соцсетях и СМИ, попытаемся обозначить несколько наиболее активных в последнее время направлений противостояния, несколько схем вбрасывания в массовое сознание русскоязычной аудитории заведомо сконструированных в политических целях вредоносных исторических парадигм, о чём написал Александр Проханов в своей статье «Жрецы истории».

1. ПАРАДИГМА АНТИКОНСПИРОЛОГИЧЕСКАЯ

Она представляет собой догматическое отрицание изучения истории и функционирования глобалистских организаций, начиная с жреческих братств древности, духовных орденов Средневековья, «тайных» обществ и масонских лож Нового времени и заканчивая современными «Бильдербергом», «Давосом», Трёхсторонней комиссией, МВФ и т. д. Даже серьёзные научные труды на эту тему в рамках такого дискурса отвергаются с порога как «конспирологические», высмеиваются, дискуссии с ними по существу вопроса не ведётся. При этом мировые события — от французской революции до всемирного кризиса середины 1970-х годов — анализируются, иногда с привлечением реальной статистики об экономике разных стран, но без всяких упоминаний о том, кто и как сформировал данные экономические реалии. Либо же, в рамках подобного вульгарного материализма, в русской революции 1917 года начинают заниматься объяснением только аграрного вопроса и массового недовольства крестьян, закрывая глаза на обстоятельства верхушечного февральского переворота и гучковский заговор про-

тив Николая II, факт существования которого не отрицала даже советская историография. Парадоксально, но в 1990-е годы Н. Н. Яковлева травили за весьма невинную книгу о событиях 1914–1917 гг., которую ему вполне легально было позволено издать в начале 1980-х.

Антиконспирологический дискурс, стремящийся замолчать роль финансовых элит в определении политики государств, должен быть деконструирован при помощи методологии научной конспирологии, т. е. изучения закрытых (не «тайных»!) обществ, основанного на надёжных исторических источниках, а не на домыслах. Подступы к такой методологии предложил, в частности, Андрей Фурсов, составивший несколько лет назад серию сборников по данной проблеме². В данном случае деконструкция означает нахождение конкретных имён действующих лиц и их личных мотивов, своеобразно преломлявшихся в массовых исторических событиях.

2. ПАРАДИГМА ПАРАНОИДАЛЬНО-КОНСПИРОЛОГИЧЕСКАЯ

Сказанное не означает, что популярная «конспирология» верна. От научного изучения организаций закрытого типа следует отличать популярные и обычно невероятно бредовые концепции вездесущих заговоров в стиле РЕН-ТВ, доходящие до полного отрицания социально-экономических закономерностей, а также документов и твёрдо установленных фактов. Многие такие концепции рождаются стихийно в головах отдельных лиц и до определённой стадии распространяются в Сети любительскими методами, но в ряде случаев («новая хронология» Фоменко, некоторые неоязыческие секты) отмечается

¹ Съезд ЕСМ 30 мая 2021 г. [видео]. Режим доступа: <https://paideuma.tv/video/sezd-esm-30052021#/?playlistId=0&videoid=0>

² De Conspiratione. О заговоре: сборник монографий. / Сост. А.И. Фурсов. М., 2014. 522 с.; De Aenigmatе. О тайне: сборник научных трудов. / Сост. А.И. Фурсов. М., 2015. 520 с.; De Secretis. О секрете: сборник научных трудов. / Сост. А.И. Фурсов. М., 2016. 699 с.

стабильное финансирование пропаганды данных проектов. Содержание таких концепций зачастую диаметрально противоположно друг другу: к примеру, «фоменковцы» невероятно омолаживают всю историю человечества, ужимая её до одной тысячи лет (а историю России — до каких-то 700 лет), в то время как неоязычники, напротив, чрезмерно удревяют русскую историю на целые тысячи лет в глубь веков. Однако деструктивная функция подобных дискурсов и в первом, и во втором случае работает сходным образом: реальная двенадцативековая история Российского государства от Рюрика до Путина с колоссальными победами и бедами либо отрицается, вычёркивается, сжимается как шагреновая кожа, либо отводится в сторону и подменяется буйными фантазиями о глубокой древности. В обоих вари-

антах под удар попадают стержневые факторы русской идентичности и Русской мечты, константы нашей империи: монархия Рюриковичей и Романовых, Православная церковь, геополитическое единство Внутренней Евразии и другие, о которых на платформе Изборского клуба не раз шла речь в рамках разговоров о неделимости России в пространстве и времени³.

Вместо гордости за русских летописцев продвигаются разговоры о том, что после крещения Руси всю якобы существовавшую языческую книжность уничтожили и подменили; вместо гордости за русские победы эпохи Романовых их начинают всячески порочить, ложно противопоставляя Рюриковичам (иногда и Годуновым), утверждая, что «всю историю переписали» и исказили якобы по заказу императоров; аналогичным образом подчас

отрицают достоверность и советских источников, в которых речь идёт о реальных цифрах достижений советской экономики и проч., огульно обвиняя все документы без разбора в «недостоверности».

Формально «новохронологцы», «родноверы», «антисоветчики» проявляют себя как деконструкторы официального нарратива и историописания в России. На деле все они сами выполняют определённый заказ противников нашей государственности, а стало быть, их собственные мотивы достаточно легко деконструировать.

3. НОРМАНИЗМ

Варяжский вопрос (вкуче с хазарским) висит тяжёлым бременем на русской исторической науке, как мельничный жернов, уже много веков. Запутанность его такова, что подчас даже у одного и того же историка политическая предвзятость сочеталась с профессиональным обращением к источникам в отдельных случаях и с субъективной верой в истинность своего мнения. Между тем тот очевидный факт, что для «русской партии» времён Ломоносова, для декабристов, для националистов конца XIX — начала XX века был выгоднее антинорманизм, а для императорской власти XVIII — первой половины XIX века или для советской интеллигенции был выгоднее норманизм, не должен затмевать ту простую истину, что этим симпатиям и антипатиям в идеале не следует влиять на историческое изучение реалий ранней истории восточных славян VIII–X веков. На практике, однако, они влияют, причём в совершенно диких формах. Дело доходило до взаимных оскорблений и даже угроз физической расправой со стороны норманистов по отношению к антинорманистам⁴. В интернете

«Фоменковцы» невероятно омолаживают всю историю человечества, ужимая её до одной тысячи лет (а историю России — до каких-то 700 лет), в то время как неоязычники, напротив, чрезмерно удревяют русскую историю на целые тысячи лет в глубь веков. Однако деструктивная функция подобных дискурсов и в первом, и во втором случае работает сходным образом: реальная двенадцативековая история Российского государства от Рюрика до Путина с колоссальными победами и бедами либо отрицается, вычёркивается, сжимается как шагреновая кожа, либо отводится в сторону и подменяется буйными фантазиями о глубокой древности. В обоих вариантах под удар попадают стержневые факторы русской идентичности и русской мечты, константы нашей империи: монархия Рюриковичей и Романовых, Православная церковь, геополитическое единство Внутренней Евразии и др.

³ См., в частности, доклад: Всплывающая империя. / Под ред. В.В. Аверьянова // Изборский клуб, 2015. № 2.

⁴ Фомин В.В. Голый конунг: норманизм как диагноз. М., 2013. 320 с.

зачастую норманисты организуют коллективную травлю своих оппонентов, издевательски объявляя, что самого «норманнского вопроса» якобы не существует и т.п. При этом умалчивается, что все прорывные открытия последних лет в истории восточных славян и начальной Руси, даже по вопросам, не связанным с варягами, принадлежат именно серьёзным историкам-антинорманистам или в крайнем случае умеренным, критическим норманистам⁵. Радикальные норманисты беззастенчиво, если не сказать бесстыдно, продолжают навязывать в информационном пространстве лингвистически несостоятельную этимологию Руси от «гребцов», давным-давно опровергнутую академиком Трубачёвым⁶. Только если во времена Российской империи за норманизмом стояло желание правящей династии подчеркнуть своё иноземное происхождение и мирное принятие её народом, то начиная с советского времени норманизм изменил свою сущность и превратился в знамя либералов-западников, не скрывающих своего низкопоклонства перед всем скандинавским и желания оторвать историю Русской равнины от общеевразийского месторазвития. До какой низости способен прийти данный дискурс, десятки миллионов человек могли видеть в фильме «Викинг».

Таким образом, норманизм представляет собой хищную попытку деконструкции русской истории с точки зрения скандинавского шовинизма на службе у глобального либерализма в целом, однако и сам запросто может быть деконструирован в качестве тенденциозного идеологического проекта, не имеющего ничего общего с выявлением научной истины о событиях VIII–X веков.

4. ПАНФИННОУГРИЗМ

Если за норманизмом подчас стоят скандинавские кураторы и их атлантистские покровители, то имеет смысл упомянуть и о финансировании из Финляндии и Эстонии различных групп в соцсетях и сайтах на базе панфинноугризма. В ряде случаев финская пропаганда сливается со шведской норманистской в одном «нордическом» дискурсе, с расовым пренебрежением трактуя русский народ, а также тюркские и монгольские народы нашей империи. Научностью здесь опять-таки не пахнет. Наука твёрдо знает о том, что финские племена сформировались в Западной Сибири

и пришли на берега Балтики во II тысячелетии до н.э., то есть даже позже индоевропейцев — но в Финляндии и Эстонии на полном серьёзе говорят о своей «автохтонности со времён мезолита». Наука уверенно устанавливает антропологическую, генетическую (по гаплогруппам) и культурную близость мордвы, удмуртов, коми к русским, татарам, даже иранским народам и отсутствие у них какой-либо кровной общности с финнами — но финско-эстонская пропаганда твердит о «финно-угорском братстве» с народами Поволжья и Предуралья и необходимости антироссийской борьбы.

Панфинноугризм является не столь безобидным и карликовым,

⁵ Галкина Е.С. Русский каганат. Без хазар и норманнов. М., 2012. 336 с.; Жих М.И. Восточные славяне накануне государственности. М., 2020. 448 с.; Николаев С.Л. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имён северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет». // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, № 2. С. 7–54.

⁶ Трубачёв О.Н. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 2005. 286 с.

как это может показаться на первый взгляд при виде смехотворных сепаратистов «свободной Ингрии» в Санкт-Петербурге. Панфинские активисты уже добились насаждения финского языка как официального в Карелии и внедрения латиницы для карельского, вепсского, водского языков в самой России (а это грубое нарушение федерального закона 2002 года об обязательности кириллических алфавитов). Ведут они пропаганду, рассчитанную также и на русское население, но более ловкую и скрытую. В частности, прославляется сторона наших противников в советско-финских войнах, скрывается агрессивный антирусский характер всех этих конфликтов со стороны официального Хельсинки, замалчивается дореволюционная борьба русских монархистов с финляндскими и эстонскими сепаратистами, извращается информация о Гражданской войне 1918 года и белом терроре в Финляндии. Дело доходит до такой степени искажения реальности, когда два тяжелейших поражения Финляндии от СССР в 1940 и 1944 годах в интернете преподносятся как чуть ли не белофинская «победа»! При этом иногда лживо отрицается дискриминация русского населения в межвоенной Финляндии, геноцид русского населения Карелии в годы Великой Отечественной войны и т.д., однако стоит зайти на странички собственно панфинских групп, чтобы увидеть, что эти действия подчас там признаются и прямо одобряются, а русские воспринимаются как «низшая раса». Дополнительным фактором в этом противостоянии является столетняя поддержка финских и эстонских притязаний официальным Лондоном в соответствии с классическими задачами британской политики по отрыву Балтийского моря от России.

Существует и более экзотический вариант панфинской пропаганды для русских, представленный сайтом «Мерямаа», фильмом «Овсянки» и проч., когда населению Московской, Ярославской, Ивановской, Костром-

ской областей внушается, что они якобы не славяне и не русские, а этнические меряне, позабывшие свои корни. Из этого тезиса немедленно выводится положение об отсутствии родства с украинцами и белорусами, что играет на руку атлантистской геополитике и разрыву русского народного и государственного единства. Панфинноугристы деконструируют русскую имперскую историю, подменяя её «мерянскими» и прочими мифами, — но их собственная пропаганда может быть деконструирована как грубая ложь вполне очевидных заморских заказчиков.

5. ПОЛОНИЗМ

Парадоксально, но к полонизму следует отнести не только и не столько собственно польскую шовинистическую пропаганду (саму по себе в России крайне слабую), сколько её прокси-варианты для белорусов,

украинцев (малороссов, русинов) и отчасти литовцев, латгалов и латышей. Речь идёт о «ягеллоновской идее» Междуморья — гигантской идее Речи Посполитой и её обширной сферы влияния в лимитрофном пространстве Восточной Европы. Данный проект, направленный против России и Германии, восходит в действительности уже к XI веку, хотя законченные, классические формы приобретает к XVI столетию. Современная Польша, предавая забвению свои прежние столкновения с украинскими и белорусскими квазинационалистами, берёт теперь оных на вооружение и превращает в своих прокси-агентов. Недавнее Люблинское соглашение Польши, Украины и Литвы, прямо отсылающее к Люблинской унии 1569 года, стало венцом символизма в том деле, которое Варшава продвигает ежегодно в формате различных круглых столов, координации работы обще-

ственных организаций, регулярных истерик по поводу русско-польских и советско-польских отношений и всего прочего.

Судьба украинских, белорусских, литовских марионеток в данном случае незавидна — они вынуждены открыто обслуживать заказ польской шовинистической элиты, мечтающей поглотить как минимум Вильно и Львов. Эта элита, в свою очередь, никогда не была самостоятельным центром силы на мировой арене, но лишь слугой сначала римского папства, затем Австрии, позже Франции и, наконец, на данный момент — Америки. Оговоримся, что роль Британии в польских делах всегда была минимальной; тем не менее заведомо абсурдная дата «начала» Второй мировой войны в сентябре 1939 года — то немногое, что сегодня объединяет навязываемые в России польскую и английскую версии истории.

Пропаганда полонизма среди русскоязычной аудитории направлена, прежде всего, на попытку представить русинов (включая белорусов и малороссов) якобы отдельными народами, а не частью русского народа и русской государственной традиции, каковой они в действительности являются (даже на Подляшье, и даже сейчас). Для охвата украинской и особенно белорусской аудитории в ход пускается открытое прославление Речи Посполитой и очернение Московского царства XVI–XVII веков и Российской империи XVIII–XIX веков, т. е. попытка деконструировать естественную преобладающую лояльность белорусов и малороссов православной России как своему родному государству и заменить её на искусственную лояльность чужому польскому католическому государству. Однако если для русского населения Украины, Белоруссии и Литвы поляки применяют откровенно русофобскую и сепаратистскую пропаганду, то для великороссов, для населения Российской Федерации в данном дискурсе, заготовлены

иные приёмы. С помощью плачей и вздохов в таком случае начинают рассказывать о чаемом славянском единстве якобы в противостоянии с мусульманскими ордами (факты польско-татарских и польско-турецких союзов стыдливо скрываются); подчас демагогически апеллируют к белогвардейскому движению и говорят о якобы «совместной борьбе с большевиками» в 1919–1920 годах (что является ложью со всех сторон). Идут в ход спекуляции вокруг Катюши, Медного, Старобельского, Осташковского лагеря и проч., и бредовые причитания о Костюшко, Мицкевиче и Калиновском; грубо извращается сущность еврейского вопроса в Польше и на западнорусских землях и т. д.

В целом ягеллоновские попытки деконструкции русской истории представляют собой виртуальную месть за совершенно реальные поражения, которые Польша многократно терпела в своей истории от России. Современная эпоха внесла мало новшеств в эту парадигму: в основном речь идёт об открытом прислуживании США, а также о парадоксальном восхвалении панфиноугризма, непостижимым образом сочетающемся в полонистском дискурсе с проклятиями в адрес «москалей-мокшан» и проч. К сожалению, советская историческая политика с её конституированием УССР и БССР как отдельных «наций», изначально рассматриваемых как противовес польским притязаниям, в конечном счёте сама пала жертвой ягеллоновской пропаганды. По этой причине современная русская деконструкция данной деконструкции может быть основана лишь на принципах общерусского, а не только великорусского единства.

6. ПАНТЮРКИЗМ

Количество финансов, вкладываемых сейчас Турцией и Азербайджаном в продвижение пантюркистской деконструкции истории России, на порядки превосходит опыты и до-

стижения полонизма и тем более панфиноугризма. Впрочем, и численность тюркоязычного населения несравненно больше. На турецкую парадигму сегодня работают десятки сетевых организаций, сотни интернет-ресурсов, диаспоральные сети и разветвлённая система подкупа политиков, депутатов, журналистов в России, Казахстане, Белоруссии, Украине, Молдавии. В ряде случаев используется фиговый листок разговоров об исламе, но чаще всего его без стеснения отбрасывают и продвигают секулярную или квазиязыческую версию расового и кровного превосходства тюрков как небесной, высшей расы — утверждение само по себе абсурдное, поскольку «тюрки» есть понятие лингвистическое, в плане же генетики, крови и расы все тюркоязычные народы принадлежат разным типам, друг другу не родственны, а обычно тождественны в антропологическом и культурном плане со своими соседями по региону проживания.

Хотя изредка Российское государство огрызается в адрес пантюркистов и одёргивает чрезмерно ретивые организации, чаще всего оно молча смотрит на совращение умов молодёжи в РФ и странах СНГ турецко-азербайджанской пропагандой, в которой русофобия в целом, ненависть к Российской империи и Советскому Союзу выходит на первый план (при этом ненависть к иранцам, армянам, грекам тоже культивируется, но оказывается вторичной производной от русофобии как смыслового центра программы тюркизма). Основные удары деконструкторы-пантюркисты направляют на такие сюжеты, как статус ордынской элиты в России как якобы «тюркский» характер Персидской монархии XIV–XX вв., русско-турецкие и русско-персидские войны XIX в. и их итоги, события Гражданской войны 1917–1922 гг.

Правда, их версии изложения событий прошлого являются невероятно слабыми и дикими на фоне даже всех вышеперечисленных дискурсов,

по каковой причине их до сих пор ни в какой степени не признаёт даже западная наука, хотя геополитические притязания Турции на «Туран» и расчленение исторической России до сих пор активно поддерживаются из Лондона (связи Эрдогана с британской разведкой достаточно известны и прочны). Тем не менее мощнейшая сеть пропаганды «тюркского братства» в школах и интернете уже серьёзно подорвала изнутри идентичность азербайджанцев и глубоко вклинилась внутрь России и Казахстана. Деконструкция их парадигмы как полностью химеричной должна быть первостепенной задачей современной информационной войны, от исхода которой зависит суверенитет России над всей Внутренней Евразией.

7. НЕОНАЦИЗМ / РАСИЗМ

Невероятно, но даже дискурс классического немецкого национал-социализма гитлеровского извода, казалось бы, прочно дискредитированный во всём мире, сегодня охотно транслируется целым рядом проамериканских и пробританских ресурсов в России, на Украине и не только. В ход идёт грубейшее отрицание фактов геноцида русского народа в годы войны, самого существования плана «Ост», расовой доктрины нацистов, героизация Власова, Каминского, Краснова и прочих коллаборационистов. С помощью невероятной изворотливости вопрос об отношении к англоамериканцам и еврейский вопрос обычно на таких ресурсах замалчиваются, из чего следует, что речь идёт о перелицовке гитлеровского дискурса в более «политкорректный» на службе ЦРУ/АНБ — в дискурс, лишённый нежелательных ассоциаций с Холокостом и направленный уже исключительно против великороссов и Российского государства. В результате данная парадигма неплохо сочетается и с полонизмом (в духе прогерманских польских бандитских формирований НСЗ),

и с панфинноугризмом (финский, эстонский и венгерский нацизм), и с пантюркизмом (неонацистские «Серые волки», ныне входящие в правящую коалицию Эрдогана, возникли в Турции в годы Второй мировой войны как точная калька с НСДАП и под прямым германским влиянием), и с румынизмом (о котором можно говорить отдельно).

Ещё одна особенность современного расистского/неонацистского дискурса сегодня, наряду с презрительным отношением ко всему русскому, — это серьёзные деформации в религиозной сфере. Некогда часть нынешних неонацистов пытается конструировать какой-то собственный извод христианства, но большинство привержено подчёркнуто антихристианскому атеизму и материализму (если же и присутствуют ссылки на языческих богов, то только как на условные обозначения для вполне вульгарной материалистической картины мира, в которой всё сводится к телу и крови).

Главной линией атаки на историю России в данной парадигме является тем не менее расовая, доводящая дело до приписывания людей к народам не по их самоопределению и культуре, а по форме черепа или гаплогруппе ДНК (что, конечно же, противоречит одно другому). Порою встречаются призывы вычёркивать из русских всех брюнетов, кареглазых и т. д., что является заведомым абсурдом — подобные «теории» никогда не пользовались популярностью в России. Тем не менее как вспомогательное средство формирования узких кружков приверженцев «антисистемы» расистская химера вполне пригождается американским спецслужбам, наряду со всеми вышперечисленными «панидеями». Поэтому следует прилагать усилия и к ответной деконструкции неонацистской пропаганды, пытающейся деконструировать Россию-Евразию как государственное, народное и культурное единство.

8. «БЕЛЫЙ» ЛИБЕРАЛИЗМ

Под этим названием уместно объединить ряд пропагандистских ресурсов, транслирующих идеи правого либерализма в англоамериканском изводе. Обычно для них характерно восхваление США (особенно Республиканской партии), Британии (особенно «консерваторов») и их атлантистской геополитики. В таких случаях осуждаются страны Оси во Второй мировой войне, но при этом к ним приравнивается и очерняется также и Советский Союз, а вся заслуга победы над Германией и Японией приписывается англоамериканцам и их прихвостням из числа поляков, европейских евреев и проч. Применительно к России представители данной парадигмы не стесняются призывать к её прямой оккупации англоамериканцами, ссылаясь на опыт Гражданской войны. Здесь в ход идёт уже одностороннее восхваление либерального крыла белых генералов за сотрудничество с интервентами Антанты. Как правило, одобряются при этом Февральская революция 1917 года, а РОА и лично Власов обеляются и выгораживаются как сторонники западных либеральных принципов, поневоле вынужденные временно сотрудничать с Третьим рейхом. Наконец, данная пропагандистская парадигма вполне закономерно увенчивается неприкрытой и бесстыдной апологией Ельцина и Гайдара, якобы осчастлививших Россию «рыночной экономикой» и «уничтожением коммунизма» (что применительно к этим бывшим коммунистическим секретарям смотрится, конечно, особенно нелепо).

В различных изводах данный дискурс может прикрываться названиями «правого» (без дальнейших уточнений), «национал-демократического», «национал-либерального», «национал-капиталистического», просто «белого дела» и проч. Во всех случаях, однако, отрицанию подвергается не только Советский Союз, но и вся парадигма Русского

царства, православного Третьего Рима, Российской империи. Расизм в отношении народов Евразии в данном дискурсе носит приглушённый, латентный характер, но отчётливо присутствует как минимум в отношении кавказцев и среднеазиатов (реже — татар, народов Сибири и др.), от которых России настойчиво рекомендуют отказаться. Тем самым «белые либералы» не меньше неонацистов и сепаратистов пытаются деконструировать базовые многовековые константы государства Российского и отрицать самые основы геополитики, подменяя её атлантистскими либеральными идеологемами «универсальных прав и свобод». Ярким примером политтехнологического воплощения дискурса «белого либерализма» является, безусловно, Навальный, а также «Ельцин-центр».

Несомненно, у народа России имеется большой запас прочности от всяких американских посулов, власовщины и ельцинизма. Тем не менее некоторый, пусть не очень большой, процент молодого поколения, родившегося и выросшего уже при Путине, может быть уязвим для подобного рода пропаганды. Поэтому данная попытка деконструкции русской истории также должна подлежать, в свою очередь, ответной процедуре её деконструкции.

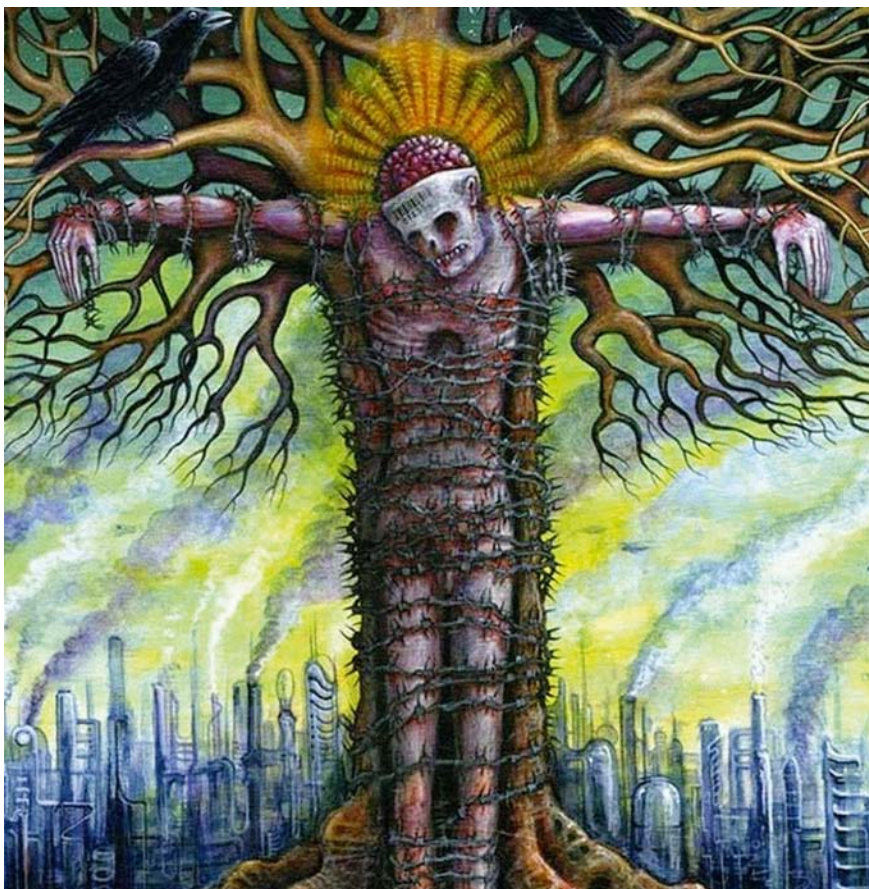
ОБЩИЙ ВЫВОД: ПОДРЫВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КОНСТАНТЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Таким образом, геополитические противники России — атлантистские державы — используют не один, а несколько разных субверсивных

дискурсов, направленных на деконструкцию констант русской истории: сакральной власти, евразийской геополитики, православной веры, многоэтничного единства вокруг общего государственного империостроительства и проч. То, что эти дискурсы являются логически противоречивыми внутренне и тем более противоречащими друг другу, не слишком препятствует их практическому использованию: для массовой аудитории вполне пригодны даже самые примитивные информационные вбросы, основанные на прямой лжи и отрицании общепринятых фактов.

«Хозяева дискурса» редко заботятся о правдоподобности и изощрённости своих деконструкций, чаще всего довольствуясь наиболее грубыми поделками по принципу «и так сойдёт». В своей совокупности все перечисленные попытки (а их список, приведённый нами выше, отнюдь не является исчерпывающим) представляют собой пусть не смертельную, но всё-таки серьёзную жизненную угрозу развитию нашей страны. От них невозможно отбиться простым наивным повторением устоявшихся азбучных истин.

От патриотических сил сегодня требуется умение быстро и качественно вести информационную войну на любых площадках, не только опровергая нападки на историю России с фактической стороны, но и ударяя в самую больную точку таких деконструкторов — а именно деконструируя их собственные утверждения по принципу «кому выгодно?». **Выявление заказчиков подобных парадигм парализует их нервную систему и обезвреживает.** Морок деконструкций рассеивается, и из напущенного ими тумана снова проступают незыблемые твёрдые очертания основ русской жизни, государственности и мечты⁷.

⁷ Подробнее см. на сей счёт подходы автора в работах: Медоваров М.В. Из истории Русского мира // Изборский клуб, 2016, № 3; Медоваров М.В. Контуры Русской мечты. // Изборский клуб, 2017, № 7.

/ Сергей ПЕРЕСЛЕГИН /

История как предмет управления

*«...он сажает лес, чтобы спрятать
лист. Страшный грех! А если ему
нужно спрятать мёртвый лист,
он сажает мёртвый лес...»*

Г.К. Честертон

Считается, что концепция управления историей возникла совсем недавно, во всяком случае, не ранее работ Ф. Энгельса по историческому материализму во второй половине XIX века.

В значительной мере это верно. Справедливо, однако, требует упомянуть Эпаминида из Крита, который уже в VII веке до н.э. зарабатывал тем, что объяснял скрытый смысл событий прошлого, тем самым меняя настоящее: очищая древнегреческие города от накопившегося зла, источником которого были решения, принятые в прошлом. Иными словами, Эпаминид владел техникой психоисторического оверсайта, которая и сегодня считается слишком «продвинутой» и «фантастической».

В классической Древности и Средневековье концепция управления историей отсутствовала. Новое время считало прошлое неизменяемым, но полагало, что с помощью разума можно управлять будущим. Первоначально это делалось в парадигматике Просвещения — счастливое и разумное будущее достигается образованием и воспитанием. Позднее формулировалась марксистская концепция управления историей через революционное преобразование общества.

Марксисты не только точно предсказали ход и исход войны Севера и Юга и Франко-прусской войны, но также описали будущий мировой конфликт и его последствия, включая социалистическую революцию. В.И. Ленину удалось осуществить эту стратегию на практике и создать Союз Советских Социалистических Республик, который можно рассматривать как первый глобальный инструмент практического управления мировой историей.

Ответ западных стран запоздал, что было связано, во-первых, с кризисным состоянием Европы после Первой мировой войны, во-вторых, с процессом перехода цивилизационного лидерства от Великобритании к США, который требовал времени и закончился лишь при Г. Трумэне.

В 1939 году выходит в свет роман Л. Спрэг де Кампа «Да не опустится тьма!». В этом романе итальянский историк попадает в Рим VI века, то есть оказывается в непосредственной близости от античной фазовой катастрофы. Эту катастрофу он пытается предотвратить, причём использует для этого не технологические инновации, как у М. Твена в «Янки при дворе короля Артура», а управ-

ленческие практики. Собственно, это и есть управление историей.

Примерно в это же время А. Азимов начинает работу над циклом «Основание». В этом цикле формулируются основы психоистории, научной дисциплины, которая определяется как *«раздел математики, рассматривающий реакции больших групп людей на долгодействующие социально-экономические стимулы... синтез исчисления N переменных и N-мерной геометрии...»*.

ПСИХОИСТОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ А. АЗИМОВА (редакция 1950-х годов)

Ранняя психоисторическая модель очень проста. Представим себе, что мы можем с хорошей точностью определить параметры, описывающие общество. А. Азимов не приводит список этих параметров, но сегодня построить его нетрудно, нужно только следить, чтобы базовые числовые параметры были безразмерными, а качественные — онтологически независимыми. Например, уровень жизни должен определяться как отношение медианного дохода к прожиточному минимуму, а прожиточный минимум — как точка перегиба на графике зависимости доли обязательных расходов (ЖКХ, еда, одежда...) в бюджете семьи или домохозяйства от получаемого дохода.

Список подобных параметров вполне обзорим, у меня он занял около восьми страниц. Разумеется, в наше время, когда имеются компьютеры, способные работать с BigData, и есть глобальная система электронного контроля граждан, созданная для борьбы с пандемией *«и только поэтому»* (© Е. Шварц «Дракон»), можно работать и с неупорядоченной социологической информацией произвольной размерности — было бы желание да вычислительные мощности.

Далее определяются тренды, описывающие естественное инерционное изменение параметров: что будет, если ничего не делать?

Суть управления состоит в том, что руководитель — как бы он ни назывался: президент, премьер, император, глава совета директоров, первый консул — нужно подчеркнуть/добавить — принимает решения, которые определённым образом воздействуют на тренды. В результате вместо *инерционного будущего* получается какое-то другое. Назовём его спланированным.

Психоисторик, однако, не является управленцем. А даже если и является, его горизонт планирования гораздо длиннее человеческой жизни. Х. Селдон в «Основании» планировал будущее Галактики на 1000 лет, то есть на 50 поколений.

Поэтому психоисторическое управление носит косвенный характер. Психоисторик искусственно создаёт события, которые воздействуют на управленческую элиту и модифицируют принимаемые этой элитой решения. Вместо инерционного или спланированного будущего возникает *психоисторическое будущее*.

В эпоху А. Азимова управление историей осуществляется через последовательность кризисов. Логика понятна: в кризисной ситуации пространство решений резко сокращается, что упрощает психоисторический расчёт. В идеале такое решение всего одно. И это решение естественным путём приводит к следующему кризису, из которого также будет всего один разумный выход.

История Основания — последовательность психоисторических кризисов Селдона.

«Мы поместили вас на такой планете, как Терминус, и сделали это в такое время, чтобы через 50 лет вы оказались в положении, когда у вас уже не осталось свободы выбора. Начиная с настоящего момента и в течение многих веков вы неизбежно будете двигаться одним, заранее предначертанным путём. Вы столкнётесь с рядом кризисов — сейчас вы переживаете первый из них, и каждый раз у вас не будет выбора, так что действовать придётся только одним способом».

Историческим содержанием селдоновских кризисов являются линейные конфликты социальных или политических групп. Как и положено бинарным противоречиям, эти конфликты разрешаются событийно, меняя структуру отношений и порождая новое бинарное противоречие. Это можно назвать прогрессом, можно — реализацией плана Селдона. Из каждого кризиса Терминус, планета Основания, выходит более сильной и развитой, Галактика — более организованной.

План Селдона сам по себе не является тайной.

Галактическая Империя гибнет, что чревато многими «тёмными тысячелетиями».

На окраине Галактики, на планете Терминус, создаётся Первое Основание, мир учёных и техников, практически лишённый природных ресурсов. Поскольку распад Империи начинается с периферии, Терминус быстро оказывается островком высоких технологий в варварском окружении. Пользуясь фазовой доминацией, он постепенно подчиняет себе это окружение — сначала через религию, потом через торговлю. Растущая сфера влияния Терминуса и сокращающаяся Империя вступают в борьбу за периферию, но борьба эта опосредована — стороны не видят друг друга. Тем не менее рост влияния Первого Основания, потенциальная угроза со стороны Империи повышают социальную температуру Терминуса, что и выливается в организованную, упорядоченную последовательность кризисов.

Селдон, однако, понимает, что запрограммировать на тысячелетие вперёд можно механическую игрушку, но никак не цивилизацию. Поэтому механизм на самом деле более сложен, чем кажется жителям Терминуса. В центре Империи, на Транторе, существует Второе Основание: психоисторики, владеющие техниками ментального контроля и воздействия. Второе Основание модифицирует план Селдона и событийно управляет как столицей Империи Трантором, так и Терминусом¹.

Заметим, что эта схема Азимова по существу является марксистской. История — это развитие: социальное, экономическое и лишь затем технологическое (специально подчёркивается, что план Селдона может работать только в отсутствие научных и технологических революций). Развитие происходит через кризисы. Кризисы представляют собой социально-политическую борьбу, в основании которой лежат экономические интересы.

ПСИХОИСТОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ АЗИМОВА И РАСПАД СССР

Первый цикл «Основания» был завершён к 1953 году. Для США это был период создания своей великой Империи с уникальной логистической моделью управления. Страна окончательно преодолела последствия Великой депрессии. Быстро и устойчиво росли

¹ Интересно, что и А. Азимов и Л. Спрэг де Камп работали с одним и тем же первоисточником: «История упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона. То есть они рассматривали античный кризис VI века и искали возможные пути его преодоления. Сейчас, когда показано структурное подобие античного кризиса, кризиса Бронзового века, кризиса XIV столетия и современного цивилизационного кризиса, становится понятно, что оба американских автора отыскали ключевую психоисторическую позицию.

экономические показатели. На рынке труда сложилась уникальная ситуация: во взрослую жизнь вступило малочисленное поколение 1930-х годов рождения, и работников стало не хватать. Безработица упала до фоновых значений, а наличие элементарных способностей практически гарантировало быстрый карьерный рост: должностей было больше, чем людей, способных их занять.

Эта необычная ситуация привела к «демографической ступеньке»: в 1950-е годы в США скачком выросла рождаемость, что в пересчёте на конец века дало дополнительный прирост населения порядка 50 миллионов человек.

«Золотой век Америки» был омрачён только холодной войной. В середине 1950-х годов стратегическое руководство страны оказалось перед необходимостью сменить стратегические императивы, предусматривающие превентивный разгром СССР и Восточного блока с помощью массированных ядерных бомбардировок (план «Дропшот», первая редакция — 1948 год). Во-первых, у СССР появилось собственное атомное, а затем и термоядерное оружие. Во-вторых, военные эксперты пришли к выводу, что даже идеальное осуществление плана бомбардировок принесёт Советскому Союзу меньшие потери, нежели немецкое наступление на Сталинград в 1942 году — атомные бомбы того времени были скорее оперативно-тактическим оружием. Наконец, в-третьих, расцветающая Америка 1950-х годов, страна беби-бума, совершенно не стремилась к большой горячей войне с вероятными значительными потерями среди мирного населения.

Пересмотр военной доктрины занял много времени, окончательно новая стратегия оформилась уже после Карибского кризиса 1962 года. Она предусматривала блокаду, то есть сочетание технологического превосходства и экономического давления. И вот здесь необходимо отметить, что перед нами именно та стратегия, посредством которой Терминус добился победы в Коррелианской войне (третий кризис Селдона): *«...не будет ни битв, ни бомбардировок, ни осад. А будет вот что: нережущий нож, холодная духовка, дом, замерзающий посреди холодной зимы. Это будет раздражать обывателей, и в конце концов народ заропщет! <...> Я рассчитываю на общее недовольство, на фоне которого может разыграться недовольство гораздо более крупных фигур <...> фабрикантов, промышленников Коррелии. <...> Задохнётся тяжёлая индустрия».*

Можно сказать, что с конца 1950-х — начала 1960-х годов США реализовывали против СССР блокадную психоисторическую стратегию. Насколько это было осознанно? Именно в те годы расцвели американские «фабрики мысли» — при правительстве, при ЦРУ, при родах войск. Известные писатели-фантасты широко привлекались к их работе, и А. Азимов — в том числе.

«Коррелианская стратегия» имела свои недостатки. Прежде всего, она предполагала неоспоримое технологическое превосходство. В отношении Терминуса и Коррелии это было обеспечено на уровне постановки задачи, Америке же своё технологическое превосходство надо было доказывать. И поэтому ракетно-космическая, она же «лунная», гонка 1960-х годов была стратегически содержательной. Соединённые Штаты выиграли её — если не в физическом пространстве, то

в информационном² — и навсегда закрепили за собой технологическое лидерство.

Здесь, однако, выявилась другая проблема. В романе А. Азимова Коррелия была уже «подключена» к экономике Терминуса, то есть «подсела» на соответствующие технологии. В этих условиях блокада очень быстро, за два года, привела к стратегическому результату. Но хозяйство СССР было в значительной степени замкнутым и во внешней торговле нуждалось слабо. Демонстрация же высокого уровня и качества жизни американцев особого впечатления на русских не производила — отчасти из-за «железного занавеса», отчасти из-за многовековой русской традиции аскезы. К концу 1960-х годов стало понятно, что блокадная «коррелианская»

стратегия нуждается в уточнении. Началась гонка вооружений. В отличие от ракетно-космической, где Штатам требовался *результат*, здесь был важен сам *процесс*. По существу, это была стратегия «экономического размена»: сломать более слабую экономику, обременив её необходимыми, но не производительными затратами. Поначалу это принесло плоды — в 1970-е годы СССР вступил в перманентный экономический кризис, что, прежде всего, проявилось в замораживании капитального строительства. Тем не менее напряжение в гонке вооружений Союз без особого труда выдерживал, и для США стало понятно, что ситуация становится обоюдоострой: американская «экономика потребления» перегрета, военные расходы огромны, и не позднее середины 1980-х страну ждёт кризис потребительского кредитования с последующей депрессией.

С другой стороны, СССР в середине 1980-х с очевидностью ждал поколенческий кризис и смена элит. То есть «игра» стала сложной и рискованной для обеих сторон, что провоцировало использование психоисторических техник. Здесь у США было явное преимущество, поскольку «американская психоистория» была создана в начале 1950-х и уже в 1960-е использовалась для нужд управления. В СССР руководство страны всё ещё пользовалось устаревшими марксистскими схемами начала XX века, попытка И. Ефремова создать новую модель исторического развития («Час быка», 1968 г.) не привлекла внимания, да отчасти и запоздала.

Психоисторики США пришли к выводу, что идеологической основой советской Империи является коммунистическое мессианство, гордость за армию и победу в Великой Отечественной войне, успехи в космических исследованиях и ядерной энергетике, а также высокая оценка своей культуры. Было понятно, что разрушение общего идеологического поля уничтожит «новую историческую общность людей — советский народ», что приведёт к лавине этнических конфликтов.

Это означало, что основным фронтом холодной войны становится геокультурный. Для психоистории, даже ранней, вывод вполне естественный, а вот классический

² Гипотеза «Лунной мегапостановки», разумеется, не относится к «мейнстриму». Считается, что она оскорбляет Америку, американский народ и едва ли не всё человечество. С трудом могу понять почему. В рамках психоистории нет никакой разницы между событием, оказавшим влияние на принятие тех или иных решений, и успешной имитацией такого события. Последнее, как правило, проще и дешевле. Речь ведь шла не об исследовании Луны, которая тогда считалась абсолютно неинтересным и никому не нужным небесным телом, а о победе в холодной войне. Кстати, у А. Азимова есть рассказ «Нечаянная победа», официально посвящённый советскому народу, в котором Земля побеждает в космической войне не реальным технологическим превосходством, а его убедительной, хотя и полуслучайной демонстрацией...

марксизм считает культуру «надстройкой», полностью подчинённой экономическому «базису» и не играющей самостоятельной роли. Поэтому геокультурное наступление США не встретило сопротивления. К середине 1980-х не только массы, но и значительная часть советской элиты признала абсолютное превосходство американских технологий, и в ещё большей степени — превосходство американской культуры, прежде всего — музыкальной и кинематографической.

После короткого переходного этапа «гонки на лафетах» Генеральным секретарем ЦК КПСС становится М. Горбачёв, и в СССР начинается перестройка. Как ни странно, с психоисторической точки зрения это был самый опасный момент для США. Перестройка могла пойти в двух направлениях — в сторону распада СССР и в сторону его коренной трансформации в динамическую сверхкорпорацию, эффективно действующую на мировых рынках. И вот здесь очень своевременно происходит классическое психоисторическое событие — чернобыльская катастрофа. Эпоха М. Горбачёва вообще изобилует странными и необычными катастрофами, но Чернобыль интересен тем, что за год до него вышел роман А. Азимова «Роботы и Империя», содержанием которого являлась искусственно вызванная катастрофа на атомной электростанции.

Чернобыль не только потребовал привлечения всех материальных ресурсов советского государства, но и вызвал раскол по линии «Россия — Украина». После этого никаких вариантов сохранения Союза уже не было. В какие-то моменты советское руководство могло сыграть по-другому, но это просто привело бы к распаду страны по иной схеме.

Холодная война была выиграна американскими психоисториками.

ПСИХОИСТОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ А. АЗИМОВА (редакция 1980-х годов)

Ещё до начала эпохи Горбачёва А. Азимов пришёл к выводу, что классическая психоистория слишком проста и онтологически ущербна. Она воспроизводит бинарные противоречия и позволяет строить только империи, создаваемые войной и войной разрушаемые. Желание выйти за пределы диалектики заставляет А. Азимова написать «Кризис Основания» и «Основание и Земля». Это совершенно другая психоистория и иные этические императивы:

Основным фронтом холодной войны стал геокультурный. Для психоистории, даже ранней, вывод вполне естественный, а вот классический марксизм считает культуру «надстройкой», полностью подчинённой экономическому «базису» и не играющей самостоятельной роли. Поэтому геокультурное наступление США не встретило сопротивления. К середине 1980-х не только массы, но и значительная часть советской элиты признала абсолютное превосходство американских технологий, и в ещё большей степени — превосходство американской культуры, прежде всего — музыкальной и кинематографической.

«он слышал, как голос Харлы Бранно твёрдо, решительно проговорил: «Свободная воля!» А голос Оратора Гендибала: «Руководство и мир!» А голос Нови прошептал: «Жизнь...»

Обратим внимание, что здесь уже не бинарное, а тройственное противоречие: Империя Терминуса, психоисторическая Империя и живая единая Галактика, единение, выражаемое у А. Азимова формулой «Я/Мы/Тея».

Сам А. Азимов склоняется к третьему варианту, что приводит его к разрыву с американским истеблишментом, который хочет использовать крах СССР для перехода к однополярному миру с экономической эксплуатацией территорий бывшего «Восточного блока». В 1992 году А. Азимов неожиданно умирает из-за последствий ВИЧ-инфекции, которой заразился в больнице. Тело его было кремировано, прах развеян.

Но психоистория осталась, и в своей новой версии она уже умела, хотя и с трудом, работать с тройственными противоречиями и проектировать сложные социальные машины. Можно сказать, что с начала эпохи Клинтона в мире действуют две психоисторические стратегии: «республиканская», использующая старую классическую психоисторию во имя сохранения и упрочения американского лидерства сначала на земле, затем в космосе, и «демократическая», опирающаяся на идею глобализации и пытающаяся выстроить геэкономическую социальную машину. Противоречие психоисторических стратегий

нагнетается как бы вне связи с противоречием «США — остальной мир», однако это противоречие резко усилило позиции Китая, привело к созданию странного, обращённого не то в советское, не то в византийское прошлое российского проекта. На следующем этапе это противоречие индуцировало политический и расовый конфликт в США, который, насколько мы понимаем психоисторию, должен стать разрушительным.

Он приведёт к гибели великой американской империи и долговременному культурному и экономическому кризису в США, но в сложившейся ситуации это уже не является сколько-нибудь важным и значимым. Потому что сегодня торжествует третья психоисторическая стратегия, стратегия «инклюзивного капитализма».

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОИСТОРИЯ И КОРОНАВИРУСНЫЙ КРИЗИС

Внутренним противоречием психоистории является противоречие между её кажущейся доступностью и реальной сложностью. Нетрудно понять, как работает психоисторическое управление. Имея в своём распоряжении достаточные ресурсы, можно организовать соответствующее воздействие и, например, добиться победы в холодной войне. Проблемы начинаются, когда нужно использовать эту победу. Американские национальные элиты сочли её поводом к разграблению побеждённой страны, не желая понять того простого психоисторического факта, что индуктивно это приведёт к разрушению их собственной страны, пусть и со сдвигом во времени.

Следующий психоисторический план принадлежит уже транснациональным элитам. Будущее американского народа эти элиты интересуют мало, вообще они стоят скорее на позиции Второго Основания «Руководство и мир!», хотя сами считают, что ведут к созданию Галаксии, единой общности Я/Мы/Гея.

Первой своей задачей эти элиты считают разрушение существующего мирового порядка и резкое сокращение населения Земли. Отсюда настойчивая пропаганда гомосексуализма и борьба с любыми формами подростковой сексуальности (ранние сексуальные контакты коррелируют с более высокой рождаемостью). Отсюда же — толерантность и политика снижения пассионарности.

Далее — активнейшее распространение всевозможных поведенческих отклонений

типа феминизма и веганства (опять-таки заметим, и то и другое приводит к снижению рождаемости).

Следующий шаг — снижение общего уровня образования. Для этого используется Болонская система, в которой студентам даются разнородные фрагментарные знания, не складывающиеся ни в онтологическую, ни в гносеологическую картину. Это привело к резкому падению социальной иммунности: молодые поколения, лишённые собственной картины мира, легко воспринимали внешнее информационное давление.

После двадцатилетнего господства Болонской системы стало возможно полностью перековать даже не само мировое информационное пространство, но принципы, им управляющие. **Возникает страшное слово «постправда», и формируется информационная оболочка, в которой невозможно использовать рациональные критерии истинности.**

В целом к началу 2010-х годов демографическая и образовательная задачи были решены, по крайней мере в развитых странах. Это проверили через модель глобального потепления. Её почти безоговорочное принятие мировыми научными и, отчасти, политическими элитами означало, что психоисторическое воздействие увенчалось полным успехом, стратегия в области образования реализована.

После этого течение истории утрачивает ламинарность: с 2011 года чередой идут селдоновские кризисы, которые, как и положено, сокращают пространство решений у национальных элит.

В 2020 году делается решающий шаг: коронавирусная пандемия разрушает существующую цивилизацию, да к тому же приводит к расколу между государственным руководством и бизнесом. В острую фазу вступает кризис среднего класса.

Одновременно с началом пандемии и «самоизоляции» публикуется манифест К. Шваба о неизбежности перехода к новому мировому порядку.

Заметим здесь, что раньше ничего подобного произойти не могло. Помешала бы образованность масс и наличие у людей онтологической «рамки»: да, эпидемия — вещь неприятная, да, от коронавируса можно умереть, но наш образ жизни, включающий демократические свободы и права человека, дороже отдельных жизней. Даже когда среди этих жизней — ваша собственная. Но низкопассио-

нарное население, возглавляемое стареющими государственными элитами, приняло вполне обычную эпидемию за мировую катастрофу. И сделало из эпидемии мировую катастрофу.

Психоисторическая стратегия, как обычно, увенчалась успехом³.

Нет необходимости описывать здесь особенности инклюзивного капитализма. Нас интересует только психоисторическое содержание, а оно элементарно. Речь идёт о переходе от парадигмы развития, чреватого кризисами (в том числе селдоновскими, психоисторическими), к парадигме равновесия. Каковы могут быть черты ограничения численности населения. Ограничение промышленности, трансформация сельского хозяйства (отказ от животноводства) и резкое снижение уровня жизни населения в целях сокращения экологической нагрузки на Землю. Последнее, то есть снижение жизненного уровня, разумеется, не относится к узкому слою транснациональной элиты.

Этот план во многом уже реализован. Но, как и американские элиты 1990-х, транснационалы не отдают себе отчёта в содержательной сложности психоистории. Когда результат их устраивает, они не думают о той цене, которую придется заплатить на следующем шаге. Да они и полагают, что следующего шага не будет вовсе, поскольку парадигма равновесия предполагает *отсутствие времени*. Вечность.

Но даже если времени нет, оно рано или поздно заканчивается.

Впрочем, переход от современной трансиндустриальной цивилизации к миру равновесия сам по себе является настолько катастрофическим, что вряд ли его переживут нынешние элиты, хоть национальные, хоть транснациональные: *«Неделю назад вы могли это сделать, и у вас, вероятно, был бы при этом один шанс из десяти остаться живым в течение года. Но сегодня на это у вас нет ни одного шанса из тысячи»* (© А. Азимов).

³ Заметим здесь, что психоисторическая модель, используемая адептами инклюзивного капитализма, всё ещё является довольно примитивной. Так, как и исходная модель Азимова, она требует, чтобы социальная система, находящаяся под психоисторическим управлением, не знала психоистории. А потому одной из важных психоисторических задач была деонтологизация исторического знания. Подчеркнём, речь идёт не только о марксистском подходе. Любая историческая теория, обладающая не только объясняющей, но и предсказательной силой, могла привести к возникновению общества, знающего психоисторию. Вот почему современная история «гипотез не измышляет», всерьёз говорит о «низкой толерантности» общества Римской империи и оценивает события прошлого с позиций современного либерализма. Заметим также, что грантовая система в науке привела к остановке качественного развития (то есть к прекращению научных революций) при ускорении количественного.

/ Татьяна ФАДЕЕВА, Виталий АВЕРЬЯНОВ, Александр ЕЛИСЕЕВ, Алексей КОМОГОРЦЕВ /

Воля к Мифу и воля к Империи

Доклад Изборскому клубу

И Наполеон Бонапарт, и Александр Македонский, исходя из ориентации на древнейший миф, осуществили попытки развернуть ход истории в альтернативное русло.

Жан-Леон Жером, Поль Деларош. «Мемнон и Сезострис», 1856. Масло, холст. Частное собрание.

Принято считать, что исторический процесс подчиняется определённым закономерностям, высоко парящим над уровнем индивидуальных человеческих стремлений. Однако историку не-

редко приходится считаться с тем, что в этот процесс время от времени вмешиваются волевые решения, в том числе отнюдь не только рационального плана, особенно ярких личностей, вовлекающих в круг сво-

его влияния элиту многих народов и религиозно-этнических традиций. Речь может идти о **мифологическом истолковании** текущей истории, но также об обращении к мифам глубокой древности, воспринятым

в плане «вечного возвращения» того, что некогда уже было.

Этот феномен некоторые рассматривают с точки зрения психологии — современного метода препарирования больших событийных процессов, имеющего источником своего происхождения научную фантастику (Айзек Азимов), но со временем вышедшего далеко за пределы фантастического моделирования «работы» с большими историческими циклами и процессами. По сути, Азимов дал атеистически-секулярную версию с упором на современные социологические и математические методы (что впоследствии проявилось в «клиодинамике» Турчина и в ряде направлений исследования истории представителями синергетики, теории хаоса и теории сложных систем) — гораздо более древней точки зрения на управление историей как эзотерическую практику, которая была свойственна представителям жреческих коллегий в эпоху античности и тайных обществ в Новое время.

В этой связи помимо термина «психоистория» можно использовать и термин «метаистория», предполагающий подход уже не столько рационально-позитивистский, сколько ставящий во главу угла ориентацию на сакральное измерение культуры, религиозно-мифологическое прочтение истории и её циклов.

В оптике метаистории сама история и человек как существо, участвующее в её формировании, говоря на языке религии, допущенное высшими силами к тому, чтобы вносить в исторический поток свою волю и свой разум, сами во многом предстают как разные стороны Большого Мифа. История является тканью Мифа, его повествованием, а человек как личность либо как сила, формирующая социальные институты управления временем и истори-

ей, — как мифотворец. Миф, чтобы быть долговечным и воспроизводимым во времени, нуждается именно в институте, как бы ни был велик и значителен первоначальный мифотворец-создатель. Даже божественный мифотворец не обходится без того, чтобы создавать такой институт (в религиозных традициях в качестве такого института выступает церковная община, сообщество верующих, в светских традициях — партия, движение, научная или эзотерическая школа).

В таком свете метаистория видится как нечто большее, чем смена этапов, закономерности и т.д. Метаистория предполагает наличие метафизического уровня. Более того, она есть проекция метафизики на план социального бытия. Здесь тоже имеет место быть тема «вечного возвращения», но только оно понимается уже не столько как «психология», сколько как высшая реальность мира¹. Психоистория может отражать метаисторию, а может и не отражать её. Как бы то ни было, понятно, что в первом случае её воспринимают именно как реальность и ведут себя соответствующим образом.

Не только Античность и Средние века управлялись мифами. Немалое значение сохраняли они и в эпоху Просвещения, в «рационалистическое» Новое время. Ярким примером этого мы считаем Наполеона Бонапарта, гениального полководца, на протяжении XIX в. будоражившего умы, а также будоражившего Европу и Россию в буквальном смысле — своими военными походами. Важным подспудным мотивом его действий, как мы покажем в нашей работе, было завоевание Индии. Здесь налицо мечта о создании глобальной империи. И она исходила не столько из реалий времени, его прагматики и расчёта, сколько как раз из мифологического истол-

кования вполне реальных событий античности — похода Александра Македонского в Индию. Причём это событие повторяло собой ещё более грандиозный легендарный и уходящий во тьму времён поход Сесостриса.

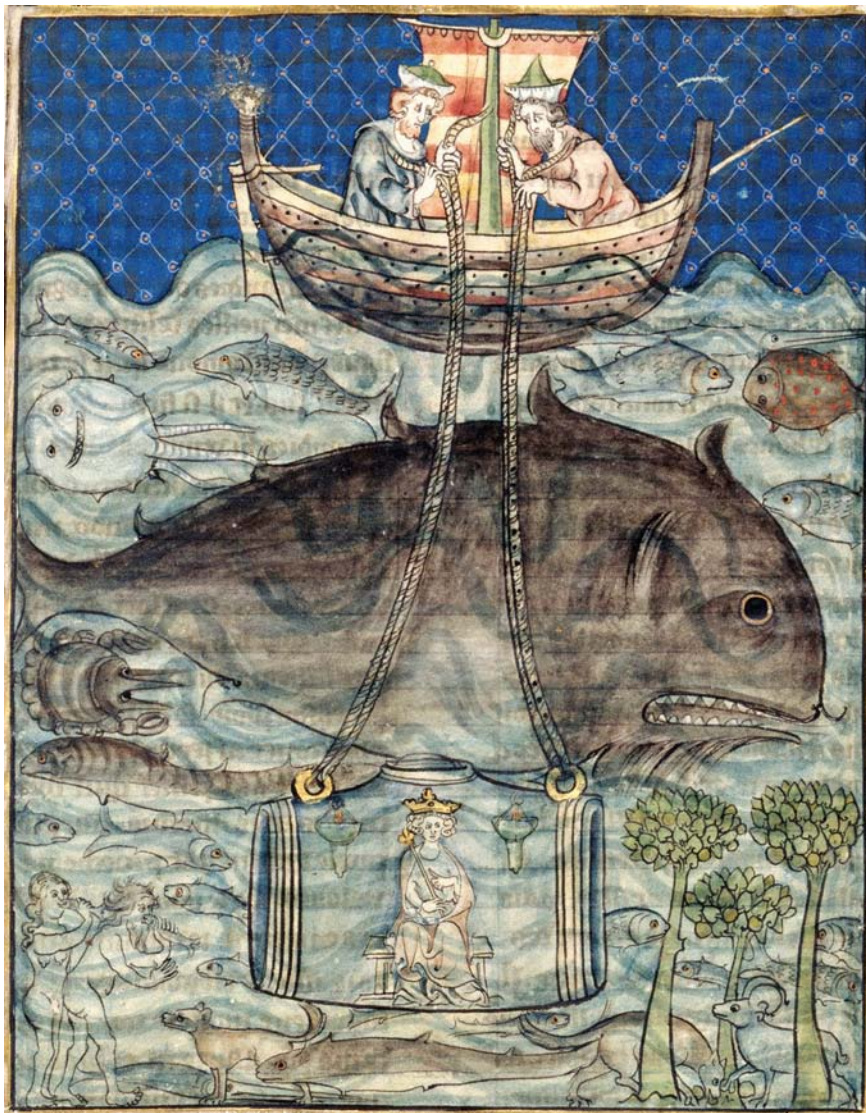
Предшественник Александра, носивший много имён — Сесострис, Озирис, Дионис, Вакх, Рама, — был глубинным мифологическим корнем, придающим мотивацию к действиям как македонского царя, так впоследствии и французского императора.

Македонец, дойдя до границ Индии, вынужден был повернуть обратно из-за ропота войска и умер в Вавилоне, который намеревался сделать центром своей империи. А вот его давний, уже обожествлённый предшественник (выберем из его имён одно — Сесострис) осуществил, согласно источникам Древнего Египта и сведениям из других традиций, гораздо более масштабное деяние — он сделал Индию центром Евразийской империи, упорядочил религиозный культ и управление огромной державой. Произошло это, скажем так, в духе современного федерализма, опирающегося на принцип субсидиарности, т.е. взаимодополняемости центральной и местных властей.

НАПОЛЕОН И ПРАВИТЕЛЬ ЕВРАЗИИ

Наполеон рано осознал силу своего военного гения, осуществив блистательные военные походы. Это укрепило его в мысли, что ему под силу повторить подвиг Александра, а до Александра — Сесостриса. Подобные представления о Сесострисе как великом цивилизаторе и реформаторе умножились во времена Наполеона благодаря исследованиям, принадлежавшим не только греко-латинским авторам,

¹ Предложивший термин «метаистория» русский религиозный мыслитель С.Н. Булгаков в работе «Два града» давал ей такое определение: «ноуменальная сторона того универсального процесса, который одной из своих сторон открывается для нас как история».

Погружение Александра Македонского в морские глубины. Миниатюра из манускрипта «Histoire du bon roi Alexander», 1320. Коллекция Фонда прусского культурного наследия. Берлинский гравюрный кабинет.

но и восточным. Особенно следует выделить арабские, персидские, индийские источники. Одним из важных узлов этого знания послужил тогда труд Фабра д'Оливе (1767–1825) «Философическая история рода человеческого», основанный, по словам автора, на священных текстах восточных народов. Также выделяются оба наиболее известных художественных эпоса — «Деяния Диониса» позднеантичного автора Нонна и «Рамаяна» индийского поэта Вальмики.

Каждый народ прославлял великого реформатора на своём языке,

обожествляя его и отождествляя с «движущим Мир разумом», со Вселенским духом. Вообще, Сезостриса отождествляли и со всем тем, что духовно или ароматно — от запаха благовоний до спирта, причём сами слова *spiritus*, *spiritueux* означают «дух», «духовный». В том числе здесь можно указать и на «дух вина». Получалось, что Рам, Озирис, Дионис или Вакх, восходящие к одному и тому же мифологическому прообразу, рассматривались иногда то в качестве Вселенского разума, то Духовного или спиртового принципа всех вещей, то, наконец, благо-

даря абсолютной материализации первоначальной идеи, в качестве «винного бога». (Отметим, что вино служило символом сакрального напитка богов и нередко напрямую служило материальной основой богослужения — вплоть до христианской Евхаристии.)

Фабр д'Оливе допускает, что «возможно посредством астрономических счислений отнести эпоху Рама приблизительно к пятому тысячелетию до нашей эры, если допустить, что не вносились поправки в Рунический календарь».

Арриан (Arrien), писавший, несомненно, в соответствии с древнейшими жреческими традициями, сообщает, что от времени этого Теократа вплоть до Сандрокоттуса (Sandrocottus или Чандрагупта), побеждённого Александром Македонским, насчитывалось шесть тысяч четыреста два года. Согласен с Аррианом и Плиний. В результате Фабр д'Оливе пришёл к выводу, что деяния Сезостриса (его поход в Индию) следует датировать как 6550 лет до Р. Х.

Что касается современного взгляда, основанного на прочтении античных авторов, то исследователи-антиковеды склонны представлять великого империостроителя древности как образ легендарный, в лучшем случае — собирательный. Сезострис или Сезострис (греч. *Σέσωστρις*) считается наиболее популярным собирательным именем в египетской политической истории, встречающимся у классических писателей (также в формах Сезосис, Сезонхосис, Сезотис, Сострис и др.), Иосиф Флавий видел в нём Сисака (Сусакима) Библии. Манефон и позднейшие фиванские жрецы отождествляли его с Рамсесом II, оставившим множество памятников, построек, надписей и изображений своих военных подвигов. Кроме того, его ещё при жизни называли уменьшительным именем Сетсу-Ра.

Геродот является первым античным автором, сообщившим как о самом Сезострисе («История». II, 102–110),

так и о его войне со скифами. Сезострис, по рассказу Геродота, был великий завоеватель, который покорила всю Азию, а в Европе дошёл до областей скифов и фракийцев (II, 103). В отличие от Дария, которому не удалось победить скифов, он подчинил, кроме остальных народов, захваченных Дарием, также и их (II, 110). По сообщениям Геродота, Диодора Сицилийского и Страбона, Сезострису приписывали не только завоевание всей Азии, Европы, Ассирии, Мидии, Эфиопии, Скифии, Персии, Бактрии и т.д., но также и введение различных законов (например, учреждение каст, распределение поземельной собственности, регулирование общественной и даже домашней жизни). Кроме того, был учреждён имперский, распространённый среди многих народов культ Сераписа.

Сезострис оставил памятники — две каменные статуи высотой в 30 локтей, изображавшие его самого и его супругу, и четыре статуи своих сыновей высотой в 20 локтей каждая. Они стояли перед храмом Гефеста. По рассказу Геродота, уже много времени спустя, когда персидский царь Дарий пожелал поставить свою статую перед этими древними статуями, жрец Гефеста решительно не позволил этого сделать. Он заявил, что Дарий не совершил столь великих подвигов, как Сезострис Египетский.

Необходимо учитывать сведения позднеантичных римских авторов Диодора Сицилийского, Юстина, Павла Оросия, Помпея Трога и других, подчёркивавших большую цивилизационную древность скифов по отношению к египтянам. Последний утверждал: «Скифское племя всегда считалось самым древним, хотя между скифами и египтянами долго был спор о древности происхождения... Скифы одержали верх

Обычно поход Наполеона в Египет объясняют борьбой за колонии, и особенно обострившимся противостоянием консервативной Англии с революционной Францией. Противоборство двух великих держав — Франции и Англии на тот момент продолжалось с переменным успехом уже много лет. Но Наполеон руководствовался гораздо более амбициозными планами, а не стремлением обеспечить, по его выражению, «интересы торгашей» той или другой стороны. Этому способствовал масштабный замах Наполеона на сакральные высоты, на образы, связанные с мифической геополитикой, пронизывающей не только пространства, но и времена — века и тысячелетия.

над египтянами и всегда казались народом более древнего происхождения». Кроме того, Помпей Трог писал о том, что скифы владычествовали над всей Азией трижды. Первый период длился полторы тысячи лет, и «конец уплате положил ассирийский царь Нин» (имеется в виду дань, которой обкладывали скифы побеждённых).

В свете этого рассказ Геродота о походе Сезостриса на Скифию обретает всё более реальные подтверждения. Об этом говорят археологические находки египетских предметов на Кавказе, в Крыму. Одна из последних подобных находок была сделана летом 2021 года — в некрополе Кыз-Аул на востоке Крыма археологами была обнаружена статуэтка древнеегипетского бога Гора. Находка, обнаруженная в отвале, — «подвеска из египетского фаянса тёмно-синего цвета, изображающая бога молчания Гарпократа (изначально — египетского бога Гора) в виде младенца с пальцем у рта, опирающегося на виноград-

ную лозу»². Исследования в этом направлении, сопоставление различных версий продолжаются.

Как и многие из его современников, Наполеон был увлечён восточной экзотикой и прочитал очень популярную к тому времени работу «Путешествие в Египет и Сирию» графа Константина Вольнея, опубликованную в 1785 году³. В ней автор рассказал о многочисленных тайнах цивилизаций этого региона. Следует отметить и наличие определённых контактов с Фабром д'Оливе, который в ранние годы служил в военном ведомстве, а в 1811 году имел аудиенцию у самого императора, которому даже успел высказать мнение, что желал бы «видеть его во главе восстановленной империи Диониса — Рама».

Если об Александре Македонском информация изобилует⁴, то о великом Сезострисе сведений было мало. Бонапарт, решив пополнить свои знания о нём, явился в Директорию и изумил всех, предложив совершить поход в Египет.

² На раскопках под Керчью обнаружили древнеегипетское «божество». // «РИА Новости Крым»: <https://crimea.ria.ru/society/20210714/1119797075/Na-raskopkakh-pod-Kerchyu-obnaruzhili-drevneegipetskoe-bozhestvo.html>

³ Volney Constantine compte de Voyage en Egypte et en Syrie. Paris. A trois vol., 1783–1785.

⁴ Повесть о рождении и победах Александра Македонского. Пер. с лат. и старофранц. Н. Горелова. СПб., 2006. — С. 130–131.

НАУЧНО-МИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Обычно поход Наполеона в Египет объясняют борьбой за колонию и особенно обострившимся противостоянием консервативной Англии и революционной Франции. Противоборство двух этих держав на тот момент продолжалось с переменным успехом уже много лет. Но Наполеон руководствовался гораздо более амбициозными планами, а не стремлением обеспечить, по его выражению, «интересы торговцев» той или другой стороны. Этому способствовал масштабный замах Наполеона на сакральные высоты, на образы, связанные с мифической геополитикой, пронизывающей не только пространства, но и времена — века и тысячелетия. Можно думать, что в ориентации на образ Сезостриса Наполеон видел себя представителем «континентальной державы суши», выступающей против «державы моря», каковой являлась Англия. Нанести ей существенное поражение на море Франции было не под силу. Оставалось три возможности — «подрезать» морские пути, связывающие Англию с её колониями — с Египтом, со странами Востока и, наконец, с Индией.

Летом 1798 года более 30 тысяч французских солдат пришли в Египет под командованием генерала Бонапарта. Его официальная миссия состояла якобы в том, чтобы освободить страну Нила от трёхвекового турецкого владычества и между прочим блокировать свободное плавание англичан к восточным колониям. Тем не менее, **в подтверждение версии о мета-исторической и мифологической ориентации, молодой Наполеон поступил весьма неординарно: он взял с собой около 600 учёных, представителей основных науч-**

ных дисциплин, чтобы изучать, записывать и копировать всё, что привлекало их любопытство в земле фараонов. Пирамиды, храмы, гробницы, мумии, подземелья, иероглифические надписи были обмерены и зарисованы. Произведения искусства были собраны, послужив изданию 12 томов «Описания Египта», открывшего миру захватывающую историю древности⁵. Кроме того, один из солдат Наполеона, копая траншею вокруг средневековой крепости Рашида, нашёл один из самых важных древнеегипетских артефактов в истории — **Розеттский камень**, который помог учёным наконец расшифровать египетские иероглифы. Розеттский камень был записан в трёх версиях: иероглифической, простонародной и греческой. Благодаря греческому тексту исследователи смогли найти её эквивалент в иероглифах и создать своего рода код для чтения древнеегипетских текстов. Это была величайшая находка и большая удача для исследователей.

В июле 1798 года Бонапарт встретился с главными силами мамлюков. «Солдаты! Сорок веков смотрят на вас сегодня с высоты этих пирамид!» — сказал Наполеон, обращаясь к своей армии перед началом сражения. Битва у пирамид была выиграна, но затем последовал ряд неудач — флот Нельсона уничтожил французский флот, и это могло помешать возвращению армии домой. Турецкий султан, узнав о высадке Наполеона, отправил в Египет войска через Сирию. Наполеон, услышав об этом, двинулся им навстречу. Сирийский поход был крайне тяжёлым. Страшная жара, отсутствие воды, чума нанесли армии больше вреда, чем нападение вражеских солдат.

Куда лучше обстояло дело с необъявленными целями войны. Так, можно назвать знакомство с колос-

сальным массивом накопленных за несколько тысячелетий знаний, созданных великой египетской цивилизацией. Всё, чем был известен Египет, — астрономия, астрология, инженерия, механика, одним словом, ключи к тайнам мироздания — всё это хранилось в полузасыпанных песками пирамидах и заброшенных храмах. И Наполеон верил в то, что огромные преимущества получит тот, кто завладеет этими ключами. Образно говоря, Бонапарт был «новым Ясоном», который повёл своих аргонавтов на поиски золотого руна. Использовалась трактовка, согласно которой в мифе об аргонавтах речь шла не просто о куске овечьей шкуры, а о пергаменте с древними текстами, дающими могущество. Недаром выдающийся французский математик Монж, участник экспедиции, как бы в шутку сказал: «Вот и я превратился в аргонавта!»

Научная часть экспедиции была ядром этого похода. В моменты боя офицеры тут же отдавали команду: «Учёных и ослов — на середину каре!» Учёных берегли как зеницу ока, прикрывая их от случайных пуль, от бедуинских копий и сабель: ведь без них экспедиция теряла свой скрытый смысл. Учёная гвардия блестяще справилась со своей задачей. Пока основная армия вела бои то в Египте, то в Сирии, пятитысячный отряд под командованием доверенного лица корсиканца — генерала Дезе — прошёл в Верхний Египет к островам Элефантина и Филе. Там находились древние храмы, которые были осмотрены и исследованы, а всё самое ценное — собрано и вывезено⁶. По утверждению некоторых историков, на двух этих островах, расположенных в верховьях Нила после первых порогов, было спрятано наиболее ценное, на чём зиждилось богатство Древнего Египта. Впрочем,

⁵ Description de l'Égypte. A 12 volumes. 1809–1829.

⁶ В ходе строительства Асуанской плотины из-за угрозы затопления часть наиболее ценных памятников была распилена и вывезена в безопасное место.

Вознесение Александра Македонского. Миниатюры из манускрипта «Historia de proelis» во французском переводе («Le Livre et le vraie hystoire du bon Roy Alixandre», Франция, Париж, 1420). Британская библиотека, Лондон.

другие считают, что «учёная гвардия» Бонапарта обнаружила усыпальницу, сравнимую по богатству с гробницей Тутанхамона, и вынесла оттуда её содержимое.

С особым вниманием был обследован огромный комплекс Рамессеум. Рамсес Великий, фараон XIX династии, во время 67-летнего правления страной, в период своей наивысшей власти и славы в XIII веке до нашей эры, 20 лет посвятил возведению грандиозного заупокойного храмового комплекса в Западных Фивах.

На протяжении многих лет Рамессеум упоминался в исторических летописях под разными именами, такими как «Усыпальница Осимандиса», «Храм Миллионов лет,

объединённых Фивами» и «Мемнониум». Оказалось, что руины Фиванского храма являлись архитектурным шедевром Фараона XIX династии — Рамсеса II, или Рамсеса Великого. С тех пор данный объект носит имя «Рамессеум», данное ему Шампольоном в 1829 году.

Чтобы полнее погрузиться в тайны земли фараонов, Наполеон провёл более двух часов в молчаливом собеседовании с мумией Рамсеса II, специально вынесенной из гробницы. А затем принял решение провести ночь внутри Великой пирамиды — в камере Царя (по примеру Александра Великого и Юлия Цезаря). Царская камера находится внутри пирамиды Хеопса. Согласно свидетельским показаниям, когда

Наполеона, бледного и печального, вывели из каменных лабиринтов и спросили: «Что вы видели?» — великий полководец чуть слышно прошептал: «Даже если бы я сказал вам, вы не поверили бы мне!»

Создано немало легенд о том, что Наполеон якобы имел некое видение, где он видел себя величайшим императором из когда-либо живших на земле. Мы же предложим альтернативную версию: в камере Царя Наполеон получил правдивый ответ на свой вопрос, завоюет ли он Индию. Ему было сказано, что он потерпит поражение в России, «варварской стране», которую не принимал в расчёт, причём от руки Белого царя, «Владыки Севера» Александра I.

Русский царь не хуже Бонапарта знал легенды об Александре Великом и его более великом предшественнике. А Екатерина Великая настойчиво утверждала в сознании внука, символически наречённого Александром, мысль, что именно ему предстоит нести бремя «владыки Севера» — Северной части Евразии.

То, что было собрано французскими учёными в Египте, невозможно переоценить: этот груз знаний и тайн привёл к появлению множества новых научных областей, прежде всего, египтологии. У Наполеона и его спутников росло представление о том, что в предыдущие эпохи знания и мастерство были много выше и что видные на поверхности памятники Египта — лишь слабое подражание гигантам прошлого.

ВОЗНЕСЕНИЕ И ПОГРУЖЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

В этой связи хотелось бы заострить внимание на одном, весьма недооценённом современными историками и историографами, но при этом чрезвычайно существенном «мифологическом» мотиве, присутствующем в многочисленных описаниях героических деяний Александра Македонского.

Предания приписывают к числу подвигов легендарного македонского царя из династии Аргеадов не только битвы или устройство всемирной державы и основание столицы птолемеевского Египта — Александрии, но и попытки измерить «высоту небесную и глубину морскую». Для первой цели Алек-

сандр повелел изготовить воздушный «снаряд» («ковчег»⁷), в котором грифоны (согласно др. варианту — орлы) подняли его на высоту «планетных кругов»⁸.

Изображение Александра, взмывающего в небо, пользовалось чрезвычайной популярностью на Руси. Доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения СПбГУ Т. В. Чумакова отмечает, что до нашего времени дошло значительное число книжных миниатюр и произведений прикладного искусства с сюжетом «Вознесение Александра Македонского», в их числе — знаменитая преславская диадема (Болгария, X в.), эрмитажное серебряное блюдо, обнаруженное на Ямале. «Вознесением Александра» украшались княжеские

⁷ Гаркави А. Я. Новые данные для истории романа об Александре. // Веселовский А. Н. Новые данные для истории романа об Александре. — СПб., 1892. — С. 125.

⁸ Багдасаров Р. В. Иконография космизма. // Волшебная гора № XVI. — М., 2012. — С. 282–288.

рубашки домонгольского периода и даже одежды священнослужителей.

На особый сакральный характер этого образа указывает тот факт, что «полёт Александра Македонского на небо» часто присутствует в декоре романских церквей XII–XIII вв. Западной Европы, Грузии и в оформлении храмов Владимиро-Суздальской Руси, построенных Андреем Боголюбским, Всеволодом Большое Гнездо и Святославом Всеволодовичем. В более поздний период он часто встречается в произведениях народного прикладного искусства (на изразцах, в росписи сундуков, на медных образках и монетах Тверского княжества XIV века и пр.). С XII века сюжет «Вознесение Александра Македонского на небо» появляется в каменном декоре соборов (Успенский собор Андрея Боголюбского, Георгиевский собор Юрьева-Польского, Димитровский собор во Владимире).

В авторитетных и часто цитируемых памятниках древнерусской письменности сюжет «Вознесение Александра» весьма популярен. Это, к примеру, «Послание Фоме» Климента Смолятича (XI век), сказания о деяниях македонского царя, называвшиеся «Александриями»⁹. Примечательно, что эпизод с полётом Александра Македонского был включён в Лицевой (т. е. иллюстрированный, от др.-рус. «лица» — изображения, рисунки) Летописный свод Ивана Грозного (т. н. «Царь-книга»), содержащий в себе все значительные события мировой и в особенности русской истории «от сотворения мира» до 1567 года. Этот уникальный свод, состоящий из 10 томов (10 тысяч листов большого формата с 17 тысячами миниатюр), был создан приблизительно в 1569–1576 гг. в единственном экземпляре спе-

циально для царской библиотеки в Александровской слободе.

Сюжет о чудесном полёте Александра Македонского представлен не только в христианской и мусульманской средневековой литературе, но и в талмудической традиции. Наиболее раннее упоминание о нём присутствует в иерусалимском Талмуде: «Раввин Иона (жил в III столетии по Р. Х. в Палестине) сказал: “Александр Мкдон (Бам. Раб. Мкдонос), желая подняться в высоту, всё поднимался и поднимался до тех пор, пока не увидел мир в форме шара, а море, подобное чаше”». По версии Горионида¹⁰, «Александр вздумал возвестись на высоту (или: на небо) сквозь атмосферу и спуститься в бездну Великого моря и т. д., **что и было им исполнено посредством чудесных механизмов и искусных приспособлений**, как это описывается в составленном египетскими волхвами жизнеописании Александра»¹¹.

Из приведённой цитаты следует, что уже в X веке существовало представление, согласно которому на небо можно было подняться с помощью неких «механизмов» и «искусных приспособлений». Три столетия спустя после оглашения данной версии, в середине XIII века, ровно ту же самую мысль высказал в «Послании о тайных действиях искусства и природы и ничтожестве магии» английский философ и естествоиспытатель, францисканский монах **Роджер Бэкон** (ок. 1214–1292): «Итак, теперь я поведу речь, во-первых, об удивительных делах искусства и природы, чтобы затем указать их причины и способы [осуществления], в которых нет ничего магического, для того чтобы стало ясно, что любые возможности магии ниже этих дел и недостойны. И прежде всего — с помощью

характера и методов одного только искусства. В самом деле могут быть созданы такие орудия мореплавания, чтобы большие корабли без гребцов пересекали реки и моря, управляемые одним человеком, и с большей скоростью, чем если бы они были наполнены гребцами. Также могут быть созданы повозки, которые двигались бы без тягловых животных с невообразимой стремительностью, каковы, как мы представляем, были вооружённые серпами боевые колесницы, на которых сражались древние. Также могут быть созданы инструменты для полёта: чтобы в середине инструмента сидел человек, вращая некое изобретение, с помощью которого [двигались бы], ударяя по воздуху, искусственно созданные крылья, на манер летящей птицы. Также [может быть создан] небольшой по величине инструмент, который поднимал бы и опускал немыслимые тяжести (нет ничего полезнее такого инструмента в определённой ситуации). Ибо с помощью инструмента высотой в три пальца и такой же ширины и даже меньшего размера человек мог бы избавить себя и своих близких от всякой опасности заточения, и подняться, и спуститься. Также можно легко создать инструмент, с помощью которого один человек сможет насильственно притянуть к себе тысячу людей вопреки их воле. И то же касается прочих вещей, необходимых для принуждения. Могут быть также созданы инструменты для путешествия под водой морей и рек — вплоть до достижения дна, и без всякой телесной опасности. **Ибо Александр Великий использовал такие инструменты для того, чтобы разведать тайны моря, как рассказывает астроном Этик. И [все] это было создано в древности и,**

⁹ Чумакова Т.В. Сюжет «Вознесение Александра Македонского на небо» в древнерусской культуре. // Вестник СПбГУ. Сер. 17, 2014. Вып. 2. — С. 103–107.

¹⁰ Горионид (Иосиппон бен-Горион, Иосиф Горионидес, Иосиф бен Горион) — неизвестный автор, живший приблизительно в конце X века в Италии, под именем которого распространялась переведённая на древнееврейский язык компиляция книг Иосифа Флавия (Иосиппон бен-Горион // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб, 1890–1907).

¹¹ Гаркави А.Я. Новые данные для истории романа об Александре. С. 125–126.

определённо, создано в наше время, — исключая разве что инструмент для полёта, который я не видел и не знал человека, который бы его видел. Но я знаю мудреца, который придумал, как его изготовить. И может быть создано несчётное число такого, например, мосты через реки без опор или какой-либо поддержки и неслыханные механизмы и изобретения»¹².

Привлекает внимание уверенность, с которой Бэкон, исполненный глубокого презрения по отношению ко всякого рода магическим «дисциплинам», пишет об «инструментах», созданных в древности.

Живший задолго до Бэкона и Горионида Плутарх (ок. 46–127) в своём жизнеописании Александра Македонского отмечал: «Александр, по-видимому, не только усвоил учения о нравственности и государстве, **но приобщился и к тайным, более глубоким учениям, которые философы называли “устными” или “скрытыми” и не предавали широкой огласке.** Находясь уже в Азии, Александр узнал, что Аристотель некоторые из этих учений обнародовал в книгах, и написал ему откровенное письмо в защиту философии, текст которого гласит: “Александр Аристотелю желает благополучия! Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? **Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями**

о высших предметах. Будь здоров”. Успокаивая уязвлённое честолюбие Александра, Аристотель оправдывается, утверждая, что эти учения хотя и обнародованы, но вместе с тем как бы и не обнародованы...»¹³.

О высоком уровне древнегреческой науки и наших недостаточных знаниях о её подлинном состоянии говорит история так называемого Антикитерского механизма, который хранится сейчас в Национальном археологическом музее в Афинах. Этот уникальный механизм не только наглядно свидетельствует о высоком уровне навигационного искусства античных мореплавателей и их техническом обеспечении, но и о возможностях древнегреческой науки в целом¹⁴.

Корни популярных во всей культурной ойкумене сюжетов с вознесением и погружением Александра Македонского следует искать в древнейшей шумеро-аккадской мифологической традиции первой половины III тыс. до н.э., согласно которой правитель шумерского города Киша Этана с помощью гигантского орла поднялся на небеса, а правитель Урука Гильгамеш погружался в океан в поисках «цветка бессмертия», растущего «как тёрн на дне моря», собираясь с его помощью не только возратить «свою молодость», но и «накормить им народ свой»¹⁵.

В указанном контексте легендарные деяния Александра Македонского, вне зависимости от их исторической достоверности, следует рассматривать как важнейшее указание на символическое преемство «эстафеты» поиска, олицетворяе-

мого шумерскими героями Этаной и Гильгамешем. В этом смысле вознесение и погружение Александра Великого не просто воплощали собой устремлённость человека и человечества к рубежам мироздания, но предельно конкретно намечали основные векторы его грядущей экспансии. Таким образом, **сюжеты вознесения и погружения Александра можно рассматривать как наглядный пример направляющего «вторжения» мифологического начала в пространство актуальной истории человечества.**

Крайне символично, что в числе главных приоритетов, маркирующих роковой поворот мирового научно-технического прогресса в сферу прикладных информационных технологий и технологий управления сознанием, «верхние позиции» занимают отказ от стратегических программ по освоению космического пространства (программа С.П. Королёва «О развитии исследований по космическому пространству», утверждённая постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР № 1388–618 от 10 декабря 1959 г.¹⁶) и заселению подводного материкового шельфа (Большая океаническая программа французского исследователя Мирового океана Ж.-И. Кусто)¹⁷.

Равно как и то, что именно на Руси популярность образа Александра шагнула далеко за пределы аристократических кругов. Как отмечает археолог, доктор исторических наук, профессор А.В. Чернецов, «путь, по которому происходило “обрусение” этого персонажа, был пройден практически полностью»¹⁸.

¹² Роджер Бэкон. Избранное. / Перев. с лат. И.В. Лупандина. — М., 2005. — С. 431.

¹³ Плутарх. Сочинения. Пер. с древнегреч. / Сост. С. Аверинцева; Вступит. статья А. Лосева; коммент. А. Столярова. — М., 1983. — С. 52–53.

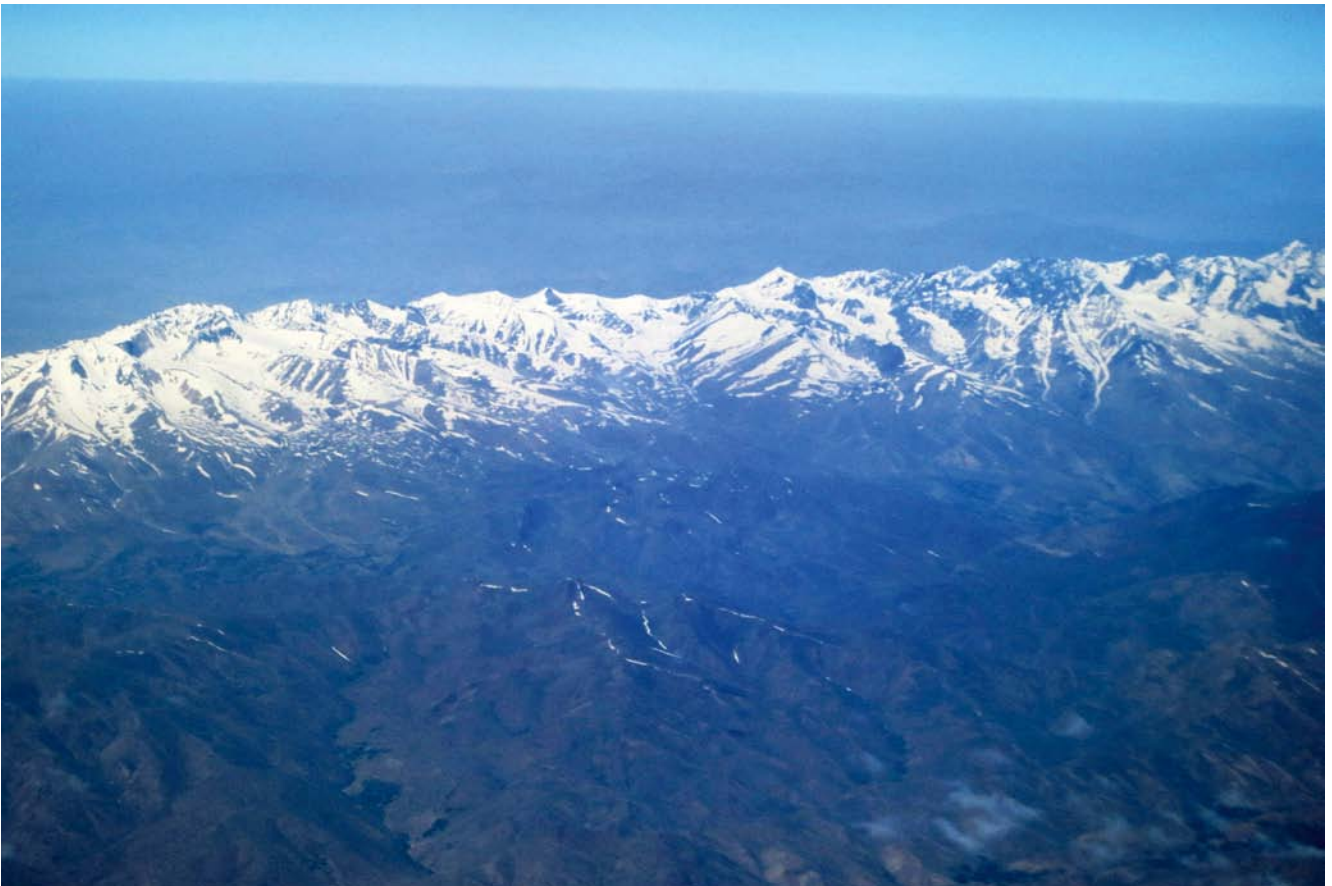
¹⁴ Жуков А., Непомнящий Н. Запрещённая история, или Колумб Америку не открывал. — М., 2013. С. 105–109; Мерчант Д. Антикитерский механизм: Самое загадочное изобретение Античности. — М., 2017.

¹⁵ Эпос о Гильгамеше («О всё выдавшем»). — М.-Л., 1961. — С. 81.

¹⁶ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 10 декабря 1959 г. № 1388–618 «О развитии исследований по космическому пространству».

¹⁷ Подробнее см.: Барбекоу на грани бездны: Тенденции глобальной деградации. Доклад Изборскому клубу под редакцией В. Аверьянова. // Изборский клуб, № 9 (33), 2015. — С. 82–109; Комогорцев А. Преданное развитие: О сворачивании сверхиндустриального проекта. // Там же. — С. 110–117.

¹⁸ Багдасаров Р.В. Иконография космизма.

Следует понимать, что попытки Александра Македонского измерить «высоту небесную и глубину морскую» рассматривались в Средневековье как наивысшая степень экспансии, завещанной праотцу Иафету (**Быт. 9, 27**). Как указывает историк Р.В. Багдасаров, именно через библейский императив «распространения» — как жребия потомков Иафета — выражало себя расширение древнерусских государств, Российской империи, а впоследствии и СССР. Благодаря небывалому космическому прорыву последний добавил к этому императиву вертикальное измерение в строгом соответствии с «яфетической» самоидентификацией древнерусской культуры.

В ИНДИЮ — ЧЕРЕЗ РОССИЮ

Возвращаясь к Наполеону, можно сказать, что свою «битву у пира-

мид» он выиграл, невзирая на то, что 23 августа 1799 года вместе с ближайшим окружением погрузился на корабль и отбыл на родину, бросив армию на произвол судьбы. Но домой полководец тем не менее вернулся триумфатором, и это косвенно доказывает, что цель похода была не военная. Его встретили как победителя и героя, который через некоторое время совершит блестящий взлёт, став первым консулом Франции.

Наполеон уверился: путь в Индию пролегает по территории южной России. Ведь именно этот путь некогда избрал Сезострис, победивший, согласно рассказам античных историков, скифов, чего не сумел позднее сделать персидский царь Дарий. Покорив Скифию, Сезострис продолжил путь на Восток, очерчивая северные границы своей евразийской империи, центром и сердцем кото-

рой стала Индия. На меньшее Наполеон был не согласен. Уверившись, что предшественник Александра Македонского Сезострис проложил свой путь в Индию по скифским землям, он обдумывает план привлечения России к завоевательному походу в Индию.

Легендарные сказания об Александре Великом были очень популярны в России в правление императрицы Екатерины II. Одно время они стали одним из стержневых мифов Российской империи, где активно развёртывалась мифологизация истории. Идею уподобления екатерининского царствования «Александрии», а её самой — Александру Великому привёз из Европы Иван Шувалов в 1777 году. Он был основателем, а затем и президентом петербургской Академии художеств¹⁹.

Новый имперский миф распространялся весьма успешно, захва-

¹⁹ Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. — С. 913.

тив умы придворной знати и самой императрицы²⁰. Родившемуся в декабре 1777 года внуку-первенцу императрица дала имя Александр. Этим именем нарекались крепости, ставившиеся на границах империи по мере продвижения к югу, в направлении Крыма и Северного Кавказа. Имперский миф об Александре дополнился мифом о Константине, как только у Екатерины появился второй внук. Так формировалась «политическая мифология», нашедшая выражение в известном «Греческом проекте», предполагавшем возрождение Византийской империи.

«Символика имени старшего внука Екатерины, предназначенного для российского трона, — пишет историк Д. Швидковский, — афишировалась меньше. Она была рассчитана на узкий придворный круг. Его называли «Новым Александром» и «Александром Севера», намекая на отождествление его с македонским царём. Его бабушка, размышляя о власти своего любимого внука над империей, объединявшей земли Востока и Запада, приводила в пример Александра Великого. В комнатах молодого великого князя были развешаны картины со сценами

из жизни Македонца. На эфесе сабли, подаренной ею внуку, была прикреплена камень с профилем полководца»²¹. Для наследника строился дворец, который роскошью должен был превзойти всё ранее созданное. Его название «Пелла», столица Македонии, недвусмысленно напоминало о месте рождения великого завоевателя античности.

Павел I, несмотря на радикальное расхождение его с Екатериной во многих других вопросах и сильную личную неприязнь, тоже захотел уподобить свой путь деяниям Александра Македонского, о чем пи-

Морис Оранж. «Наполеон Бонапарт перед пирамидами созерцает мумию фараона Рамсеса Великого (1798)», 1895. Musée d'Art moderne Roger Anacréon, Granville.

²⁰ Нутрихин Р. Мистические огни Ставрополя. — Ставрополь, 2018. — С. 146.

²¹ Швидковский Дм. Минерва и Александр // Наше наследие. 1998, № 6. — С. 13.

шет, в частности, уже цитированный нами Р. Нутрихин. Последнее стало важной посылкой его союза с Наполеоном Бонапартом. **Союз Павла I и французского первого консула, затем императора Наполеона носил с точки зрения последнего чёткую антианглийскую направленность, обеспечивая «континентальную блокаду» морской державы.** А с точки зрения интересов российской державы данный союз обладал несомненной внутренней логикой. Другими словами, он обозначил контуры складывающегося противостояния «державам моря», выражаясь языком современной геополитики. Это был альтернативный геостратегический проект будущего передела сфер влияния в мире.

Оба государя были увлечены героическими легендами древности и мифологизацией своего собственного правления. Отчасти это служило своего рода завесой, скрывающей от «владычицы морей» их подлинные интересы и намерения. Поход в Египет укрепил мечту Бонапарта о покорении мира, о повторении похода Александра из Египта через Кавказ в Индию. Сам Александр, в свою очередь, шёл по стопам великого предшественника. По крайней мере, Наполеон планировал, с согласия Павла, пройти по югу Российской империи курсом на Индостан. Индия была потеряна французами в Семилетнюю войну и всегда притягивала Наполеона. Больше всего он желал поставить Великобританию на колени, а главное богатство английской земли заключалось в огромной, плодородной, богатой Индии. Именно оттуда везли драгоценные камни, шёлковые ткани и хлеб. Промышленность Англии без поставок индийского сырья ожидал неминуемый крах, а эксплуатация Китая стала бы невозможной из-за отсутствия опиума. Военные силы англичан в Бенгалии состояли всего из двух тысяч английских

Россия была издавна озабочена торговыми контактами со Средней Азией и Индией, а потому предложение Бонапарта идти на Индию пало на подготовленную почву. Что касается французского правителя, то он общался на тему Востока с учёными, дипломатами, разведчиками и отлично понимал: на пути реализации его замысла встретится немало непредвиденных трудностей. Тем не менее, оба государя считали, что раз это удалось Александру Македонскому, то и правителям двух великих держав окажется вполне под силу.

солдат и 30 тысяч индийцев, обученных европейским методам ведения войны, но не слишком надёжных с точки зрения верности британской короне.

Итак, в начале XIX века у Наполеона Бонапарта и российского императора Павла I возник план совместного похода в Индию. Он обсуждался в обстановке сугубой секретности, и потому сведений о нём сохранилось крайне мало. Поскольку сама идея индийского похода передавалась Наполеоном на словах, а проекта как такового в детально разработанном виде не сохранилось, исследователи могут лишь реконструировать его по представленному в 1800 г. Павлу I плану тогда ещё первого консула Франции²². Он был прислан российскому императору генералом Дюроком и сохранился в двух вариантах. По замыслу Бонапарта, 70-тысячный экспедиционный корпус (половина французов, половина русских, из них 10 тыс. казаков) под командованием тогда ещё генерала Андре Массена должен был за 120–130 дней (май — сентябрь 1801 г.) достичь берегов Инда. Планировалось, что французские части соберутся на Дунае, русский флот перебросит их в Таганрог, а оттуда по Дону они придут к Царицыну. Затем по Волге

приплывут в Астрахань, где к ним присоединятся русские войска. На это отводилось 80 дней. Впоследствии объединённый экспедиционный корпус через Каспийское море попадает в персидский город Астрабад и далее через Кандагар и Герат благополучно достигает берега реки Инд. И на все эти действия отводилось... 50 дней! Была достигнута договорённость с турецким султаном на проход французских кораблей с десантом через Босфор и Дарданеллы. В Индийский океан с Камчатки должны были успеть подойти три русских фрегата, которые, возможно, могли бы составить конкуренцию расположенным там английским кораблям.

Конечно, Наполеон не мог не отдавать себе отчёта в том, что на пути претворения в жизнь этого замысла встретится немало непредвиденных трудностей. И это обстоятельство его беспокоило. Он прямо задавал Павлу I вопрос о том, каким образом русско-французская армия «проникнет в Индию сквозь страны почти дикие, бесплодные, свершая поход в триста лье от Астрабада до пределов Индостана». Как ни парадоксально, но русский царь постарался рассеять его опасения, выразив большой оптимизм и уверенность в успехе предполагаемой акции.

²² Проект русско-французской экспедиции в Индию. 1800 год // Русская старина. 1872. Т. 7. № 9. — С. 401.

Россия была издавна озабочена торговыми контактами со Средней Азией и Индией, а потому предложение Бонапарта идти на Индию пало на подготовленную почву. Что касается французского правительства, то он общался на тему Востока с учёными, дипломатами, разведчиками и отлично понимал: на пути реализации его замысла встретится немало непредвиденных трудностей. Тем не менее, и Бонапарт, и император Павел считали, что раз это удалось Александру Македонскому, то и правителям двух великих держав окажется вполне под силу. По общим расчётам, от времени отправки французских полков с Рейна и до полного покорения Индии должно было миновать не более пяти месяцев.

Чтобы союзник не сомневался в решимости русских, Павел I в январе 1801 года отдал приказ казачьим войскам отправляться в поход. Осуществление этой операции царь возложил на атамана Всевеликого войска Донского Василия Орлова. Ввиду преклонных лет атамана в поддержку ему Павел I поставил офицера Матвея Платова, который, к слову, для этого был освобождён прямо из камеры Алексеевского рavelина. Операция была полностью засекречена. В Петербурге имели сведения лишь о том, что казаки куда-то отправляются в поход. Только пять высших казачьих офицеров знали, что им предстоит пройти тысячи километров по безлюдной степи, а потом по песчаной пустыне, перейти через горы, пройдя всю Среднюю Азию и Памир. По пути им было приказано занять Бухару, а в Хиве освободить всех русских пленных. При этом Павел велел «не обижать народы, встречающиеся им по пути следования отряда, и добром приводить их в русское подданство». Государь писал Орлову: «В Индии англичане имеют свои заведения торговли, приобретённые или деньгами, или оружием. Вам надо всё это разорить, угнетённых владельцев освободить и землю привести России в ту же зависимость, в какой она у англичан».

В короткий срок к походу было подготовлено около 22 тысяч казаков, а также артиллерийские части. На операцию государственная казна выделила баснословную сумму в 1,5 миллиона рублей. 20 февраля 1801 года Орлов сообщил государю, что всё готово к путешествию. 28 февраля на Дон прибыло одобрение императора, и Матвей Платов во главе основных сил выступил из станицы Качалинской на Оренбург. 23 марта, накануне Воскресения Христова, казаки находились в селе Мечетном (ныне город Пугачёв Саратовской области). Здесь их нашёл курьер из Петербурга с новостью о смерти Павла I и приказом возвращаться домой.

Наполеон был уверен, что за дворцовым переворотом и убийством Павла I стояли англичане, защитившие руками русских заговорщиков свои интересы в Индии. В ярости Бонапарт заявил: «Англичане промахнулись по мне в Париже, но они не промахнулись по мне в Петербурге!»

Воцарение Александра внесло коррективы в планы Наполеона, но не привело его к отказу от своих планов завоевания Индии. Он вернулся к этой идее сразу после встречи в Тильзите. Есть немало свидетельств того, что поход 1812 года задумывался не только для «принуждения России соблюдать континентальную блокаду Англии», но и как новая попытка возобновить вытеснение Англии из Индии. Ещё до начала войны, в марте 1812 года, наследник шведского престола, бывший французский маршал Бернадот, имевший личные каналы информации в Париже, передал Александру I слова императора Наполеона: «Россия присоединится к моей армии или добровольно, или вследствие законов победы и будет привлечена к великому движению, которое должно изменить лицо мира». Под «великим движением» Бонапарт подразумевал вторжение объединённой русско-французской армии

сначала в Турцию, затем в Иран, а впоследствии — в Индию.

Обострение франко-русских противоречий с 1810 г. видоизменило идею совместного похода: император решил силой добиться согласия Зимнего дворца на это предприятие. В разговоре со своим генерал-адъютантом графом Луи Нарбонном в апреле 1812 г. он следующим образом прогнозировал развитие событий: «Чтобы добраться до Англии, нужно зайти в тыл Азии... Представьте себе, что Москва взята, Россия сломлена, с царем заключён мир или же он пал жертвой дворцового заговора, и скажите мне: разве есть средство закрыть путь отправленной из Тифлиса великой французской армии и союзным войскам к Гангу; разве недостаточно прикосновения французской шпаги, чтобы во всей Индии обрушились подмостки торгашеского величия?»

Это мемуарное свидетельство подтверждается другими документами. 14 апреля 1812 г. руководитель французской разведки в герцогстве Варшавском барон Эдуард Биньон представил министру иностранных дел Югу Маре пространную записку о главных задачах готовящейся войны. Анализируя обширные подготовительные мероприятия и собранные силы, Биньон решил открыто ответить на вопрос о его цели. По его мнению, «ослабление России, ограничение этой державы границами старой Московии не станет достаточным вознаграждением за убытки чрезмерного передвижения». Барон считал, что русская армия, так же как прусская, превратится в «послушный инструмент» в качестве вспомогательной силы, ибо никто не сможет «остановить поступь корпусов, вступающих в бой». В конечном итоге они должны прийти в Индию, уточнял барон, повторяя слова императора об «изменении лица мира». Разведчик даже представил детальное изображение будущих действий — в глубину Азии будет направлен контингент «из трети или четверти европейской армии,

идуший нанести смертельный удар Англии, между тем остальные разместятся на берегах Вислы, Двины и Днепра, чтобы гарантировать тыл тем, кто будет участвовать в экспедиции». **Эта фраза — о смертельном ударе по Англии — даёт отчетливое представление о реальном геополитическом масштабе задуманного Наполеоном проекта**²⁵.

Слухи об индийском проекте Наполеона проникли и в российские общественные круги. Во всяком случае, свои суждения об индийском плане Наполеона высказывали многие современники событий. Денис Давыдов, порицавший отступление русских армий к Москве, считал, ссылаясь на общее мнение, что в случае подписания мира с Наполеоном 100 тысяч русских вместе с французами отправятся на завоевание Индии. Аналогичный вывод о том, что французский император собирался из России идти в Индию, поддерживали и многие участники событий. Новые факты подтверждают мнение о том, что Наполеон в 1812 г., стремясь к созданию евразийской империи, ставил перед собой долгосрочные цели. Его грандиозная политическая мифология во многом определила политику начала XIX в., но потерпела поражение, поскольку выявила контраст между колоссальными планами и реальными возможностями для их осуществления.

Авантюризм действий французского императора, помимо субъективного фактора, объясняется крайне скудной информацией об Азиатском регионе: ведь многие европейцы, современники событий, считали такой план вполне осуще-

ствимым. В деталях, в частности в выборе маршрутов движения для экспедиционной армии, никаких перемен по сравнению с проектом похода 1801 года не было, о чём свидетельствовала определённая географическая направленность усилий французской стратегической разведки перед 1812 г.

Метаисторическая мифология, основанная на древних преданиях, подпитывала планы Бонапарта, военный гений которого до поры до времени не знал поражений. На пути узурпатора, рождённого революцией, оказался принц крови по рождению, законный государь северной части Евразии — Александр. Он не только не пожелал союза с противником, вторгшимся на его территорию, не только изгнал

его из своего Отечества, но продолжил преследование «корсиканского чудовища» в пределах Европы до окончательной победы над ним.

Александр был с детства знаком с легендами об Александре Македонском. Но он черпал силы, прежде всего, в ином источнике энергий — искренней христианской вере отцов, разделяемой с народом. Действуя как патриот своего Отечества, русский царь проявлял рыцарственность по отношению к поверженному противнику и к освобождённым европейским странам. В то же время он вольно или невольно способствовал своему стратегическому геополитическому противнику — «морской державе», впоследствии проявившей всю меру коварства, в том числе и по отношению к нему лично.

²⁵ Здесь трудно не указать на очевидные исторические параллели. Как и в начале XIX века, самым страшным кошмаром для «владычицы морей» являлся союз мощных континентальных держав против Британии. Исторически такой союз постоянно намечался, после Наполеона и Павла I контуры подобных решений просматривались в российско-германских отношениях и несколько десятилетий спустя (эпоха Бисмарка), и самым явным образом — в 30-е годы XX века, в эпоху Сталина и Гитлера. Такого рода союз как альтернативный проект геостратегии, альтернативный тип и образ передела сфер влияния и балансировки сил в мире мог бы действительно изменить русло истории. Огромные усилия англосаксов были всегда направлены на срыв такого рода союзов, разделение и разобщение континентальных держав. Именно ввиду этих целей создавались союзы-блоки держав против Германии и Австрии в Первую и Вторую мировые войны. В некотором роде и проект Евросоюза выполняет подобную функцию, управляя европейцами в ущерб их глубинным интересам. И в этом смысле британская, а позднее американская политические элиты действительно осуществляли не какое-то фигуральное, а вполне земное и прагматическое управление историей, не допуская такого сценария, который был бы вполне вероятен, логичен, практичен и отвечал бы потребностям континентальных держав. Англосаксам тем не менее удавалось рассорить и натравить их друг на друга.

ДВА ПРАВИТЕЛЯ. ГУБИТЕЛЬНАЯ ДВОЙСТВЕННОСТЬ

Историк Роман Багдасаров в работе «Россия и космический вызов» отмечает, что в христианстве и исламе Александр (Искандер) понимался как идеальный правитель, философ на троне, образец для подражания царей и князей. На Руси ему уподобляли, в частности, Александра Невского.

Есть у Александра Македонского и эсхатологическое измерение. Он выступает как покоритель и усмиритель неких демонических орд, нашествие которых чревато «концом света». В «Откровении Мефодия Патарского» предсказано: «В последние дни перед концом мира Гог и Магог выйдут на землю Израильскую. Это цари языческие, которых закрыл царь Александр с северной стороны <...> и все, людоедами называемые, имеющие пёсьи головы <...>. Ибо есть начнут плоть человеческую и кровь пить, как воду. И эти люди растлят землю и осквернят её».

Однако есть у него и двойственность, можно даже сказать, раздвоенность — не случайно он всё-таки не сумел присоединить к своей великой, но недолговечной империи Индию. Характерно и окончание его великого полёта. В легенде сообщается: «Александр приказал запрячь в трон четырёх сильных птиц, которым три дня не давали есть. Он сам сел на трон и высоко поднял два копья, на которых были привязаны куски мяса. Птицы, стремясь к последнему, подняли на воздух трон с Александром. На большой высоте Александру встретилась птица с лицом человека и приказала ему вернуться на землю. Когда Александр взглянул вниз, он, глубоко под собой, увидел громадную, свернувшуюся в кольцо змею и в центре кольца маленький помост. Птица объяснила ему, что змея есть море, а помост — земля, окружённая морем. По приказанию птицы Александр опустил копья, и птицы полетели вниз и благополучно

спустили его на землю, но так далеко от места взлёта, что ему лишь с большим трудом удалось достичь своего войска».

Вероятнее всего, в этом мифе-притче описано царское стремление к высшему, духовному Небу, к раю. Три голодных дня у четырёх птиц может указывать на какую-то аскетическую практику, связанную с постничеством. Птицы символизируют психоэмоциональное, животное (душевное, «ярко-желательное») начало, которое подчинено духу (началу райско-ангелическому). Птица с человеческим лицом — символизирует обращение взора от неба вниз, на землю. Царь видит мощь Змея, который окружает землю. Душевное начало оказывается сильнее духа, Александр вынужден прервать свой полёт. Это выражает двойной символизм. Внутри у него — свой Змей, и он очень силен, в царской же крови особенно. (Интересно, что одна из легенд, поддерживаемых самим Александром ради репутации своего сверхъестественного происхождения, утверждает, что настоящим отцом Александра был не царь Филипп, но именно Змей²⁴.)

Двойственность была характерна и для Наполеона. С одной стороны, он пытался устранить деструктивные моменты, присущие антитрадиционной Великой французской революции. Наполеон воссоздаёт сильную авторитарную государственность, восстанавливает традиционные ценности в области морали и т. д. Таким образом, он выступает в качестве некоего консервативного революционера, который пытается соединить «старое» и «новое». Более того, он стремится реализовать древнейший проект, направленный на воссоздание вели-

Слишком уж сильно влияют на Наполеона деструктивные моменты «Нового времени». Одним из таких моментов является желание Запада включить огромные евразийские пространства в состав глобальной капиталистической системы. И здесь глобально-имперское незаметным, но фатальным образом превращается в глобалистически-империалистическое. Наступательный шовинизм трансформируется в наступательный космополитизм, «стирающий» лица наций и культур (лица Мифа) перед лицом одного глобального центра — всемирного Змея (уничтожающего саму природу мифического, стандартизирующего весь мир).

²⁴ Происхождение царя Александра от божественного существа объясняется в повести «Жизнь и деяния Александра Македонского» тем, что его мать Олимпиада была подвержена чарам великого мага и последнего этнического египтянина на троне, фараона Нектанеба II, бежавшего от завоевателей-персов из Египта и проживавшего в Пелле. Фараон-маг сумел соблазнить царицу и внушить ей, что зачала она от связи с богом Амоном, образ которого принимал Нектанеб. Царь Филипп же по возвращении из похода узнает, что у Олимпиады родится сын и верит, благодаря чарам Нектанеба, что это сын бога. (Лицевой летописный свод XVI века. Всемирная история. Книга 3. X 593. — М., 2014. С. 133.) Здесь просматривается четкая символическая связь, связь преемства между Александром и египетским царем Сезострисом.

кой Евразийской империи, важнейшей частью которой в первомифе являлась Индия.

Однако слишком уж сильно влияют на Наполеона деструктивные моменты «Нового времени». Одним из таких моментов является желание Запада включить огромные евразийские пространства в состав глобальной капиталистической системы. И здесь глобально-имперское

незаметным, но фатальным образом превращается в глобалистически-империалистическое. Наступательный шовинизм трансформируется в наступательный космополитизм, «стирающий» лица наций и культур (лица Мифа) перед лицом одного глобального центра — всемирного Змея (уничтожающего саму природу мифического, стандартизирующего весь мир). Нечто подобное произо-

шло и с Александром Македонским, устремившемся, в отличие от Сестоприса, к смешению народов, что породило в итоге гибридную эллинистическую культуру, развращающую человека как носителя религии предков и предшественников; эллинизм можно рассматривать как прообраз современной транснациональной антисистемной контркультуры²⁵.

²⁵ Эллинистический мир был как раз одной из первых попыток сформировать «транснациональную» ойкумену, поскольку попытки воссоздать единую империю прекратились почти сразу после войны диадохов и «Вавилонского раздела» империи в 323 г. до н.э. Существует немало фактов и свидетельств, указывающих на то, что многие из народов, вошедших после похода Александра Македонского в «эллинистический мир», выдвинули из себя целые когорты и классы условных «грекофилов», в первую очередь молодёжи, которые так или иначе отвергали веру и обычаи своих отцов как «низшие» в культурном смысле, чтобы приобщиться роскоши и забавам придворной элиты «эпигонов» — потомков «диадохов», преемников, разделивших между собой державу Великого Александра. Греческий спорт, театр, художественные вкусы, греческие гетеры и половые извращения (при этом явно в меньшей степени греческие философия и наука) стали субстратом для этой новейшей элиты отщепенцев, космополитов античности. Такой путь разложения империи по своей сути противоположен курсу на самоподдерживаемые и развивающиеся империи, осуществляющие планомерную экспансию, при этом, как правило, принципиально сохраняющие культурное разнообразие и веротерпимость своих частей (такими были империя Чингисхана, Византия и Россия). В этом смысле государство Александра Македонского являлось недо-империей, квази-империей, порождавшей феномен, противоположный имперскому духу. (О типах империй и феноменологии их развития см. доклад Изборскому клубу «Всплывающая империя» (Изборский клуб, 2015, № 2)). Так же и «империя» императора Наполеона, толком не успев ещё проявить весь свой потенциал, обладала подобными деградиционными задатками. Это обусловлено тем, что постреволюционная Франция была направляема во многом тайными обществами Западной Европы, инспирировавшими французскую революцию 1889 года и последовавший за ней бурный эмансипационный «прогресс». Наполеон с его попыткой запустить альтернативный, мифотворческий проект управления историей выглядит на их фоне как некий эпизод, нелогичное завихрение событий, «бунт сильной личности» перед наступлением эпохи тотальной власти капитала, силы обезличивающей и отчуждающей.

/ Роман БАГДАСАРОВ /

*Чингис
и два
Александра.*
В борьбе за образ
идеального
правителя Евразии

КОНФЛИКТ ПАМЯТИ

Испытывает ли европеец стыд из-за того, что пользуется латинскими буквами и словами греческого происхождения? Что границы его страны когда-то были намечены римской администрацией, а система права утверждена византийским императором? Морщится ли, когда слышит слова «василевс», «Александрия», «фаланга»? Пустые вопросы. Ответ, разумеется, отрицательный.

Всё это части европейской истории, имеющие к тому же общечеловеческое измерение. А имеют ли общецивилизационное значение слова «хан», «Сарай», «тумен»? И каково оно? Какое чувство испытывает носитель языка, не относящегося к семейству тюркских, когда ему указывают на тюркоязычное происхождение родных слов? Как относится к тому, что страна, где он проживает, возникла как улус Золотой Орды? Здесь не будет однозначного ответа. Перечисленные слова и понятия вызывают разные ассоциации у разных людей.

Скажем, житель Саха-Якутии в слове «улус» не обнаружит ничего необычного, для него это аналог муниципального района. А вот утверждение, что конгломерат русских княжеств в глазах великого хана считался улусом, у некоторых, пожалуй, вызовет отторжение. Последует оговорка, что это, мол, ничего не значит, что грянула потом битва на Куликовом, и Русь возродилась.

Одно «но». Русь не могла «возродиться», потому что как единое государственное образование начала существовать только в составе Орды. Орда создала восточную Московскую Русь. Западно-русские города не имели единого центра, а их административное устройство было гораздо ближе к Литве и Польше, чем к Рязани и Владимиру.

Налицо конфликт в ядре исторической памяти. Для одних Орда — основа государственного устройства, для других — «наследие, от которого мы отказываемся». Нечто запредельно мерзкое, как это показано в фильме «Орда» (2012), отмеченном множеством премий и сочувственных слов, несмотря на всю его антиисторичность. Те, кто снял эту претенциозную агитку, руководствовались инвективой: Орда — это «ад» русской истории, в котором по определению не может быть ничего хорошего, а если наше государство родом из Орды, то лучше бы его и не было совсем.

ПРЕДАСТ ЛИ РОССИЯ ЕВРАЗИЮ?

Дабы не погружаться в бесконечную дискуссию о цивилизационных приоритетах, различаю-

щихся для разных территорий и в разные эпохи, удобнее сузить обзор. То, как работает механизм самоотрицания для народов Восточной Евразии, прекрасно видно из сравнения образов двух завоевателей — Александра Македонского и Тэмуджина Чингисхана.

Один олицетворяет экспансию с запада на восток, второй — с востока на запад. Актуальность их противопоставления остра, отвечает злобе дня, более того, проецируется в неопределённое будущее.

Видимо, поэтому столкновение между Чингисханом и Александром стало центральной коллизией романа «Око времени» (2003) из трилогии «Одиссея времени», которую британский фантаст Артур Чарльз Кларк завершил незадолго до смерти в соавторстве со Стивеном Бакстером. Разнополярность цивилизационных икон доведена здесь до последней степени ясности.

Недобрые демиурги, Перворожждённые, приговорили Землю к уничтожению: человечество способно поколебать энергетический баланс Вселенной. Однако, будучи сверхрациональными, Перворождённые создают на всякий случай копию Земли — «Мир», за которым устанавливают пристальное наблюдение. Вторая Земля воспроизводит её не только в пространстве, но и во времени. «Мир» смонтирован из лоскутов разных эпох — ключей человеческого прошлого: от австралопитеков до 2037 года.

Таким образом, люди разных эпох оказываются совмещены на единой исторической арене. Правда, на десяток человек из XXI века приходится десятки тысяч представителей более ранних периодов. Оно и понятно: количество пропорционально знаниям и технологиям.

В подобной комбинации армия Александра обречена стать соперником туменов Чингиса. Предметом распри делается Вавилон («Врата богов»), где пребывает основной артефакт, через который поддерживается связь с Перворождёнными. Чингисхан видит в нём философский камень, который сделает его бессмертным, а Александр (внимание!) — разгадку того, почему произошёл разрыв времени. Уже в этом послые сказывается предвзятость авторов: Александр готов рискнуть всем ради общего прогресса, а Чингис — приземлённый эгоист. В настоящей истории всё несколько иначе: за походами Александра проступают интересы греческой торговой элиты, а Чингис исходил из этических побуждений (во многом иррациональных, по современным понятиям), насаждая номадические заповеди, собранные в Ясу.

Дальнейшее повествование всё более оттеняет нравственную высоту царя эллинов и варварство монгольского хана. «...Все мы уцелели после странных перемен в пространстве и времени, смысл которых вместить не в силах разум ни одного человека. Неужели нам больше нечем ответить на это, кроме как тем, что сойтись в битве и изрубить друг друга на куски? Неужели нам нечего друг у друга перенять, кроме того, как лучше ковать оружие и какую применять военную тактику?» — рассуждает Александр, снаряжая посольство к Чингису. Ну а тот, дело ясное, с этим посольством расправляется. Ведь этот Чингис — из фантастики, в то время как в исторической реальности именно послы Чингисхана регулярно становились жертвами правителей, к которым отправлялись.

Невзирая на идеологические передёргивания, сама битва между объединёнными во времени силами Запада и Востока выписана максимально достоверно. Чего стоит картина, где монгольская тулугма (окружение противника крыльями войска с разными тактическими задачами) разрезается тяжеловооружённой пехотой и всадниками-копьеносцами македонян.

Показательно то, как распределены представители разных времён и стран между противоборствующими силами. На стороне Александра оказывается британский гарнизон с афгано-пакистанской границы 1885 года вместе с приданными ему воинами-сипаями и экипаж миротворческого вертолёта ООН, состоящий из белого американского пилота, ассимилированной в третьем поколении британского офицера-индуски и второго пилота, пуштуна. Кстати, в гарнизоне оказывается молодой Редьярд Киплинг, кото-

рый сочиняет для Александра речь с цитатами из Шекспира. Их противником вместе с монголами и китайцами выступает американка из южных штатов (космонавт с корабля «Союз»), цинично принявшая сторону Чингисхана. Второй уцелевший космонавт — русского происхождения. Он не разделяет выбора американки и совершает покушение на завоевателя мира.

«Николай искренне считал, что монгольская экспансия по своей природе патологична. Это была отвратительная спираль позитивной обратной связи, рождённая бесспорным военным гением Чингисхана и раскалённая лёгкими завоеваниями. Потом эта чума безумия и разрушений распространилась по большей части ведомого людям мира. У русских были особые причины ненавидеть память о Чингисхане... В те страшные годы из страны навсегда было вырвано сердце.

— Это не повторится снова, — прошептал Коля».

В эту ситуацию заложен важный посыл: оказавшись естественными союзниками монголов (что соответствует действительности), русские обязаны возделеть их поражения. Они — слабое звено евроазиатской империи, на которое опирается британский колониальный мир во главе с Индией, чтобы противостоять Китаю и опять расколотым надвое Штатам. Собственно, данную миссию и пытаются периодически возлагать на Россию её геополитические доброхоты. А чтобы придать такой миссии легитимность, её красят пёстрыми мифологемами: идеализируют домонгольскую Русь, рассматривают этногенез русских исключительно со стороны оседлых народов, демонизируют монголов (или скопом тюркские и алтайские племена)...

К чести Кларка и Бакстера, следует заметить, что воспевание Александра имеет у них строго очерченные границы. Перейдя рубеж отведённых ему на Земле лет, в «Мире» Александр начинает всё более напоминать тамошнего Чингиса. Он создаёт чудовищный гибрид рабовладения с паропанком, грезит новыми походами и заплывами вплоть до Америки.

Жаль, что авторы не проводят обратной аналогии. Ведь в отличие от Александра, чьё акме осталось в молодости, Чингисхан с годами лишь наращивал свои достоинства правителя. Далеко не ясно, что представляла бы из себя его империя, успей он довершить её самолично.

ПОРАЖЕНИЕ ЧИНГИСХАНА

В романе Кларка и Бакстера Чингис сталкивается с Александром на фантастической планете

Александр победил Чингиса на поле искусства. Образ македонского царя, запечатлённый не только в письменных источниках, но и на многочисленных мозаиках и скульптурах, создал ему неотразимую ауру психологической убедительности. Черты Александра получили многократную репликацию в обе стороны на шкале времени: они сопоставлены с героями прошлого (Ахиллом), также визуализованными, и героями дальнейшей истории, которые использовали Александра как базис для конструирования собственного имиджа.

«Мир». Но в реальной памяти Земли их битва кипит уже давно. И монгольский хан пока в ней проигрывает.

Причины не в области его политики. О разрушительности монгольских завоеваний написано предостаточно. Но деструктивность Александра была как минимум не меньшей, неспроста в зороастрийских текстах его деятельность приравнена к деяниям Анхро-Манью. Даже греческие источники сохранили отчёты об этноцидах, которые македонский царь периодически проводил в Согдиане и других северо-восточных областях Персии, а также на подступах к Индии.

Дело не в демографии или образовании. Ведь именно благодаря транспортному каркасу и последовавшей исламизации тюрков внутри Орды началось масштабное освоение Сибири, плоды коего пожало пришедшее туда Московское царство.

На самом деле Александр победил Чингиса на поле искусства. Образ македонского царя, запечатлённый не только в письменных источниках, но и на многочисленных мозаиках и скульптурах, создал ему неотразимую ауру психологической убедительности. Черты Александра получили многократную репликацию в обе стороны на шкале времени: они сопоставлены с героями прошлого (Ахиллом), также визуализованными, и героями дальнейшей истории, которые использовали Александра как базис для конструирования собственного имиджа.

Чингис, напротив, выглядел уникальной фигурой в глазах современников, он не имел никаких аналогий в прошлом. Прижизненные наброски портрета Чингиса скрыты за толстым слоем китайской летописной пудры и песенного эпоса кочевников. Более-менее объективные источники (не принимать же за них тексты, составленные представителями Победённых) были опубликованы лишь во второй половине XIX века («Сокровенное сказание монголов», например). Собственно, с этого момента можно отсчитывать жизнь психологического образа Чингисхана, поскольку до того существовал только его символ.

Но когда это случилось, образ Александра просуществовал уже 23 века. Он стал хрестоматийным, едва ли не естественно присущим любому человеку, претендующему на звание цивилизованного. Чтобы «отвоевать» себе до-

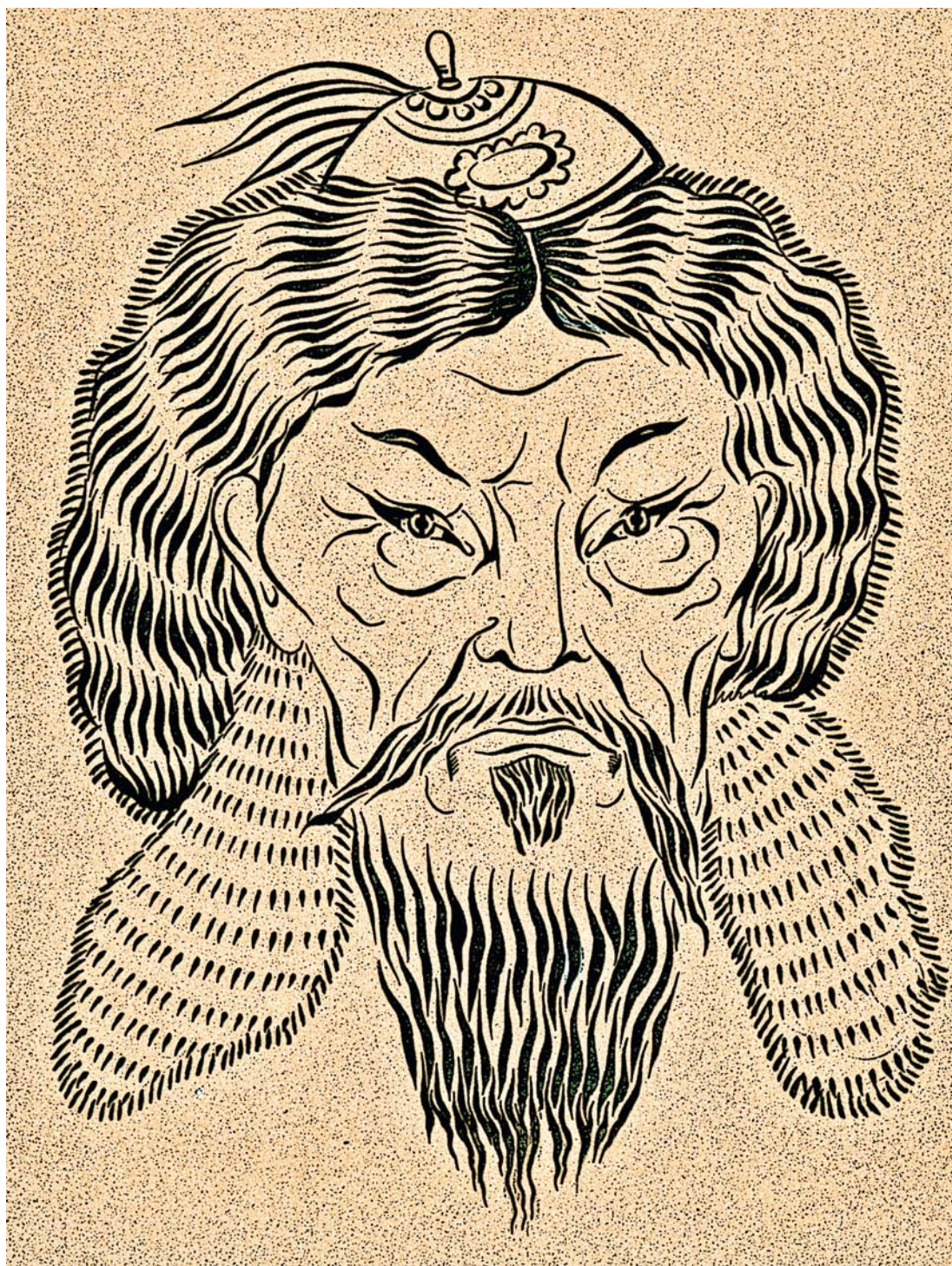
стойное место во всемирной памяти, Чингисхану необходимо было наверстать упущенное. Надо ли уточнять, что этот процесс начался с России.

Именно российский синолог архимандрит Палладий (Кафаров) приобрёл и впервые опубликовал единственную рукопись «Сокровенного сказания монголов» (Юань-чао би-ши), где наиболее достоверно описаны коллизии биографии великого хана. После этого написание его психологического портрета стало делом времени.

ВОСКРЕШЕНИЕ ВЕЛИКОГО КАГАНА

Речь идёт о повести Василия Яна «Чингиз-хан» (1939)¹, где впервые воссоздан убедительный, хотя не бесспорный человеческий облик Чин-

¹ Название указано в соответствии с авторской волей. В современной транскрипции имя соответствующего исторического лица принято писать «Чингисхан».

гиса. Несмотря на тематические публикации, ряд обстоятельств, сопровождавших работу писателя над квадрологией², оставался до сих пор вне зоны внимания литературоведов.

В первую очередь это касается сотрудничества Яна (В.Г. Янчевецкого) с крупнейшим

художником-визионером советского периода Евгением Спасским. Они познакомились в 1919 году в Омске, когда Янчевецкий представлял свои художественные работы на футуристической выставке, где участвовал и Спасский. Затем Янчевецкий (будучи начальником

² Вслед за «Чингиз-ханом» был написан «Батый». Под давлением издателей Ян разделил третью часть «Александр Беспокойный и Золотая Орда» на две книги: «Юность Александра» и «К последнему морю».

осведомительного отделения особой канцелярии штаба Верховного главнокомандующего в Омске) устроил молодого художника к себе в редакцию фронтовой газеты. Этим он фактически спас Евгения от отправки в окопы³.

В 1923 году двое бывших колчаковцев возобновили своё общение в Москве, и оно не прекращалось вплоть до смерти Яна (1954). Здесь следует напомнить, что первая встреча с «духом» великого кагана произошла у писателя значительно раньше — в новогоднюю ночь с 1903 на 1904 год, когда Ян путешествовал по персидской пустыне Дешти-Лут. Тогда он увидел Чингисхана во сне и, подобно Иакову, даже боролся с ним. Позднее Василий Григорьевич расскажет об этом в мемуарах. Облик хана и поза, в которой тот сидел, были собственноручно запечатлены писателем на бумаге и в повести.

В ночь на 1 марта 1935 года Чингис явился Яну вторично. Подробности данной «встречи» неизвестны. Однако именно после неё Ян обращается к Спасскому за помощью в полноценной «реанимации» Чингисхана.

Хотя Евгений Спасский был на четверть века моложе Яна, он успел развить в себе «духовное зрение». Речь идёт о разработанной им способности, позволявшей удерживать и запоминать мельчайшие детали спонтанно возникающих в сознании образов⁴. «Правда, только правда должна руководить человеком, работающим в области искусства, — говорил Евгений Дмитриевич. — Как добывается эта правда в наши дни? Трудно до боли. Только терпение, доверие и упорство — настойчивость. Да, надо набраться громадного терпения, смирения и глубокой веры. Много, много раз обращаться и всё время проверять и контролировать себя, чтобы не примешалось что-либо чуждое, лживое... Только сильная вера и настойчивость отводят помехи. Нельзя спешить в работе. Медленно, шаг за шагом, бесконечно проверяя, с любовью и полной самоотдачей, в полной тишине погружаясь, мы приходим к истине»⁵.

Как отмечает биограф Спасского А. Р. Ефименко, в период работы над «Чингиз-ханом» художник особенно часто гостил в семье Янчевецких. Вероятно, Василий Григорьевич

посвятил Спасского в большинство замыслов, касающихся монгольской темы, а тому требовалось некоторое время для вживания в неё.

Результатом сотрудничества стали четыре портрета Чингисхана, а затем — Бату-хана, Субэдэя и Александра Невского, написанные в период 1938–1946 годов. По разным причинам эти работы не были опубликованы в книгах Яна, однако роль, которую они сыграли, трудно переоценить. Достаточно сказать, что основной акварельный портрет Чингисхана кисти Спасского всегда сопровождал Василия Григорьевича на его рабочем столе, писатель даже вывез его с собой в эвакуацию в Ташкент.

Первые два портрета написаны тушью и стилизованы под китайскую гравюру с изображением Чингисхана, напечатанную на титульном листе первого издания повести. Спасский отказывается от полной фигуры, сосредоточившись на лице хана, которое увеличивает сравнительно с гравюрой и разворачивает фронтально к зрителю. Теперь тот может заглянуть в глаза великого кагана, испытать толику того, что чувствовали люди, лоя его мимолётный, но предельно намагнетизированный взгляд. Эти рисунки соотносятся со свидетельством персидского историка аль-Джуджани, называвшего глаза Чингиса «кошачьими» (оно поставлено эпитафией к пятой главе повести). В выражении лица хана нет ничего напыщенного, однако оно излучает такую властную силу, которой трудно не подчиниться.

Акварельные работы углубляют образ. «Кропотливая работа над изучением материалов о жизни и деятельности Чингисхана имела одну цель: установить возможно точнее несомненные ориентиры, отправные точки, на которых можно было бы базироваться... Каким образом один человек может объединять массы, направлять их согласно своим планам на завоевания, на походы, на смерть? Были или не были у этого «бича божия на земле» какие-то тёплые, человеческие, положительные черты?» — позднее писал Ян⁶. «Хотя ему уже больше шестидесяти лет, он ещё очень силён, — отзывается о хане посол из повести. — Тяжёлыми шагами и неуклюжими хватками он похож на медведя,

³ См. подробнее: Евгений Спасский. М., 2021. — С. 39, 42–44, 73–74, 346–349; Просветов И. В. Десять жизней Василия Яна. Белогвардеец, которого наградил Сталин. М., 2017. — С. 133–134, 183.

⁴ Евгений Спасский. — С. 138–144.

⁵ Е. Д. Спасский: «Прислушиваться к голосу эпохи...»: Из духовного наследия мастера. // Наука и религия. 2020, № 8. — С. 36–37.

⁶ Цит. по: Просветов. Указ. соч. — С. 206.

хитростью — на лисицу, злобой — на змею, стремительностью — на барса, неутомимостью — на верблюда, а щедростью к тем, кого он хочет наградить, — на кровожадную тигрицу, ласкающую своих тигрят. У него высокий лоб, длинная узкая борода и жёлтые немигающие глаза».

Всё это и ещё многое другое, чего полностью не передашь словами, отображено на портрете Спасского: непредсказуемость, какая-то тайна вкуче с железной уверенностью; и тут же — испытующая, отеческая, незлая насмешливость.

Да, разумеется, Чингисхана повести Яна трудно счесть положительным персонажем, но вот величие его на фоне прочих правителей, обуянных страстями и ослеплённых амбициями, показано убедительно. Недаром академику Сергею Козину, на труды которого опирался Василий Григорьевич, в 1951 году предъявили обвинение в попытке возродить культ Чингисхана.

ЗАВОЕВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИНКОРПОРАЦИЮ

Художественные свидетельства Яна и Спасского вдвойне ценны, поскольку возникли в среде, где доминировал отрицательный образ Чин-

гисхана. Несмотря на идеологизированность современной им культуры, эти мастера постарались увидеть образ великого хана в вечности.

Посыл принёс свои плоды не только в отечественной культуре. «Чингиз-хана» перевели на европейские языки, и его новаторский образ мгновенно превратился в канон. Несмотря на все искажения, следы яновско-спасского Чингиса проступают даже в упоминавшемся романе Кларка и Бакстера.

Интересно также, что Ян и Спасский оба не миновали интереса к Александру Македонскому. Ян впервые коснулся этой темы в повести «Огни на курганах» (1932) в связи со скифским сопротивлением греко-персидской экспансии⁷. Он мечтал изобразить Александра в масштабной эпопее, но так и не успел.

Отдавая долг памяти ушедшему товарищу, Евгений Дмитриевич на склоне лет создаёт впечатляющий портрет Александра (1978). Он синтезирует античную иконографию с символизмом основателя мирового царства эллинов по Библии. На картине Спасского золотистые космы Александра-космократора переходят в козлиные рога из пророчества Даниила (Дан. 8:5-9). Художник подчёркивает неоднознач-

⁷ Цит. по: Просветов. Указ. соч. — С. 206.

ность «мироправителя», ведь апостол Павел причисляет мироправителей к «тьме века сего» (Еф. 6:12).

Впрочем, сотрудничество Яна со Спасским не исчерпывается образами завоевателей. Обращаясь то к Александру, то к Чингису, писатель не чувствовал историософской завершённости. Он искал фигуру, которая могла бы совместить достоинства обоих властителей, но минимизировать присущие им изъяны.

Наконец такая фигура была найдена. В ответ на предложение Яна заняться воплощением «новых героев» Спасский отвечает ему в августе 45-го: «Я бы с удовольствием сделал для Вас портреты, но для этого надо бы подробнее побеседовать с Вами, чтобы и у меня в душе эти образы ожили и стали созвучны Вашему пониманию». Спасский подразумевал прежде всего Александра Невского, который уже несколько лет занимал сердце Василия Григорьевича.

Писателя не удовлетворяла ни бравурная кинотрактовка Александра Невского Сергеем Эйзенштейном, ни его вульгарное искажение в «Ратоборцах» Алексея Югова. Последний превратил биографию князя в сплошное фэнтези, где тот, демонстрируя лояльность Орде, втайне инспирирует бунты против «поганых».

Ян совершенно верно угадал в Александре Невском сочетание европейской доблести и восточных приёмов управления. В принципе, именно так он воспринимался в новгородской летописи, повествующей «о великом князе нашем Александре, об умном и кротком и смысленном, о храбром, тезоименитом царю Александру Македонскому, подобном царю Ахиллосу крепкому и храброму... которому Бог дал премудрость Соломонову»⁸. Обращение же Александра Ярославича на Восток Ян считал обдуманым и оправданным выбором.

Ему хотелось показать путь князя с самого начала. Так появилась повесть «Юность полководца», для которой Спасский выполнил свой портрет в смешанной технике (1946). Конская голова рядом с князем оттеняет его молодость, поскольку именно конь в традиционной культуре олицетворял нерастратенную витальность. Князь ещё не оседлал коня, ещё ведёт его на поводу. Голова животного возвышается над княжеской как величественное грядущее.

Глаза Александра тоже принципиально отличаются от глаз монгольских правителей: они

не гипнотизируют, но открыто притягивают, смиряют, не унижают, а соразмеряют, буквально тянут, поднимая зрителя к себе. Запрокинутая вбок голова князя словно спрашивает: «Ну а тебе не слабо?»

«Дружинники Александра, не раз уже побывавшие в кровавых, опасных схватках в литовских лесах и уже томившиеся без воинского дела, сразу зашевелились и принялись точить мечи и готовить оружие с того часа, как пришла весть о предстоящем походе. Они с удивлением посматривали на юного князя. — Радостен и светел лик его! — говорили они. — Нашёл он опять свою любимую потеху. С ним весело в поход двинуться. Скоро начнём лихих недругов трепать» («Юность полководца»).

К сожалению, Василию Яну не удалось довести свой замысел, однако он, единственный среди советских писателей своего времени, вычленил наиболее актуальные вибрации, скрывающиеся за образом Александра Невского.

Исторически сформировавшаяся глобальная дихотомия Темучжин Чингисхан — Александр Македонский может быть разрешена только с помощью третьей неотмирной силы, которую воплотил в себе русский князь. Это было понято на уровне интуиции новгородскими книжниками, а затем периодически осмысливалось в кардинальные моменты отечественной истории.

Святой Александр Ярославич был канонизирован в 1547 году, в год венчания на царство Ивана Васильевича IV. Его мощи торжественно перенесли в новую столицу России, сделав их главной святыней империи. Культ Александра Невского стал общенародным и надконфессиональным в годы Великой Отечественной войны, внеся бесценный вклад в победу над врагом.

Не занимаясь масштабными завоеваниями, Александр наметил путь легитимации русских княжеств внутри Золотой Орды, инкорпорируя их в неё. Прежние княжества потеряли былую автономию, которой они всё равно не могли бы воспользоваться, даже при западной ориентации. Зато стали «закваской» нового постордынского царства, сообщив своё качество всем его частям. Это была власть через подчинение, нечто принципиально новое, но естественно растущее и заставляющее считаться с собой ничем ранее не ограниченную экспансию Александра и Чингиса.

⁸ Софийская Первая летопись. // ПСРЛ. СПб., 1851. — С.176.

/ Алексей КОМОГОРЦЕВ /

Эсхатологические сценарии как средство управления историей

Авторский экспертный доклад Изборскому клубу

«Битва императора Священной Римской империи и Тевтонского ордена против народов Гога и Магога». Апокалипсис Тевтонского ордена. Рисунок из манускрипта, XIV в. Torun, Biblioteka Główna.

Публицист и культуролог Владимир Можегов предлагает рассматривать историю как арену столкновения двух глобальных мессианских проектов и стоящих за ними идей:

римско-имперской (христианско-мессианской) и иудео-мессианской (антихристианской), за которой под определённым углом зрения проступают «тени» финикийской (ханаанско-

карфагенской) цивилизационной проектности¹. Все прочие проекты и подпроекты (исламский, католический, европейский, китайский, иранский, индийский и пр.) так или иначе оказываются вовлечёнными в орбиту этого глобального метаисторического противостояния, из которого складывается ткань текущего исторического процесса².

Метафизическим ядром глобальных мес-сианских проектов служит религиозная эсхатология и, конкретно, эсхатологические сценарии, являющиеся, по выражению политолога и философа Вадима Цымбурского, «концептуальной лозой»³, с помощью которой на «мировой шахматной доске» создаются конкретные «дорожные карты», направленные на реализацию той или иной долговременной политической стратегии.

Во многом именно через эсхатологические сценарии и их проекции на текущую реальность происходит прямая трансляция мифологического и метафизического из области идеального (сакрального архетипа) в область материального и исторического. В традиционной религиозной оптике именно на этом (зачастую бессознательном) уровне устанавливаются направляющие и управляющие связи конкретного народа (или отдельного его сегмента, представленного в т.ч. различными религиозными течениями) с окормляющими его высшими существами (элохимами, эгрегорами, ангелами-покровителями народов).

Л. Тихомиров в работе «Апокалиптическое учение о судьбах и конце мира» опровергает бытующее мнение, согласно которому Апокалипсис, или Откровение св. Иоанна Богослова, наряду с Книгой пророка Даниила являющийся центральным текстом христианской эсхатологической традиции, «доступен пониманию только людей, достигнувших особенно высокого состояния своего духовного “я”». Оговаривая неоспоримые трудности понимания Апокалипсиса, пророчеств Даниила и проч., Тихомиров

указывает, что Апокалипсис дан вовсе не для одних пророков: «Это таинственное Откровение обращено к совокупности верующих нескольких церквей, ко множеству людей, среди которых были и далеко не безупречные: *носишь имя, будто жив, но ты мёртв (Откр. 3, 1)*. А в заключение Иоанн Богослов говорит всё-таки: *Блажен соблюдающий слова пророчества книги сей (Откр. 22, 7)*. Да и Сам Спаситель указывал нам быть внимательными к признакам времени: *Вы же берегитесь. Вот, Я наперёд сказал вам всё (Марк 13, 23)*. Он даже упрекает тех, которые умеют различать лицо неба и земли, а признаков времени не различают»⁴.

Цымбурский, в свою очередь, в указанной выше работе заостряет внимание на том, что первая глава Откровения «призывает благословение на “читающего и слушающих слова пророчества и соблюдающих написанное в нём”, т.е. на всех, кто примет Апокалипсис за подлежащий к исполнению всемирный сценарий».

Позиционируя «внимание к эсхатологии» как «совершенно обязательное для христианства», Тихомиров одновременно предостерегает: «Понятно, что быть внимательным не значит быть увлекающимся, легкомысленным и субъективным, и именно для избежания субъективности и легковерия в деле столь важном, как предвидение событий мировой жизни и её конца, следует в эсхатологическом чтении соблюдать всё против этой предосторожности».

Это предупреждение чрезвычайно своевременное, поскольку, как показывает практика, в указанной области может быть произведена не только ошибочная интерпретация, но и до определённой степени успешная имитация или даже откровенная подмена, направленная на перехват управления, т.е. позволяющая установить контроль над определённой, «решающей» частью общества (в лице представителей его религиозно-политической

¹ Л. Тихомиров обращает внимание, что к моменту вступления Израиля в Землю обетованную проживавшие там народы были «безжалостными убийцами детей и на жертвенных пирах пожирали внутренности человеческой плоти и крови в тайных собраниях (здесь и далее выделено мой. — А. К.)». (Прем. 12, 3–6.) Категорическое указание Божие о поголовном истреблении всех местных жителей мотивируется во Второзаконии тем, что указанные народы «сыновей и дочерей своих сожигают на огне богам своим». В конечном итоге и сам Израиль подпадает под тлетворное влияние кровавых ханаанских культов: «В одной части Израиля жило омерзение перед всеми такими злодействами, в другой же части являлось страшное увлечение кровавым развратом» (Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. — М., 2012. — С. 150–151). После смерти Иисуса Навина в сфере влияния подобных культов (в т.ч. практикующих человеческие жертвоприношения) оказалось большинство еврейского населения Палестины, а главное, религиозно-политической элиты Израиля.

² Можегов В. Два мессианства. Противостояние. Авторский доклад Изборскому клубу. // Изборский клуб, №9–10 (65–66), 2018.

³ Цымбурский В. Апокалипсис на сегодня. // Эсхатологический сборник. Ред. Д. А. Андреев, А.И. Неклесса, В.Б. Прозоров. — СПб., 2006. — С. 516.

⁴ Тихомиров Л.А. Апокалиптическое учение о судьбах и конце мира. // «Христианин», 1907, №9. — С. 75–83.

элиты), а через него и над всем обществом в целом. Такая подмена сопровождается навязыванием захватываемому сегменту общества искажённого эсхатологического сценария в качестве актуальной метафизической модели.

Наиболее показательным примером подобного положения дел служит ситуация, сложившаяся в сфере религиозно-политической эсхатологии в США.

Согласно расхожему либеральному клише, накрепко запечатлённому усилиями западных СМИ в массовом сознании, религиозный фундаментализм прочно ассоциируется с исламским миром, которому противостоят демократические страны Запада во главе с США. Однако штамп о секулярности и прогрессизме политического истеблишмента США, базирующихся на принципах светского гуманизма, не соответствует реальной действительности. В XIX веке министр иностранных дел Франции А. де Токвиль, являющийся автором историко-политического трактата «Демократия в Америке» (1835–1840), писал, что религию в США «следует считать первым политическим институтом этой страны»⁵.

Начиная с момента провозглашения Декларации независимости 4 июля 1776 года одним из важнейших внутренних религиозно-политических факторов США было и остаётся непрекращающееся влияние радикальных протестантских сект на политику и политический истеблишмент американского государства. Оформившиеся в борьбе против Британии имперские устремления англосаксонской элиты Америки в симбиозе с протестантским фундаментализмом приобрели радикальный

милленаристский эсхатологический характер, отчётливо прослеживающийся в теологии доминионизма, популярной в правящих кругах США.

Доминионизм (также известный как теология доминиона) представлен группой христианских политических идеологий, декларирующих создание нации, управляемой христианами, на основе их понимания библейского закона. Наиболее известными приверженцами этой теологии являются представители кальвинистского христианского реконструкционизма, римско-католического интегрализма, харизматического и пятидесятнического богословия, новоапостольской реформации и др. Большинство современных движений, объединённых теологией доминиона, выделились из различных религиозных движений в 1970-е гг.⁶

Религиозный аспект этой политической идеологии состоит в том, что Тысячелетнее Царство Христа, о котором говорится в 20-й главе Откровения св. Иоанна Богослова, не следует ожидать в будущем, ибо оно уже наступило (вопреки трактовке сторонников т.н. премилленаризма, полагающих, что установлению Тысячелетнего Царства должно предшествовать Второе пришествие Иисуса Христа⁷). Отсюда вытекает ещё одно наименование доминионизма — «Царство сейчас» (англ. Kingdom Now). Однако хотя это «Царство» и наступило, оно должно прирастать и утверждаться через войну с сатаной, а также через возвращение к первоначальным христианским ценностям. Воссоздавая «империю добра», человек тем самым придаёт миру его первоначальную непорочность, предуготовляя его ко Второму при-

⁵ А. де Токвиль. Демократия в Америке. — М., 1992. — С. 223–224.

⁶ Dominion theology. // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Dominion_theology

⁷ У сторонников исторического премилленаризма сравнительно с их оппонентами из числа амилленаристов и постмилленаристов (рассматривающих вопрос о Тысячелетнем Царстве в отрыве от пришествия зверя (антихриста) и последующего Второго пришествия Иисуса Христа) имеется труднооспоримое экзегетическое преимущество, текстуально закреплённое в 20-й главе Откровения св. Иоанна Богослова, следующей чёткой и недвусмысленной последовательностью событий: «И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело своё и на руку свою. Они жили и царствовали со Христом тысячу лет. Прочие же из умерших не жили, доколе не окончится тысяча лет. Это — первое воскресение. Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет. Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобождён из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырёх углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской» (Откр. 20, 4–7). Из процитированного фрагмента следует, что попытка установления царства зверя и знаменитый эпизод с наложением «печатей зверя» на чело и на руку в обязательном порядке должны предшествовать Второму пришествию Иисуса Христа, первому воскресению из мёртвых и установлению Тысячелетнего Царства — все иные трактовки неизбежно противоречат внутренней логике событий, изложенных в тексте Откровения. Иными словами, если мы вслед за амилленаристами и постмилленаристами принимаем за действительность существование в текущий исторический момент Тысячелетнего Царства как некоей духовной аллегории, подразумевающей всемирную проповедь Евангелия и эпоху «воинствующей Церкви», то, следуя логике Откровения, мы должны признать эпизод с попыткой установления царства зверя, а вместе с ним и первое воскресение из мёртвых (не поклонившихся зверю) уже исторически состоявшимися. Наиболее подробно данная проблема разбирается в работе: Булгаков С. Апокалипсис Иоанна. Опыт догматического истолкования. — М., 1991.

Роберт Вейр. «Отцы-пилигримы садятся на корабль». 1844.

шествию, призванному увенчать и тем самым завершить земную историю человечества⁸.

Эксперты отмечают, что в этом популярном среди американских протестантов религиозно-политическом учении легко различимы гностические нотки: «Согласно ему, со времён грехопадения сатана правит на земле, однако Бог обращается периодически к конкретным людям, которые обязаны помочь ему вернуть утраченное владение (dominion). Таким образом, задачей протестантов становится занятие командных высот в различных сферах общественной жизни и в конце концов получение власти»⁹.

Американо-германский геополитик Уильям Энгдаль следующим образом описывает цели данного течения: «Оно основано на убеждении,

что в конце времён у части христиан проявятся сверхъестественные способности и они установят власть над всей церковью и всем миром. Верующие христиане всего мира будут реорганизованы под началом “пятигранного служения” (апостолы, пророки, учителя, пасторы, евангелисты). Во главе церкви станут Пророки и Апостолы, избранные Богом»¹⁰.

Доминионисты верят, что их собственное учение, новое «Евангелие Царства», должно прийти на смену старому «Евангелию Спасения». В обращении президента Международной Христианской Торговой Палаты (один из центров доминионистского влияния на различные протестантские течения) говорится: «Церковь должна перерасти “Евангелие Спасения” и понять, что только когда она начнёт исполнять

⁸ Нилов Игорь. Актуальная эсхатология: «атомный диспенсациализм» или «империя добра»?// URL: <https://ozz-white-wolf.livejournal.com/23242.html>

⁹ Бьернсон Г. Тед Круз и теология зла.// URL: <https://katehon.com/ru/article/ted-kruz-i-teologiya-zla>

¹⁰ Christian Fundamentalism Permeates the Republican Party: Sarah Palin's links to the Christian Right by F. William Engdahl. Global Research, September 13, 2008.// URL: <https://www.globalresearch.ca/christian-fundamentalism-permeates-the-republican-party-sarah-palin-s-links-to-the-christian-right/10167>

«Жена, облечённая в Солнце» (Откр. 12, 1–18).
Матиас Герунг. Библия Отто Генриха. Лист 295.
Баварская государственная библиотека, Мюнхен.

принципы «Евангелия Царства», тогда начнутся реальные изменения в жизни городов и наций».

«Царство сейчас» понимается сторонниками доминионизма как земное царство, «организованное по образцу Ветхозаветного Израиля с пророками и судьями во главе. Это царство не только имеет право, но и обязано силой навязывать свой порядок. Как внутри США, так и вовне. Целью доминионизма является достижение именно всемирного господства. Физическое, земное «Царство Божье», установленное в США, должно подчинить все государства и народы. Disciple Nations Alliance (DNA) декларирует: «Заботы Бога выходят за пределы

спасения отдельных индивидуумов. Его план искупления включает в себя исцеление и изменение целых наций».

Один из бывших лидеров американских правых протестантов и известный критик доминионизма Сара Лесли так описывает еретическую природу этого движения: «Доминионисты учат, что людей можно заставить войти в Царствие. Они приписывают Церкви права и обязанности, которые, согласно Писанию, принадлежат только Иисусу Христу. Это включает в себя ещё и эзотерическое учение о том, что в верующем может воплощаться Христос и христианин может действовать как тело Христово на земле, для того чтобы установить власть Его Царствия»¹¹.

Характерно, что доминионистов поддерживают неоконсерваторы, а сами доминионисты проповедуют сближение с крупным бизнесом и государством. Таким образом, бизнес становится инструментом достижения мирового господства радикальных протестантов, а протестантская миссия — инструментом глобальной экспансии американского бизнеса. Сара Лесли в той же работе комментирует подобные связи следующим образом: «В неразвитых странах третьего мира, особенно богатых природными ресурсами, создаются форпосты для новых корпоративных рынков. Это делается во имя «строительства Царства». Группы миссионеров работают на корпоративную экспансию и получение финансовой прибыли, будучи связаны с бизнес-корпорациями, которые берут на себя «миссию» расширения своих рынков во имя «строительства Царства». (Доминионист) Питер Вагнер даже изобрёл новое определение понятия «Экклессия» (греч. «Церковь») как объединение Церкви и корпоративного рабочего пространства».

К этому следует добавить, что переосмысленные в конкретном геополитическом ключе доминионистские тезисы воплотились в виде концепции «подвижных границ», а также в доктрине, представляющей США в виде «империи добра», ставших основой американского экспансионизма. Тревожный тандем американского эсхатологического эзотеризма, крупного капитала и политического экспансионизма вызывает недвусмысленные параллели с Третьим рейхом, где, с поправкой на европейскую национальную специфику, наблюдалась до боли похожая картина.

¹¹ Dominionism and the Rise of Christian Imperialism by Sarah Leslie. // URL: <http://www.discernment-ministries.org/ChristianImperialism.html>

Примечательно, что в 2016 году одним из главных кандидатов от республиканского истеблишмента, выдвинутым против Дональда Трампа, являлся сторонник теологии «Доминионизма семи гор» (англ. Seven Mounts Dominionism) сенатор Тед Круз. Приверженцы этого течения верят, что протестанты должны получить контроль над семью аспектами общественной жизни: семьёй, религией, образованием, медиа, развлечениями, бизнесом и государственной властью. Название течения отсылает к тексту из книги пророка Исайи: «И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы» (**Исайя 2, 2**).

Главный советник Круза и руководитель его «Комитета политических действий», известный евангелист Дэвид Бартон, полагает, что «если контролировать эти семь зон, то можно делать что угодно и контролировать всё, что касается целых народов и континентов, да и всего мира»¹².

В качестве ключевой фигуры предвыборной кампании сенатора Круза выступал его отец Рафаэль Круз, также являющийся горячим приверженцем идеологии доминионизма. В 1975 году Рафаэль Круз эмигрировал с Кубы, оставив католичество и обратившись вместе с женой и сыном в протестантизм. По его собственному признанию, он пережил опыт «рождения свыше», после чего включился в активную политическую деятельность. Рафаэль Круз безоговорочно верит в миссию своего сына, ключевой элемент которой — End Time Transfer Of Wealth, — **перераспределение богатства в последние дни**.

В августе 2012 года в церкви «Новое начало» в Ирвинге, штат Техас, Рафаэль Круз провёл службу, в ходе которой поведал, что его сын, который к тому моменту только что избран в Сенат, является ни много ни мало одним из «царей», избранных Богом для перераспределения богатств в последние времена от грешников в пользу праведников. Примечательно, что это громкое заявление было сделано в мегацеркви христианского сиониста Ларри Хага.

Американское новостное и аналитическое интернет-издание The Daily Beast так описывает

этот эпизод: «В окружении еврейских символов, включая менору, звезду Давида на пюпитре и шойфер в руке, пастор Хаг отметил, что 2012 год станет годом “божественного правления, когда Бог, не Вашингтон, не Уолл-стрит, начнёт править”. Затем он сказал: “Я знаю, именно поэтому Бог избрал сына Рафаэля Теда новым сенатором. И есть одна восхитительная вещь: через несколько недель начнётся 2012 год (новый год по еврейскому календарю), и это будет означать начало того, что мы зовём ‘Перераспределением богатств в последние времена’. Когда язычники начнут получать это благословение, они уже финансово ‘не пойдут посреди сени смертных’. Они будут расти, расти и расти. Мы будем возвещать пришествие Мессии”».

Согласно Рафаэлю Крузу и евангелическим пасторам, оказывавшим поддержку его сыну во время предвыборной кампании на всей территории США, Тед Круз избран Богом для того, чтобы помочь протестантам «выйти на рынок, захватить землю и сделать её своим владением».

В числе основных спонсоров предвыборной кампании сенатора Круза фигурируют братья-миллиардеры Фаррис и Дан Уилксы. Фаррис одновременно является пастором церкви «Ассамблея Яхве», члены которой совмещают политический протестантизм, мессианский иудаизм и «рыночную мораль». Члены «Ассамблеи Яхве» считают себя избранными и полагают, что именно они установят обещанное Израилу мессианское царство с центром в Америке.

Справедливости ради нужно отметить, что сам сенатор Круз предпочитает не распространяться о своих религиозных убеждениях, но при этом и не опровергает публичных заявлений, сделанных его отцом. В этой связи необходимо напомнить, что религиозность в США считается одним из необходимых компонентов для совершения политической карьеры¹³. Однако наряду с тем, согласно опросам, проведённым в 2000 году перед президентскими выборами, половина опрошенных считала неправильным, если политик публично заявляет о своей принадлежности к той или иной конфессии¹⁴.

Филоиудейские эскапады Рафаэля Круза отнюдь не являются невинным эксцентрич-

¹² David Barton Advocates Seven Mountains Dominionism by Kyle Mantyla. Right Wing Watch, april 4, 2011 // URL: <https://www.rightwingwatch.org/post/david-barton-advocates-seven-mountains-dominionism/>

¹³ Hoover D.R. Evangelicalism Meets the Continental Divine: Moral and Economic Conservatism in the United States and Canada / D.R. Hoover, M.D. Martinez, S.H. Reimer, K.D. Wald // Political Research Quarterly. 2002. June. № 55.

¹⁴ Добродум О.В. Протестантизм и политика в США. // Культура народов Причерноморья. № 202, 2011. – С. 180–183.

ным чудачеством не в меру заботливого отца, стремящегося любой ценой поддержать избирательную кампанию своего чада, как это может показаться на первый неискушённый взгляд. Последовательная поддержка Израиля в качестве главного приоритета внешней политики США — ещё один концептуальный мотив, намертво связывающий американских неоконсерваторов и доминионистов с радикальным американским течением диспенсационализма, близкого к т. н. «христианскому сионизму». По мнению ряда экспертов, именно диспенсационалисты в XX веке во многом способствовали выдвиганию апокалиптических пророчеств на первый план американской политики.

В теологии диспенсационализма (англ. dispensation — распределение, период), получившей наибольшее распространение на территории США в среде плимутских братьев, баптистов, пятидесятников и близких к ним религиозных деноминаций, исторический процесс рассматривается как последовательное распределение Божественного Откровения по периодам. Каждый период начинается с дарования людям нового Откровения от Бога,

а заканчивается катастрофой — карой за неповиновение людей Богу. Откровение может дароваться как отдельным людям (Авраам), так и целым народам (Израиль).

Создатель этого учения Дж. Дэрби пришёл к выводу, что **Бог в истории имеет двух основных проводников Его воли — Израиль и Церковь, которых Он попеременно использует для воплощения Божественного Замысла**. Диспенсационалистскими теологами выделяется особая роль Израиля, который не отождествляется ими с христианской церковью. Весьма показательно, что диспенсационалистский подход к толкованию библейских пророчеств разделяется многими направлениями мессианского иудаизма и религиозными сионистами.

Эксперты отмечают, что значимой чертой диспенсационализма является буквальная просионистская, а не символическая экзегеза Библии. Уже цитированный выше Игорь Нилов отмечает: «Именно поэтому США в ближневосточном конфликте должны поддерживать Израиль, так как с восстановленным Израилем связано эсхатологическое ожидание Конца Света.

«Гог и Магог осаждают Город Святых». Старый французский Апокалипсис в стихах, Тулуза MS. 815, л. 49v. Между 1220 и 1270 гг.

На земле Израиля во время “скорби великой” и произойдёт предсказанная Иоанном Бого-словом последняя битва Мессии с антихристом. <...> Когда наступит Конец Света, истинных, “дважды рождённых” (англ. Born Again) христиан на Земле не окажется. Церковь исчезнет с лица Земли, христиане вознесутся в воздух (англ. Rapture), где вместе с воскресшими из мёртвых праведниками будут пребывать все семь последующих лет. В это время на земле через арабо-израильский конфликт случится ядерный апокалипсис, своеобразное “крещение огнём”. В живых останутся лишь 144 тысячи WASP-ов (*белые англосаксонские протестанты — от англ. White Anglo-Saxon Protestant. — А. К.*) и евреев, принявших протестантского Христа»¹⁵.

Казалось бы, такая пропитанная насквозь религиозным радикализмом идеология, не обладающая широкой социальной поддержкой и противоречащая официальной доктрине США, не имела никаких шансов взойти к вершинам власти. Однако диспенсационалистам удалось оказать огромное влияние на президента США Рональда Рейгана и вступить в тесный союз с произраильскими неоконсерваторами. Именно Рейган 8 марта 1983 года во время выступления перед Национальной ассоциацией евангелистов США во Флориде публично заклеил СССР «империей зла»¹⁶.

Нынешний президент США Джо Байден, ставший вторым после Джона Кеннеди католиком в Белом доме за всю историю американских президентских выборов, не раз называл себя сионистом, в т. ч. в интервью 2008 года: «Я — сионист. Не нужно быть евреем, чтобы быть сионистом»¹⁷.

Особое положение, занимаемое Израилем в теологии диспенсационализма, во многом объясняет настоящую позицию США по отношению к России. В диспенсационализме Россия устойчиво ассоциируется с библейским царём Севера Гогом, который должен напасть перед Концом Света на Израиль. Последовательная поддержка и военная защита последнего считается диспенсационалистами прямым метафизическим долгом и исторической миссией США.

Примечательно, что отождествление России с народами Гога и Магога встречается

и в православной эсхатологии. Правда, в совершенно иной трактовке. Для начала напомним, что в Книге пророка Иезекииля «Гог в земле Магог» — это «князь Роша, Мешеах и Фувала» (**Иезек 38, 2**) — «великого сборища полчищ», которые «от пределов севера» должны вторгнуться в Землю обетованную «в последние дни... как буря», чтобы Господь мог явить на них Своё величие, святость и силу.

Обратимся к первоисточнику: «Посему изреки пророчество, сын человеческий, и скажи Гогу: так говорит Господь Бог: не так ли? в тот день, когда народ Мой Израиль будет жить безопасно, ты узнаешь это; и пойдёшь с места твоего, от пределов севера, ты и многие народы с тобою, все сидящие на конях, сборище великое и войско многочисленное. И поднимешься на народ Мой, на Израиля, как туча, чтобы покрыть землю: это будет в последние дни, и Я приведу тебя на землю Мою, чтобы народы узнали Меня, когда Я над тобою, Гог, явлю святость Мою пред глазами их» (**Иезек 38, 14–16**).

«Ты же, сын человеческий, изреки пророчество на Гога и скажи: так говорит Господь Бог: вот, Я — на тебя, Гог, князь Роша, Мешеах и Фувала! И поверну тебя, и поведу тебя, и выведу тебя от краёв севера, и приведу тебя на горы Израилевы. И выбью лук твой из левой руки твоей, и выброшу стрелы твои из правой руки твоей. Падёшь ты на горах Израилевых, ты и все полки твои, и народы, которые с тобою; отдам тебя на съедение всякого рода хищным птицам и зверям полевым. На открытом поле падёшь; ибо Я сказал это, говорит Господь Бог. И пошлю огонь на землю Магог и на жителей островов, живущих беспечно, и узнают, что Я Господь. И явлю святое имя Моё среди народа Моего, Израиля, и не дам вперёд бесславить святого имени Моего, и узнают народы, что Я Господь, Святы́й в Израиле» (**Иезек 39, 1–8**).

И далее: «И будет в тот день: дам Гогу место для могилы в Израиле, долину прохожих на восток от моря, и она будет задерживать прохожих; и похоронят там Гога и всё полчище его, и будут называть её долиною полчища Гогова. И дом Израилев семь месяцев будет хоронить их, чтобы очистить землю. И весь

¹⁵ Нилов И. Актуальная эсхатология: «атомный диспенсационализм» или «империя добра»?

¹⁶ President Reagan's Speech Before the National Association of Evangelicals, Orlando, Florida. The Reagan Information Page. // URL: <http://www.presidentreagan.info/speeches/empire.cfm>

¹⁷ Он поддерживает изучение ислама в школах: Будет ли Байден другим президентом? (Raseef22, Ливан). // URL: <https://inosmi.ru/politic/20200722/247799305.html>

народ земли будет хоронить их, и знаменит будет у них день, в который Я прослаблю Себя, говорит Господь Бог. И назначат людей, которые постоянно обходили бы землю и с помощью прохожих погребали бы оставшихся на поверхности земли, для очищения её; по прошествии семи месяцев они начнут делать поиски; и когда кто из обходящих землю увидит кость человеческую, то поставит возле неё знак, доколе погребатели не похоронят её в долине полчища Гогова. И будет имя городу: Гамона (полчище). И так очистят они землю» (**Иезек 39, 11–16**).

В Откровении св. Иоанна Богослова нашествие народов Гога и Магога на «Город Святых», приходящееся на самый закат Тысячелетнего Царства, описано куда более лаконично: «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобождён из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырёх углах земли Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской. И вышли на широту земли, и окружили стан святых и город возлюбленный. И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их» (**Откр. 20, 7–9**).

В более поздние времена народы «Гога и Магога» неоднократно отождествлялись с восточнославянскими племенами и татаро-монголами. В 1855 году, во время Крымской войны, протестантский священник Камминг уподоблял русского царя с «Гогом принцем Магога». Неудивительно, что некоторые современные зарубежные учёные сочли возможным рассматривать отождествление русских с сатанинским воинством Гога и Магога в качестве общепринятого¹⁸.

Неоднократное указание на такую интерпретацию встречается в одном из наиболее распространённых изданий протестантской Библии, неоднократно выходившем на разных языках и снабжённым примечаниями коллегии из 30 комментаторов. В частности, поясняя смысл появляющегося у Иезекииля в гл. 38–39 полчища Гога, комментаторы пишут: «Намёк на северные державы Европы во главе с Россией... Гог — это, очевидно, князь, Магог — страна. **Россия и северные державы в продолжение долгого времени были гонителями рассеян-**

ного Израиля. После их попыток истребить “остаток Израиля” в Иерусалиме уничтожение их вполне отвечает и божественному правосудию, и его заветам одновременно. Всё это пророчество касается грядущего “Дня Господня”»¹⁹.

Таким образом, в глазах определённой части западной религиозно-политической элиты Россия оказывается не просто в статусе региональной «империи зла», но авансом приписывается к стану грядущего воинства сатаны, т.е. приобретает статус метаисторического эсхатологического противника. В такой оптике любая сколько-нибудь значительная международная политическая инициатива современной РФ (к примеру, попытка практической реализации стратегии «Русский Ковчег»²⁰) будет неизбежно интерпретирована сквозь призму реализации эсхатологического плана по собиранию народов для грядущего нападения на Израиль, даже если таковое и не планируется в помине.

Отсюда с неизбежностью вытекает прогноз, что при любом внутривнутриполитическом раскладе внутри РФ (даже в случае открытого политического реванша неолиберальных сил) фактический градус договороспособности между Россией и США будет по-прежнему оставаться на едва ли не самой нижней из предельно допустимых отметок.

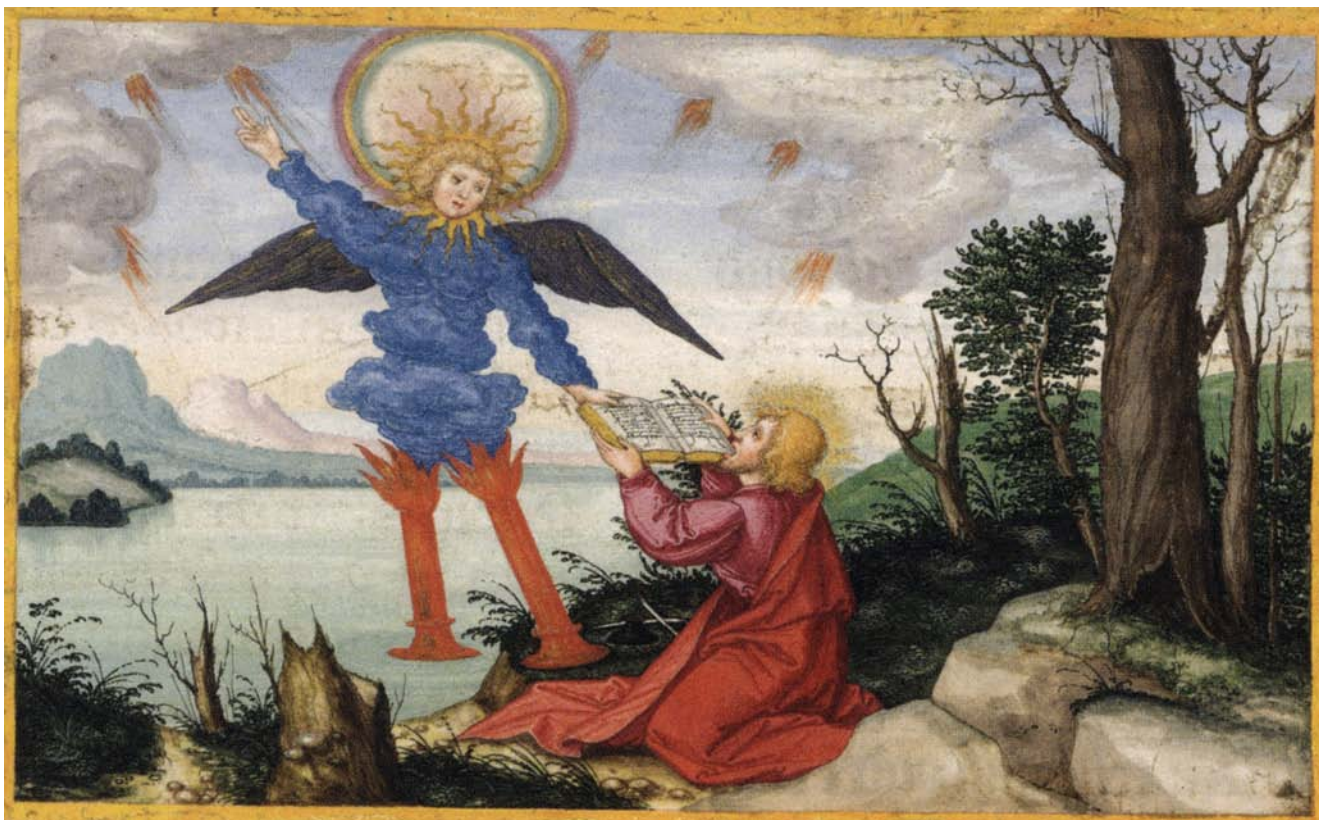
В православной эсхатологии наибольшую известность отождествление России с народами «Гога и Магога» получило благодаря пророчеству, приписываемому преп. Серафиму Саровскому, записанному с его слов «службой Божией Матери и Серафимовым» Н. Мотовиловым и опубликованному впоследствии С. Нилусом.

В тексте пророчества описана ситуация, предшествующая пришествию антихриста, а именно «великая продолжительная война и страшная революция в России, по точному выражению о. Серафима, превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунты Разинский, Пугачёвский, Французская революция — ничто в сравнении с тем, что будет с Россией». Однако «Господь помилует Россию и приведёт её

¹⁸ Подробнее об истории отождествления России и русских с народами «Гога и Магога» см.: Древние МОСХИ, жители Каппадокии, основатели Москвы.// URL: <https://cont.ws/@sugochka/895227>

¹⁹ Nouvelle edition de la Bible / tr. L. par. Segond. Geneve - Paris, 1975 (Пер. с англ. P. Scofield Reference Bible, выходившего в 1909, 1917, 1937, 1945 гг.), p. 19; 929-930; 1480.

²⁰ См.: Русский Ковчег. Альтернативная стратегия мирового развития./Под ред. В.В. Аверьянова. — М.: «Наше завтра», 2021. Впервые опубликован в начале 2020 года в журнале «Изборский клуб», № 1 (77), 2020.

«Св. Иоанн Богослов поглощает книгу» (Откр. 10, 1–11). Матиас Герунг. Библия Отто Генриха. Лист 291. Ок. 1425–1430. Баварская государственная библиотека, Мюнхен.

путём страданий к великой славе». Проповедь о воцарении антихриста «будет официально объявлена всем людям, не только русским, но и вселенским, во всеобщее известие». Антихрист воцарится «в старом Иерусалиме, на всей поверхности земного шара, **кроме нынешней территории России и внутренней Азии, где живут 10 колен царства Израильского**. Россия сольётся в одно море великое с прочими землями и племенами славянскими, она составит одно море или тот громадный вселенский океан народный, о коем Господь Бог издревле изрёк устами всех святых: **“Грозное и непобедимое царство всероссийское, всеславянское — Гога Магога, пред которым в трепете все народы будут”**. И всё это, всё верно, как дважды два четыре, и непременно, как Бог свят, издревле предрёкший о нём и его грозном владычестве над землёю».

В пророчестве особо оговариваются два момента. Первый момент: «Антихрист родится в России между Петербургом и Москвой, в том великом городе, который по соединении всех племён славянских с Россией будет второй столицей царства Русского и назван будет “Москво-Петроградом”, или “Градом конца”».

Второй момент: «До явления антихриста должен состояться Восьмой Вселенский Собор всех Церквей под Единую Главу Христа Жизнодавца и под единый Покров Божией Матери, Единой по Бозе Всемогущей, с оставлением за первым патриархом его царственной власти, как первообраза вечного царства Иисуса Христа, также для объединения и воссоединения всех святых Христовых Церквей против назревающего антихристианского направления под Единую Главу Христа-Жизнодавца и под единый покров Его Пречистой Матери и для окончательного проклятия всего масонства и всех подобных партий (под какими названиями они ни появлялись бы), главные руководители которых имеют одну общую цель: под предлогом полного равноправного благоустройства на земле с помощью фанатизированных ими людей вызвать анархию во всех государствах и разрушить христианство во всём мире, и, наконец, силою золота, сосредоточенного в их руках, подчинить весь мир антихристианству в лице единовластного самодержавного царя, царя Богоборного, одного над всем миром».

О евреях и славянах в пророчестве говорится следующим образом: «Евреи и славяне суть два

народа судеб Божиих, сосуды и свидетели Его, ковчеги нерушимые; прочие же все народы как бы слюна, которую извергает Господь из уст Своих. За то, что евреи не приняли и не признали Господа Иисуса Христа, они рассеяны по лицу всей земли. Но во времена антихриста множество евреев обратится ко Христу, так как они поймут, что ошибочно ожидаемый ими Мессия — не кто иной, как Тот, про Которого Господь наш Иисус Христос сказал: “Я пришёл во имя Отца Моего, и не приняли Меня, иной придёт во имя своё, и примут его”. Итак, несмотря на великое их пред Богом преступление, евреи были и есть возлюбленный пред Богом народ. **Славяне же любимы Богом за то, что до конца сохраняют истинную веру в Господа Иисуса Христа. Во времена антихриста они совершенно отвергнут и не признают его Мессией и за то удостоятся великого благоденствия Божия: будет всемогущественный язык на земле, и другого царства, более всемогущественного Русско-Славянского, не будет на земле.** Во Израиле родился Иисус Христос, истинный Богочеловек, Сын Бога Отца наитием св. Духа, а среди славян и русских родится истинный антихрист-бесочеловек, сын жены блудницы Данова поколения и сын дьявола через искусственное перенесение к ней семени мужского, с которым вместе вселится в утробу ея дух тьмы. Но некто из русских, доживши до рождения антихриста, подобно Симеону Богоприимцу, благословившему Отрока Иисуса и возвестившему о рождении Его миру, проклянет рождённого антихриста и возвестит миру, что он есть истинный антихрист»²¹.

Безотносительно оценки достоверности переданных пророчеств и риска разночтений в толкованиях одного и того же эсхатологического образа нужно констатировать, что представленный конфликт эсхатологических интерпретаций в настоящий момент отвечает всем признакам информационной войны за эсхатологические смыслы, существенно недооценённой, а зачастую и вовсе упускаемой из внимания политическими элитами современной РФ.

Конкуренция, перерастающая в открытое противостояние в области реализации мировых мессианских идей, является ещё одним принципиально важным фактором, определяющим остро негативное отношение к России со стороны США: «Мессианство — вот истинный предмет конкуренции для Америки в случае с Россией. В этой области Америка не терпит соперников»²².

Некоторые эксперты считают, что «историческую колею» для прямого идеологического противостояния последующих мессианских идей двух сверхдержав уже в ходе холодной войны с российской стороны заложила «Парадигма Третьего Рима», в которую коммунистическая идея к тому времени уже во многом встроилась²³. Поэтому в 80-е годы противостояние США с СССР достигает именно религиозного накала. Глубинная предрасположенность США к мессианизму сама по себе делает политиков этого направления непримиримыми по отношению к России.

К сожалению, в отличие от США, в современной России подобная конкуренция, развернувшаяся на религиозно-эсхатологическом плане, практически никак не отрефлексирована. В качестве практической рекомендации хотелось бы обратить внимание на прозрачно завуалированную под интуицию рекомендацию Цымбурского, писавшего в 2006 году: «Я не исключаю, что следующая политическая генерация России могла бы выделить внутри себя весомую группу, готовую на уровне внутреннего пользования довериться ритму “Апокалипсиса” как Книги Раскрытия, а не как Книги Конца. <...> Я говорю о православной (апокалиптической. — А. К.) сюжетике как о концептуальной лозе в руке политика-лозоходца — совокупности эвристик, которые позволяют выделить в совершающемся обращённые именно к нему, политику России, аспекты и моменты». Такое предложение, по мнению Цымбурского, «может геокультурно востребоваться, когда обстоятельства сделали бы предпочтительным отцепить российский вагон от идущего к точке взрыва поезда “мировой цивилизации”»²⁴.

²¹ Текст пророчества преп. Серафима Саровского цитируется по изданию: Россия перед Вторым пришествием. (Материалы к очерку Русской эсхатологии.) Составитель С.В. Фомин. Издание второе, исправленное и дополненное. — М., 2001. — С. 463–465.

²² Крашенинникова В.С. Америка — Россия: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. — М., 2007. — С. 306.

²³ Алхименков М.В. Роль протестантского мессианизма в историческом развитии США. // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 6: Философия, культурология, политология, право, международные отношения. № 2. С. 166–175.

²⁴ Цымбурский поясняет свою мысль следующим образом: «Для Иоанна Богослова и многих поколений его читателей слово “апокалипсис”

Подводя итоги, следует признать, что в настоящий момент миссию, реализуемую США в планетарных масштабах, можно охарактеризовать как мессианский апокалиптический экспансионизм. При этом современные формы американского эсхатологического экспансионизма уже практически утратили сколько-нибудь функциональную связь с традиционным христианством за исключением внешней риторики. В этом смысле весьма симптоматично, что с ортодоксальной христианской точки зрения всемирное «Царство Божье», которое хотят установить доминионисты, напоминает скорее царство антихриста. К этому следует добавить, что американские радикальные протестанты не считают христианами даже более умеренных протестантов, не говоря уже о католиках и православных.

Имея дело с локальными религиозными группами и течениями, никогда не следует забывать, что психология их членов предполагает, с одной стороны, чрезвычайную открытость к влияниям духовно-метафизического характера, обратной стороной которой является крайняя уязвимость по отношению к внешним воздействиям, имитирующим такое влияние. В этом смысле отдельного разговора заслуживает феномен американских мормонов (Церковь Иисуса Христа Святых последних дней), глубоко инкорпорированных не только в политический истеблишмент США, но и в его специфический спецслужбистский сегмент²⁵.

История радикальных протестантских сект в США наглядно иллюстрирует один из практических механизмов управления историей через трансформацию первоначально христианских религиозных течений²⁶. Делается это с целью их активного встраивания в антихристианский дискурс и последующего использования в рамках соответствующего глобального мессианского проекта при внешнем сохранении христианской религиозной риторики. В этом смысле ниточки управления историей через эсхатологический протестантизм тянутся к это-

му де-факто антихристианскому центру, тогда как сами течения и деноминации, номинально христианские или использующие Новый Завет в качестве части своего сакрального фундамента, удобно управляются и направляются этим центром через США. Ведь именно в этой стране расположены всемирные центры, штаб-квартиры и главные нервные узлы множества мощных организаций, таких как баптисты, адвентисты, пятидесятники, свидетели Иеговы, мормоны и т. д.

не означало ни «страшной бездны», ни «катастрофы». В греческом языке ранних христиан оно значило «откровение». Но такой специальный смысл утвердился на фоне смысла обычного «обнажение, раскрытие, обнаружение». Один английский теолог в XIX веке очень хорошо перевёл название «Апокалипсиса» — The Things Revealed («Разоблачённые вещи») [имеется в виду книга: Roberts R. Thirteen Lectures on the Apocalypse. 7-th ed. Christadelphion, 1965]. Книга Иоанна лишь в ограниченной мере — Книга Конца. Собственно, концу мира она посвящает немного глав (это главы 20–22). Она, прежде всего, — Книга Раскрытия тех смыслов, которые должны проступить из мировой истории за время существования христианства на земле» (Цымбурский В. Апокалипсис на сегодня. // Эсхатологический сборник. — СПб., 2006).

²⁵ Кургинян: что делают мормоны в России и Южной Осетии. // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rxAteqDN3a0>

²⁶ При этом не следует сбрасывать со счетов то немаловажное обстоятельство, что религиозная среда в США формировалась во многом за счёт религиозных «диссидентов», высланных из Европы или эмигрировавших добровольно (см. на сей счёт: Добродум О.В. Протестантизм и политика в США. // Культура народов Причерноморья. № 202, 2011. — С. 181).

/ Александр АРТАМОНОВ /

Opus Dei – очередная «лавочка» Ватикана

«Будь непреклонен в своей доктрине и своём поведении, но гибким по форме. Как стальной кулак в велюровой перчатке».

Хосемария Эскрива де Балагер, основатель ордена Opus Dei

Начиная с 2007 г. на территории России открыто действует один из самых закрытых орденов Ватикана *Opus Dei*. Его представительство открыто в Москве с благословения епископа Хавьера Эчеварриа. В Санкт-Петербурге ведётся работа, хотя центр ещё не создан. Как заявил тогда, 14 лет назад, член регионального руководства этой организации уроженец Парижа нумерарий Александр Дианин-Хавард, его организация уже работала в нашей стране в течение 15 лет, предшествовавших получению официального статуса. Любопытно, что так как речь идёт о религиозной организации, орден не подпадает под действие Федерального закона об «иноагентах» (ФЗ от 28.12.2012 № 272-ФЗ и от 30.12.2020 № 481-ФЗ), хотя, несомненно, именно таковым и является.

Официально *Opus Dei* не скрывает ничего. Вот только стать его членом и тем паче разобраться в политических хитросплетениях вокруг структуры, зародившейся почти век назад — в 1928 г. в Испании, весьма и весьма затруднительно без должной профессиональной подготовки и допуска к знаниям «из спецхрана».

Любопытно, что *Opus Dei* не знает ни одного случая утечки информации. Ни один член этого ордена не выдал тайн, к которым был приобщён. С одной стороны, это, казалось бы, свидетельствует об искренности и рвении служителей. Хотя, по словам того же Дианина-Хаварда, около 20–30% членов «Дела» не продлевают договор с ним и уходят в большую жизнь. А потом годами молчат. С точки зрения методологии чем меньше у организации утечек, тем она тоталитарнее.

Можно ли верить в чистоту миссии «Дела» на территории России?

ВАТИКАН ПРИЗВАН ПРАВИТЬ МИРОМ

Начиная с момента своего «учреждения» (начавшегося с убийства последнего Меровинга Хильдерика III в 754 г. Пипином Коротким, подарившим в 756 г. папе Стефану II Римскую область, и создания в дальнейшем Западной Римской империи) и в течение всей своей истории Ватикан — это бесконечная череда интриг, направленных на одну весьма неблагородную цель — активную борьбу за власть на земле. В отличие от Русской православной церкви — и, кстати, большинства других вероисповеданий — католический мир возглавляет именно что светское государство, глава которого — понтифик, «наместник Бога» — носит

с древних времён только один законный титул: епископ Рима. Именно поэтому эта «должность» по-прежнему сохраняется в длинном перечне определений главы всей Западной христианской церкви.

В наши дни одним из непреходящих императивов для «Святого престола» по-прежнему остаётся упорная борьба со схизматиками, коими наши оппоненты почитают весь православный, по преимуществу славянский, мир. Фактически в течение четырёх веков — с XVI по XX — это было одной из первостепенных задач ордена иезуитов. Такие имена, как Игнатий Лойола и Антонио Поссевино, вписаны золотыми буквами в анналы папской истории. И ничего удивительного тут нет. Освоение восточноевропейских пространств — вполне логичная задача для тех, кто избрал своим девизом *Austriae est imperare orbi universo* (что в переводе с латыни означает «Запад да будет править всем миром»).

Справка

Папа римский никогда не гнушался выступать гарантом раздела зон влияния в той или иной стране мира. Так, в 1506 г. Юлий Второй акцептовал раздел сфер влияния между Испанией и Португалией в Атлантике. Договор был официально назван Тордесильяским по географической локации, где он был подписан. Папа издал соответствующую буллу. Этим нормативным актом Ватикан одобрил вечную власть Испании и Португалии над внеевропейскими государствами.

Подобных примеров достаточно много. Поэтому не приходится сомневаться в общей агрессивной и жёсткой направленности политики римского понтифика, к слову, всегда привязанной к «злобе дня». Так, папа римский молчаливо одобрил поход гитлеровских полчищ на Восток. Не возражал он и против массовой резни сербов в Хорватии, учинённой при прямом участии католических священников.

Справка

Одним из самых страшных эпизодов Второй мировой является убийство сербских детей в городе Баня-Лука 7 февраля 1942 г. Точное число жертв неизвестно. Детей обезглавливали специальным ножом. Во главе усташей стоял Мирослав Филиппович, священник, воспитанник францисканского монастыря Петричевац.

Пожалуй, один из самых маститых исследователей тайной политики Ватикана Ольга

Четверикова следующим образом отозвалась о поддержке фашистов со стороны «Святого престола»:

«Истинная информация о геноциде тщательно скрывалась и скрывается до сих пор, однако, по данным сербских историков и по признанию бывшего министра внутренних дел НГХ А. Артемовича, сделанного им в ходе Загребского процесса в 1986 году, только в концлагере Ясенцов было уничтожено около 700 тысяч человек. Этот террор осуществлялся по благословению Пия XII и архиепископа Загребского Алоизия Степинаца, главы Католической церкви в Хорватии, удостоенного высшей награды усташеской диктатуры — ордена «Велеречие», и поддерживался подавляющей частью католического духовенства, выступавшего в качестве его вдохновителя».

А «хорватский Гитлер» Анте Павелич вполне благоденствовал после войны, причём в его судьбе Ватикан принял самое тёплое и непосредственное участие. Невообразимо представить себе РПЦ, замешанную в подобных злодеяниях. Но Ватикану, похоже, закон не писан.

ПУТЬ: ОТ ОСНОВАТЕЛЯ К ПЛАНЕТАРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

И вот именно в первую половину страшного XX века был призван ко служению Господу основатель Opus Dei, католический святой Хосемария Эскрива.

Справка

Хосемария Эскрива (9.01.1902–26.06.1975) стал священником в 23 года. Спустя всего три года — 2 октября 1928-го — молодой человек основывает Opus Dei («Дело Господне», лат.). На сегодня организация насчитывает около 80 тысяч человек 87 национальностей. Эскрива — автор программного труда «Путь» и многих других духовных произведений. Он — почётный академик Папской римской теологической академии и главный канцлер Наваррского и Пьюрского университетов.

Важным этапом в становлении ордена стало революционное решение рукополагать мирян, наиболее достойных представителей паствы «Дела», в рамках деятельности Священнического общества Святого Креста, одной из «дочерних организаций» ордена.

Такое смешение клира и прихожан не практиковалось ранее ни одним из орденов.

Но именно оно соответствует краеугольной доктрине Opus Dei — обожение человека может происходить в миру. То есть, согласно учению «Дела», нет особого отличия между мирянами и священниками. Все христиане — народ Божий, призванный ко служению на равных началах. Казалось бы, похвальная мысль. Однако на деле такой подход позволил «Делу» поставить себе на службу людей, явно далёких от сана. Кроме того, Opus пошёл ещё дальше и стал принимать в свои ряды иноверцев. Такой трактовки Священного Писания не допускали даже самые смелые протестанты. Естественно, поле деятельности ордена ещё более расширилось. Но всё это делалось и делается с благословения римского понтифика, личной прелатурой которого орден и является. Кроме того, в 1947 г. буллой Пия XII (обрела юридическую силу 16 июня 1950 г.) Opus Dei становится первой секулярной, то есть мирской, организацией католического мира.

К сожалению, в этом мире под флёром божественного нередко скрывается жёсткая логика спецслужб. Приобщённые к Богу миряне с образованием выше среднего — это отличный материал для подготовки разведчиков и аналитиков. Так, даже иезуиты, конкуренты и в чём-то предшественники Opus Dei, принимают в свои ряды людей с высшим образованием, подтверждённом дипломами, не менее 12 лет. Кроме того, любой католический священник даёт обет безбрачия и нестяжательства (иначе — добровольной бедности). В результате получаем фанатично преданных идее, лишённых привязанностей на земле высококлассных специалистов, присутствующих практически в любом государстве земного шара. Эти люди готовы в любой момент умереть за веру. Они неподкупны (так как не могут копить денег) и преданы «Святому престолу». Есть, правда, у «Дела» и некоторое отличие от других орденов Ватикана: члены этой организации имеют право на заключение брака.

Структура же Opus Dei — военная до мозга костей. Вот как он устроен. «Сотрудники» «Дела» образуют следующие группы:

- нумерарии — живут общинно при соблюдении обета безбрачия; весь заработок перечисляют ордену (20%);
- агрегати — штатные сотрудники, холосты; перечисляют часть заработка (25%);
- супернумерарии — живут в миру. Могут заключать брак (50%);

- нумерарии-священнослужители — высшая иерархия *Opus Dei*. Любой посвящённый обязан платить своеобразную «десятину» на поддержание организации;
- привлечённые внештатные сотрудники, формально не входящие в орден.

Справка

Opus Dei — персональная международная прелатура понтифика. Полное наименование — «персональная Прелатура Святого Креста и *Opus Dei*», или же сокращённо — *Opus Dei*. Одновременно с образованием «Дела» учреждено и «Священническое общество Святого Креста» на правах ассоциации священнослужителей. Это де-факто филиал прелатуры. Организация подчиняется каноническому законодательству, Апостольской конституции *Ut sit* от 28.10.1982 и собственному уставу (так называемый «Кодекс собственного права *Opus Dei*»).

В победное шествие «Дела» по планете вписаны следующие вехи: 1946 г. — учреждение отделений *Opus Dei* в Италии, Португалии и Соединённом Королевстве; 1947 г. — открываются дома ордена в Ирландии и Франции; 1949 г. — *Opus* перешагнул Атлантику и обустроивается в США и Мексике; 1950 г. — орден продолжает распространяться по Латинской Америке, дойдя до Чили и Аргентины, а чуть позже и до Венесуэлы и Колумбии. В 1952-м появляется отделение в Германии (не следует забывать, что не все немцы протестанты — та же Бавария исповедует католицизм, хотя, как и было сказано выше, *Opus* готов работать и с иноверцами).

«Дело Господне» умеет не только призывать к служению, но и ковать молодые кадры: в 1952-м трудами Хосемарии открывается Наваррский университет в Памплоне (по некоторым данным, даже муниципалитет этого города находится под контролем *Opus Dei*). А в 1953-м для женщин — членов ордена учреждается колледж Святой Марии поблизости от летней резиденции папы — в городке Кастель-Гондольфо.

«ВАТИКАН-2» РАЗВЕРНУЛ СЯЩЕННИКА К БОГУ СПИНОЙ

В кругах историков Католической церкви существует версия, что *Opus Dei* оказал существенную поддержку процессу глубокой

реформы церковного канона и самой сути веры. Речь идёт о знаменитом «Ватикане-2».

Справка

В период с 1962 по 1965 год в одном из пределов базилики святого Петра или заседания XXI Вселенского собора католического мира.

На этом собрании высших церковных иерархов Западной церкви было определено, что отныне священник должен служить не лицом к алтарю, а лицом к верующим, которые тем самым признаются ровней клирика. И всё бы ничего, но тем самым пастырь поворачивается к Богу, то есть Престолу... спиной.

Также отход от традиции заключался в отказе от служения на латинском языке в пользу национальных языков и общем сокращении всей литургии.

Как известно, церковь испокон веков категорически запрещала менять хотя бы букву в священных текстах и уж тем более последование к Евхаристии. Но свершилось. И тем самым, произведя отход от собственного канона, имеющего общие глубинные корни с православием, католицизм сам уподобился секте. Многие усматривают в этом разрушительную работу нового учения Хосемарии Эскривы, который, в частности, по информации Е.А. Пазухина, хоть и не принимал участия в Соборе, но в течение трёх лет его проведения был духовником многих присутствовавших на нём высших церковных иерархов.

Opus Dei не только стирает грань между священством и мирянами, не только принимает в своё лоно все религии (что отдаёт самым настоящим экуменизмом), но и не запрещает

своим членам быть масонами. Согласно некоторым сведениям, не без участия представителей «Дела» в 1983 г. из канонического кодекса был изъят акт № 2335. Это правило запрещало католикам становиться масонами под страхом наложения епитимьи вплоть до отлучения. Действовал канон более двух столетий. Новый подход существенно упростил работу «Дела» с финансовыми структурами как в Старом Свете, так и за океаном. И — что не менее важно — доступ к знаниям членов лож позволил расширить планетарный информационный охват.

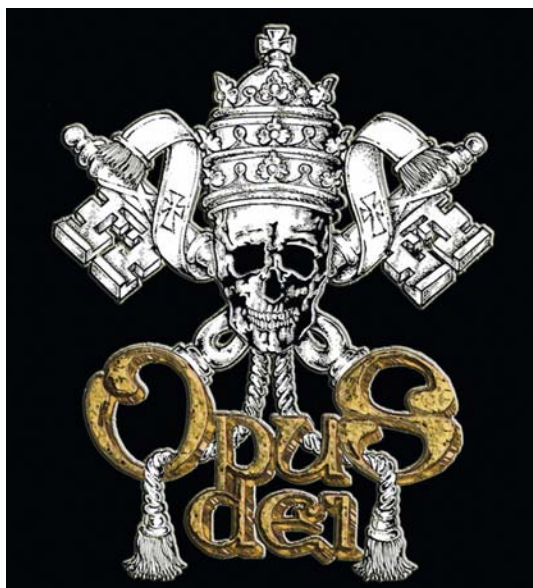
Старинная мудрость гласит, что миром владеет тот, кто владеет информацией, которая стоит дороже денег. Став владельцем такого количества открытых и закрытых ресурсов, орден превратился в незаменимый инструмент для «Святого престола». Помимо информации, второй важнейшей составляющей власти являются финансы.

И тут Opus Dei сумел занять господствующие позиции. Речь идёт о банковской системе Ватикана, невидимой, могущественной — неосязаемой для простого обывателя, но от этого не менее действенной в тайных сферах «мировых денег».

«ДЕНЬГИ – НЕРВ ВОЙНЫ»

Так когда-то говорил Луи Бонапарт. И став папской прелатурой, то есть получив всю полноту исполнительной власти, Opus Dei устремился к финансовым вершинам.

Согласно исследованиям, проведённым ассоциацией бывших членов Opus Dei (ODAN),

эта организация чётко подпадает под определение тоталитарной секты, причём секты, добившейся немалых успехов в области экономики. Некоторые аналитики считают, что быстрый рост внутреннего валового продукта в Испании периода 60–70-х годов XX века напрямую связан с деятельностью промышленников, близких к «Делу».

В результате долгих усилий Opus Dei устанавливает постоянный контроль над Банком Ватикана (ИДР). Многие историки Ватикана связывают этот процесс с воцарением Иоанна Павла Второго, ещё со времён «Ватикана-2» симпатизировавшего ордену.

Механизм общения понтифика с «Делом» подробно раскрывает Ольга Четверикова:

«Друг Войтылы и его соотечественник прелат Римской курии Анджей Мария Дескур был близок к двум ключевым фигурам Opus Dei — Альваро Портильо, ставшему главой ордена после смерти Эскрива в 1975 г., и Хулиану Эррансу Касадо, который после избрания Войтылы папой станет кардиналом и одним из важнейших должностных лиц Ватикана. Именно Дескур и познакомил Войтылу с Портильо».

Справка

Официальное название Банка Ватикана — «Институт по делам религий» (ИДР, *Istituto per le Opere di Religione*). В свою очередь, роль Минфина играет администрация владения Апостольского престола (АВАП). Объём активов составляет более 3 миллиардов евро. Череда громких скандалов в 2009–2010 гг. выявила связь тогдашнего руководителя банка Этторе Готти Тедески с Opus Dei. Италия возбудила против банкира уголовное дело. Отмыванием грязных денег в «налоговом раю» Ватикана занимались, в частности, Роберто Кальви (убит) и Пол Марцинкус. Они замешаны в отмывании денег через одну из дочек ИДР — «Банко Амброзиано» (неофициальное название — «Банк священников»).

Немаловажно отметить, что и после ухода Тедески от дел ИДР остался, по сути, подконтролен «Делу». Жена руководителя Банка Ватикана Паломы О'Шеа является супернумером ордена.

После отмены запрета для католиков на общение с масонами получилась интересная триада: ИДР тесно сотрудничал в 60–70-е годы XX столетия с масонами, в то же время находясь под контролем Opus Dei. А те, в свою очередь, «сливали» разведанные из центра

католического мира и щедро ссуживали деньгами американские спецслужбы. В частности, этому увлекательному роду деятельности фактически открыто предавались неонацистская масонская ложа Р-2 и работающая в спарке с ней Открытая ложа Англии. Так, в апреле 1967 г. был щедро профинансирован переворот «чёрных полковников» в Греции.

И вот по этому-то поводу и возникает снова вопрос, насколько деятельность такой «замечательной» организации, как орден, должна приветствоваться на территории России. Да, ничего официально запретного он не делает — лишь собирает общие сведения, анализирует, ведёт миссионерскую деятельность... Вот только сами католики уже очень давно изобрели любопытную поговорку: «Темнее всего под пламенем свечи». Имеется в виду, что самое тайное находится порой у всех на виду. Только люди этого не видят.

Впервые россияне узнали о существовании Opus Dei более 40 лет назад: в 1980 г. об ордене поведал своей пастве отец Александр Мень. Книга Хосемарии Эскривы «Путь», эта хрестоматия работников «Дела», переведена на русский язык в 1992 г.

Неслучайно руководитель российского отделения ордена, отец Хосе-Антонио Сеновиля, под эгидой которого работает российское отделение «Дела», как-то раз сказал в интервью, что Opus Dei, мол, не намерен заниматься в нашей стране активной пропагандой. Далее католический священник уточнил: «<...> мы работаем с каждым человеком лично».

Иными словами, в России обустроилась одна из мощнейших разведок мира, обладающая также большими финансовыми возможностями и сектантским методом воздействия на неокрепшие умы.

ЗАГЛЯНУТЬ В БЕЗДНУ...

В своё время, работая в Марселе и выполняя соответствующее поручение, я вошёл в непосредственный контакт с местным представителем Opus Dei. Тогда-то, ознакомившись с основополагающим трудом основателя «Дела» Хосемарии Эскривы, я на деле узнал, что такое три «золотых» правила Opus Dei — святость повседневного созидательного труда; созерцательная жизнь без отказа от мира; проповедь Благой Вести.

По сути, это означает ежедневную молитву по 3–4 часа, добровольно-обязательное присутствие на молитвенных воскресных

Старинная мудрость гласит, что миром владеет тот, кто владеет информацией, которая стоит дороже денег. Став владельцем такого количества открытых и закрытых ресурсов, орден превратился в незаменимый инструмент для «Святого престола». Помимо информации, второй важнейшей составляющей власти являются финансы.

И тут Opus Dei сумел занять господствующие позиции. Речь идёт о банковской системе Ватикана, невидимой, могущественной — неосязаемой для простого обывателя, но от этого не менее действенной в тайных сферах «мировых денег».

собраниях членов ордена, регулярную неформальную исповедь перед духовником ордена. Неудивительно, что у такой структуры не бывает проколов: трудно представить себе разведчика — даже такого, как легендарный герой книги «Щит и Меч» Александра Белова, — который был бы способен противостоять ежедневному взлому сознания профессионалами экстра-класса. Рано или поздно, но человек обязательно проникнется «правотой» доктрины и начнёт защищать её как свою наивысшую ценность. Произойдёт перековка сознания.

Тогда я заглянул в бездну и... отошёл, поняв невозможность изучить деятельность этой организации, не потеряв себя самого. Но бездна также заглянула и в меня. Спустя годы, когда я приехал на переговоры в Рим, меня в толпе нашёл неприметный человек, который сказал всего лишь несколько слов:

«Если вы когда-нибудь передумаете, мы по-прежнему открыты для вас. Мы подождём».

Что ж, не секрет, что Ватикан умеет ждать и получать своё.

В этой связи и возникает вопрос: не пора ли рекомендовать нашим правоохранителям разделить позицию американской организации ODAN, признав орден самой что ни на есть сектой. А так как деятельность сект — тем более «иноагентов» — не приветствуется в нашем Отечестве, то далее мы могли бы в полном соответствии с законом прикрыть лавочку.

Именно так — «лавочкой» — называли когда-то иезуиты свои отделения за рубежом.

/ Максим КАЛАШНИКОВ /

Иллюстрации: Алексей БЕЛЯЕВ-ГИНТОВТ

Окно в будущее

(Продолжение. Начало в № 5–6)

**Часть 5.
ДА ОТСТУПИТ МРАК!
К созданию племени
крылатых творцов**

Что ж, переломить мировую тенденцию на вырождение и превращение масс в цифровых слабоумных – не фунт изюму съест. Попробуем включить во-

ображение и представить себе, как совершить оную психоисторическую операцию на Руси.

Охота на изуверов

Стремительный и распластаный, дальний морской экраноплан «Аквагайд-крейсер» ходил галсами на траверзе Одессы в ночном море,

держась от её рейда на расстоянии в полсотни миль. Его не видели радары — аппарат держался у самой воды. Да и радиопоглощающая краска надёжно скрывала его от «лепестков» радиоволн. Остронаправленная антенна металла невидимые сообщения на спутники связи.

В ту ночь он выполнял миссию подвижного командного пункта специальной операции «Возмездие».

Красноватый свет мягко озарял кабину. Склонился над дисплеем майор госбезопасности Сергей Овцын. Сегодня он завершал операцию по устранению ещё одного изувера и виновника трагедии 2 мая 2014 года в Южной Пальмире. Того самого Богдана Мандула. Выродка, приходившего на Куликово поле с шампурами шашлыка на каждую годовщину гибели людей. Это круглое лицо с подловатыми глазами слегка навывкате и шкиперской бородой от уха до уха и сейчас стояло перед его глазами.

— Клиент вышел, садится в машину, — выстветился сигнал на экране.

— Приступайте! — стремительно напечатал майор.

Мандул в прекрасном настроении духа вышел из своего дома на Гимназической улице. Усевшись в «Мерседес», завёл мотор и тронулся с места, покотив к Итальянскому бульвару.

Но он не видел, как из автомобиля, что тихо следовал за ним по пятам, на его машине сконцентрировался невидимый инфракрасный луч. А в воздухе уже рублили вечерний воздух винтами бесшумные дроны-электролёты, изготовленные московской компанией «Эдда-аэроспэйс» по специальному заказу. Они взлетели с мини-подлодки, что показала рубку как раз на створе пляжа Ланжерон, и уже час нарезали круги над парком имени Шевченко. А теперь оба чёрных аппарата понеслись вдоль Лидерсовского бульвара.

Смерть бандеровца была быстрой и эффектной. Обоиными беспилотниками управляли юные гении компьютерных игр с борта экраноплана. Две шелестящие винтами тени настигли авто Мандула, когда он переезжал перекрёсток с Пантелеймоновской. Первый беспилотник, нырнув под троллейбусные провода и миновав дерево, врезался в переднюю часть крыши прямо

над водительским местом. Ехавшие позади в неприметном «Хёндае-Солярисе» пригнулись. Полыхнула яркая вспышка направленного взрыва — и бандеровец отправился в небытие, даже не успев услышать стука летающего аппарата о крышу. Искорёженный «мерс» вспыхнул факелом. В пожар — для верности — влетел второй дрон и тоже взорвался.

Изображая обывателей, двое в «Солярисе» ударили по тормозам и выскочили наружу. Пламя играло на их лицах. Один вытащил мобильный телефон, снимая пылающий остов автомашины и вспыхнувший переполох. Моментально набежали зеваки, образовалась пробка. Заголосили сирены полицейских машин, пожарных и скорой помощи.

Двое молча сели в своё авто, с трудом выехали на Пантелеймоновскую и покатали к Театру музкомедии.

— Ну поздравляю тебя, Вовчик, — тихо сказал пассажир водителю, здоровяку лет под шестьдесят.

— Одной рагульской сволочью меньше, — процедил сквозь зубы тот. Он очень хотел именно сейчас остановиться у театра и полюбоваться нагой русалкой верхом на дельфине. Да, здесь он был в восемьдесят третьем, когда Музкомедию только открыли. Тогда он, счастливый выпускник школы, гулял здесь с прекрасной девушкой в тонком платье. Да и сам был одет щегольски: в батистовую белую сорочку и тёмно-синие вельветовые джинсы в тонкий рубчик. Знал ли он тогда, что ждёт всех впереди и как сложится жизнь?

Они вышли у фонтана и любовались игрой его подсвеченных струй.

— Да, беснования будет много, — тихо произнёс спутник Владимира. — Представляю заголовки прессы. «Террор роботов в Одессе», «Беспилотная рука Москвы!»

— Пускай знают, что никто не останется без наказания, — усмехнулся здоровяк. За последние полгода на тот свет отправились уже три организатора одесской

Хатыни. Одного уложил снайпер. Второму под автомобиль юркнул шестиколёсный приземистый робот с мощным электромотором, маленькая гоночная машинка. С бомбой, конечно.

Почему-то вспомнился детский фильм «Приключения Электроника» из блаженной памяти 1980-го. И огорчённый вид мафиози Стампа в исполнении великолепного Владимира Басова, читающего газету: «Научно-технический прогресс против бандитизма». Да, это была часть его личной войны за освобождение Одессы. Здоровяк чувствовал прилив сил. Всё здесь своё, родное — стоит лишь очистить его от скверны и мерзости. Вот, через бульвар — Приморский райвоенкомат, откуда он ушёл в армию летом восемьдесят пятого. А чуть поодаль — Мукачевский переулочек, где в восьмидесятом он ходил в секцию спортивной стрельбы из лука на «Динамо». До боли родные места.

— Едем! — решительно бросил он. — Ещё много работы впереди. Поехали в «Глечик», поужинаем...

Майор Овцын довольно рассмеялся, просматривая видео акта возмездия. «Аквагайд-крейсер», заложив широкий вираж, полетел на бреющем над спокойным морем к берегам Тавриды.

Майор вызвал шефа. На дисплее засветилось лицо Стрельца.

— Бабушка приехала, товарищ генерал-лейтенант! — отрапортовал Овцын.

— Отличная работа, друг мой, — Седовласый генерал ослабил. — Жду подробного рапорта. Ты, говорят, решил поступить в Бауманку?

— Так точно! — кивнул головой Овцын. — Параллельно хочу заниматься роботикой.

— В добрый путь, товарищ майор...

За три года до того...

Ветви ив свешивались над днестровскими водами. В этот бархатный летний вечер Мудрецы сидели у костра на берегу великой южной реки и неторопливо вели беседу.

— Что ни говори, но в нашей эволюции огромную роль играет прекрасный пол. — Стрелец, прищурившись, прикурил сигару от горящей ветки, смахнул влагу из заслезившегося глаза. — Предлагаю использовать такой фактор в нашей Великой Трансформации. Приятный, знаете ли, фактор...

— Ох, люблю тебя за неожиданные интеллектуальные ходы, — хохотнул Авиатор, помешивая уху в котелке. — Или у тебя до сих пор дамские прелести на уме?

— И они тоже... — улыбнулся Стрелец, сдувая пепел с лацкана камуфляжной куртки. — Хорошо сидим. Вспоминаю наши студенческие вечера на берегу одного из дунайских рукавов в сентябре восемьдесят четвёртого. Аж сердце сжалось. Но ты прав: тезис нуждается в развёрнутом пояснении.

Стрелец встал, разминая затёкшие ноги, чему-то снова саркастически улыбнулся. Огонёк его сигары описал светящийся круг в полумраке.

— Про половой отбор не забыли? Спасибо урокам моего любимого преподавателя по первобытному обществу Олега Борисыча Дёмина, я помню. Итак, женщины склонны были выбирать в спутники жизни не волосатых брутальных альфасамцов, а сильных, но добрых, умных и надёжных. От них и потомство получалось таким же. Оттого мы и стали тем самым видом «человек разумный».

Отсюда вывод: женщины способны сыграть роль чрезвычайной важности в борьбе с превращением рода людского в скопище слабоумных придатков к Цукерберговым соцсетям. Ибо начнут отбирать именно наших питомцев: мужественных, умеющих защитить и позаботиться, увлечённо творящих. А не глотающих водяру или синтетические наркотики. Вы представляете, если девушки начнут массой отбирать вот таких, как воспитанники имперских корпусов и школ? Мускулистых, с твёрдыми чертами лица, умеющих сочетать силу и нежность?

Почитайте биографии выдающихся творцов в науке и технике — а не дегенератов от «искусства»! — обнаружите одно и то же. Рядом с гением, сотворившим чудеса, всегда была прекрасная и заботливая супруга. Его тыл. Отрада. Опора. Женщины тянутся к тем, кто горит своим делом, кто упоённо творит.

— Эх ты замахнулся! — хохотнул Биоинженер, открывая бутылку с квасом. — Ты предлагаешь позитивную евгенику?

— Именно, дорогой Вотсон. — Сигара прочертила в воздухе восклицательный знак. — Разве гениальный преобразователь Сингапура Ли Кван Ю не поощрял браки между умными и успешными мужчинами и женщинами? Разве не устраивал для них круизы любви на отличных прогулочных лайнерах в тёплых морях? Ты же помнишь, как дети из Сингапура стали вдруг показывать выдающиеся результаты на олимпиадах по математике и точным наукам? И коль вспомнить враждебного нам гения, Вилли Мессершмитта, то кто его все годы любил и грел? Прекрасная женщина, Лили Стромайер.

Предлагаю вот что: телепропаганда быстро сделает новых людей популярными, модными. Помните, как в самые звёздные часы Советского Союза девушки мечтали стать жёнами учёных-исследователей, полярников, лётчиков? Тут мы включаем похожий механизм положительного отбора.

— Да, мысль достаточно безумная, чтобы сработать, — хмыкнул Авиатор, пробуя уху. — Но ты, кажется, прав. Мало создать критическую массу творцов и создать им свои футурополисы с очагами созидания. Ты напомнил мне роман Нила Стивенсона «Анафем». Помните, коллеги, как там учёных выселили в отдельные обитатели, дали свободу заниматься познанием — но стерилизовали их, чтобы они не породили у себя человека следующей ступени развития? Некую высшую расу? А тут замысел хорош: сделать прекрас-

ный пол настоящим селекционером. Причём очень привлекательным. Вокруг женщин, в конце концов, мир вращается, они нас всегда будут притягивать и вдохновлять. А если они ещё и помогут отбору людей высших качеств, да родят от них деток...

Я, знаете ли, увлёкся биографиями великих авиаконструкторов, причём не только наших. Ты помянул Мессершмитта, друг мой? А вы изучите биографию хоть того же Эрнста Хейнкеля! Поразитесь атмосфере невероятного, самого пассионарного порыва в небеса в начале XX века. Хотя то была ещё кайзеровская Германия, а не молодая Советская Россия с её комсомолом и партией, горящими энтузиазмом. Вся атмосфера тогдашнего общества толкала на подвиги и величайшие воздушные прорывы. Хейнкель ведь тоже стал свидетелем катастрофы первого большого дирижабля графа Цепелина, его цельнометаллического корабля, сгоревшего при посадке в 1908-м. Создатель согнулся от отчаяния — он строил свой цепелин на собранные со всей страны пожертвования. Он должен был доказать, что его детище способно продержаться в воздухе целые сутки. И тут — всё погибло, все надежды за минуту превратились в прах, в обгорелый, искорёженный остов.

Но рабочие начали кидать графу кошельки и портмоне с деньгами. Построй ещё воздушный корабль! Вся Германия опять собрала средства для конструктора-новатора.

А знаете, кто впервые покатал Хейнкеля на аэроплане «Таубе» в 1911-м? Тогдашний летун-герой, с коего буквально списали образ великого Лесли в голливудском фильме «Большие гонки», — Гельмут Хирт. Тот, кто страстно гонял на мотоциклах и автомобилях. Но яблочко от яблони недалеко падает. Кто был отцом Гельмута? Альберт Хирт, сколотивший состояние на своих изобретениях по части шарикоподшипников. Став успешным промышленником, — не сырьём ведь торговал и не на освоении казённых

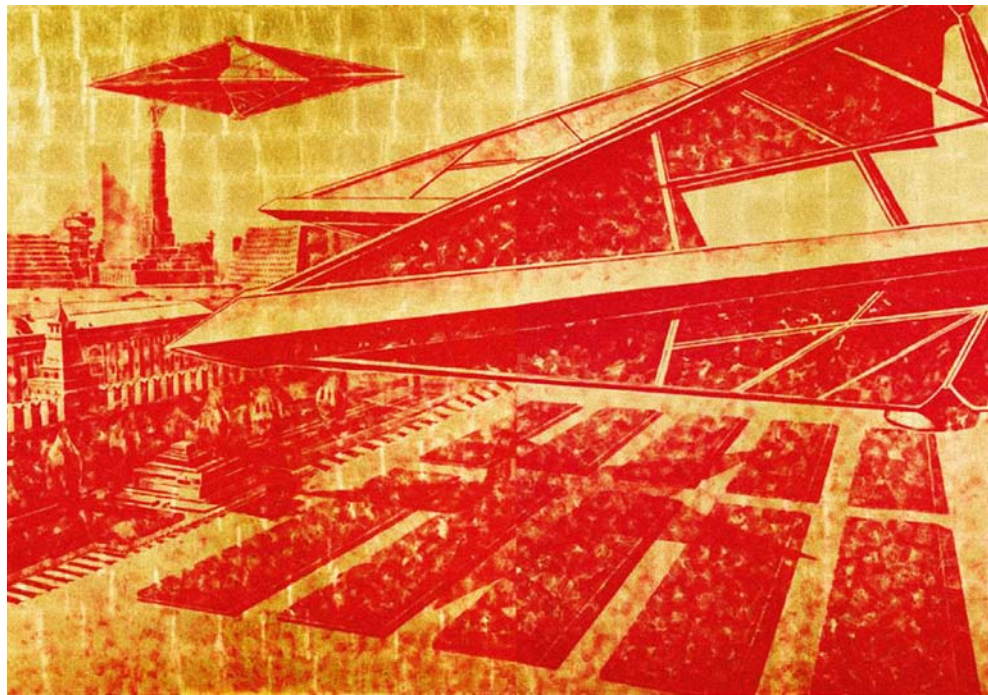

подрядов жирел! — Хирт-старший не роскошной жизни предавался. Он тоже гонял на автомобилях и мотоциклетах, обожал летать на воздушном шаре и даже проектировал самолёты. То летающую лодку, то гигантский воздушный корабль на гусеничном шасси, который мог бы достичь Северного полюса по воздуху. Этаким мечтательный и пассионарный персонаж в стиле безумных героев Жюль Верна. Его же Робура-завоевателя...

— Это где ты вычитал? — прищурился Стрелец.

— У Анцелиовича в биографии Хейнкеля. Ты же знаешь, как мы просеивали всё в Лаборатории русских побед, искали в старых воспоминаниях и книгах всё, что могло бы пригодиться Академии Русской мечты. Вот и наткнулся на это. Поразительно, но вроде на дворе — капитализм, у Хейнкеля и его компаньона, Фридриха Мюнца, работала тогда частная фирма по разработке и постройке первого в Швабии, Южной Германии, аэроплана. В них вложил деньги богач, депутат швабского парламента Кейнат. Тот, конечно, искал выгодных заказов от военных, но играл на чувстве местного патриотизма. Мол, чего это отдавать пруссакам первенство в создании германских аэропланов? А мы, швабы, чем хуже? И помогло ведь: у Мюнца и Хейнкеля на чистом энтузиазме, бесплатно трудились столяры. Им приходило помогать вот так, за идею, на чистом энтузиазме школьники, студенты, рабочие, даже профессор-аэродинамик Бауман. Когда во втором полёте аппарат молодого Хейнкеля разбился, едва не угробив пилотировавшего его конструктора, немцы опять собирали средства для дела с помощью газет и выпуска открыток.

Чёрт, тогда о комсомоле никто и помыслить не мог, а порыв уже был, хотя и национал-патриотический. Действовало! Люди жили в мощном психополе творчества и стремления ввысь, и это вам не царство тиктокееров, писак из соцсетей, бесплодных

добытчиков криптовалют или дурковатого Илона Маска.

А дальше мы обнаружили, что в те же самые времена такой же властный и неудержимый порыв овладевал людьми и во Франции. Случайно обнаружив в букинистическом магазинчике книгу бывшего пилота-испытателя Анатолия Маркуши «Человек летающий» 1988 года, мы поразились. Крупный нефтепромышленник Анри Дейч де ля Мерт не прожигал свои прибыли — он создал сперва дистрижаблестроительную компанию «Зодиак» и стал главой Автоклуба Франции. А в 1908-м вместе с хозяином таксопарка Вейлером основал синдикат по постройке аэропланов. «Резиновые короли», братья Мишлен, тоже финансировали молодую авиацию.

Молодой адвокат Аршдакон, заядлый гонщик-велосипедист, создаёт не только автостроительную фирму «Серполле», но и авиастроительную компанию. И заявляет: мол, Франция, родина братьев Монгольфье, первых в мире поднявших в небо на воздушном шаре в 1783-м, может утратить первенство в авиации. Он призывал: «Господа учёные — по своим местам!

Вы, господа меценаты, а также вы, государственные люди, протяните руки к кошелькам! Или мы скоро будем побиты!»

Какой контраст с мертвяще-затхлым царством Цукербергов и кривляющегося Маска... Почувствуйте разницу с недавней российской обывательщиной. И если наш коллега фактически призывает с помощью женщин запустить де-факто процесс евгенического отбора подобных фанатиков развития... Разрази меня гром, но кашу маслом не испортишь! Всё это и должно накладываться на новую индустриализацию, покровительственную политику, на поддержку компаний-новаторов и государственные проекты развития...

— Ну тогда добавлю в твою копилку ещё исторический пример. — Стрелец, зачерпнув ложкой уху, подул на варево и с удовольствием посмаковал его. — Батюшка Мессершмитта, Фердинанд, сам в небеса не летал, однако полётами бредил и сына тем же заразил. Солидный бюргер-виноторговец кайзеровских времён, он, видя увлечение сына авиамоделизмом, покупает ему дорогой трёхцилиндровый моторчик, работающий на сжатом воздухе. Строй, сынок, летающие игрушки!

А потом, в 1911-м, именно отец знакомил грядущую звезду авиастроения Третьего рейха с планеристом Фридрихом Хартом, с коим юный Вилли начнёт строить планеры, приобретая конструкторский опыт. И опять — сыграла роль общая одержимость идеей полёта, завоевания небес, прорыва, скорости, торжества творческого гения! Но всё это накладывалось на промышленное развитие Германии, на прославление немцев как умного и трудолюбивого народа...

— И чтобы вновь создать такую одержимость, ты предлагаешь действовать женский фактор? — по-любопытствовал Биоинженер.

— Именно! — хохотнул Стрелец, разливая уху в миски...

Анна, Балаклава. Три года спустя

Летнее солнце, проникая через щель в шторах, разбудило Анну. Приподнявшись на подушке, она окинула ещё сонным взглядом номер их гостиницы «Даккар». Серёжкины скомканые вещи на стуле. Два акваланга в углу. Блестящее стекло его любимой круглой маски...

Анна бесшумно соскочила с кровати. С удовольствием потянулась всем телом, нагая прекрасная де-

вушка с телом метательницы копья. Жгучая брюнетка, она с удовольствием поглядела на себя в зеркало. Ощущение какого-то тихого, лучезарного счастья овладело ею.

Из-за окон проникал шум утра в Балаклавской бухте. Тонко пискнул гудок катерка, донёсся звук скляночного колокола.

Анна невольно залюбовалась Сергеем, ещё крепко спавшим после бурных ласк. Мускулистое тренированное тело, атласная от загара кожа с красноватым оттенком. Он никогда летом ничем не укрывался, как-то по-детски утыкаясь в подушку. Майор госбезопасности...

Она неслышно опустила на край кровати. Вот уже второй год продолжалась их связь. И она знала — никуда они теперь друг от друга не денутся.

Слишком сильно Сергей отличался от её привычного окружения. Полубогемная рекламная среда. Всё как-то легковесно, несерьёзно, одноразово. Анна росла уже в новую эпоху господства мессенджеров и социальных сетей. Казалось, они вскрыли самые потаённые уголки подсознания миллионов людей, самые их запретные желания и оборотные стороны их убогих «я». Возможность анонимного и быстрого обмена тек-

стами, фото и видео породила новую сексуальную революцию. Внезапно все возжаждали группового секса. Супружеские пары стали знакомиться с другими парами. Солидные отцы семейств внезапно открывали в себе бисексуальность. А все подобные сайты знакомств наводняли легионы сексуально озабоченных самцов всех возрастов, причём с замашками дебиловатого быдла. Анна и сама играла в такие игры. Но всё тут было пропитано какой-то одноразовостью и несерьёзностью. Чаще всего люди не приходили на первое свидание за чашкой кофе где-нибудь в бистро. Зато они хотели всего и сразу, выклянчивая интимные фото и видео и уводя в бесконечные откровенные разговоры. Анна так и видела, как они мастурбируют у своих мониторов. Связи в том мире походили на постоянно лопающиеся пузырьки мыльной пены.

Сергей был из совершенно иного мира. Собранный и целеустремлённый, похожий иногда на сжатую пружину, а иногда — на стремительного и опасного камышового кота. Они познакомились практически случайно, когда они с друзьями из Бауманки выкатили на московские улицы стремительный родстер «Крым» ослепительно синего цвета. С поездки на нём и начался их роман.

Сергей и его друзья поражали буквально всем — хоть манерами, хоть разговорами. Никакого переливания из пустого в порожнее или банально обывательской болтовни. Все горели своим делом и увлечённо творили. И слова их были весомы, серьёзны. До того Анна с подозрением и даже опасением глядела на всех этих ребят в форме из всех этих имперских обществ, аэрокосмического и моторного корпусов, кадетских училищ и военно-научных секций. Но в их мире оказалось захватывающе интересно, там не было ничего общего с убогой реальностью органических дополнений к смартфонам. Вместе с Сергеем они полетали на винтолёте-гироплане в Воскресенске, мчались вместе

на лёгком «Акваглайде» над Химкинским водохранилищем. Казалось, всё во вселенной Сергея пронизано электронами и радиоволнами, высокими энергиями и грёзами о звёздах. После путешествий туда мирок московских ночных клубов казался невыносимо скучным и однообразным. А эти люди... У них словно крылья за спиной разворачивались, от них исходила какая-то светлая и добрая сила. Да ещё и невероятная уверенность в себе, нешуточная увлечённость. Они могли конструировать новые живые объекты — и нырять в своих планерах прямо в сердце грозových туч. Такое зачаровывало, властно притягивая. А потом Сергей приохотил её к подводному плаванию — слова «дайвинг» он упорно избегал. И лишь недавно она узнала, что он — офицер спецслужбы.

Она снова залюбовалась спящим Сергеем. Интересно, какими могут быть их дети?

Снова у костра

— Да, пусть ряды наших питомцев в красивой форме уверенно шагают по улицам городов, — Стрелец отложил опустошённый котелок. — Женщинам нравятся подтянутые и уверенные в себе парни. Они и зададут новый стандарт, отвергая бледных постиндустриальных мотыльков. Включат могучий механизм полового отбора...

— Как в «Звёздном десанте» Хайнлайна? — задорно блеснул очками Биоинженер.

— Точно, товарищ! Ты же сам нам докладывал вначале, что архитекторы нового мирового порядка формируют новый тип подвластного, анемичного вегана — мяса не есть, коровы своими метановыми пуканьями ведут к глобальному потеплению! — причём с убогим клиповым мышлением, неспособного жить без соцсетей и смартфона. Цифрового слабоумного, живущего на подачку в виде безусловного базового дохода, да ещё и с размытой сексуальной идентичностью. Желательно — гомосексуалиста.

Совершенно не нужного ни в роли работника, ни в качестве солдата. Знаешь, совершенно логично противопоставить такому наш, русский процесс человекотворения.

— Надо пробовать, коллега. Не уставать придумывать и запускать в жизнь всё новые и новые механизмы сохранения и развития человека, — согласился Биоинженер. — Я долго думал, зачем они всё это творят. Ведь самоубийство выходит в чистом виде: звездолёты у них в тайных ангарах не стоят, запасной обитаемой планеты не имеется, расы сверхлюдей они пока не вывели и себя, господ, в них не превратили. Кажется, знаю причину.

— И в чём она? — Авиатор подкинул сухую ветку в огонь, взвизгивая искрами. Вдоль берега словно маленький катер шёл, создавая «усы» попутной волны, — выдра тихо плыла.

— А в том, что владык Запада до смерти перепугали события первой половины XX века. Сперва они ужаснулись красной революции 1917-го и появлению Советского Союза, огромного Иного по отношению к их капиталистической ойкумене. Чтобы противостоять нам, они породили фашизм и национал-социализм, которые перехватывали многие красные лозунги и программные требования. Гитлер чаровал избирателя, в программе Немецкой национал-социалистической рабочей партии стояли и национализация крупнейших трестов, и участие рабочих в прибылях предприятий. Было с чего: мир действительно стоял на грани революционной волны.

Вспомним страшный 1932 год в Соединённых Штатах. Фермеры собираются в вооружённые ватаги и не дают банкирам-кредиторам и судебным исполнителям забирать за долги их земли. Раздаются угрозы перекрыть железные дороги и поставки продовольствия в города. В стране более пятнадцати миллионов безработных, власти иной раз вынуждены открывать огонь

по их толпам, ищущим любого заработка. Штаты находятся на грани второй гражданской бойни, вот-вот начнётся массовый крах банков.

В Германии — сильнейший подъём левых сил. Власти часто стреляют по рабочим демонстрациям.

А начало 1934 года в прекрасной Вене, в Австрии? Восстание красных и социал-демократов против австрофашизма, артиллерия бьёт по рабочим кварталам столицы. Карл, вы можете такое представить сегодня? Чтобы из пушек — да по районам города вальсов Штрауса? А в ноябре 1935-го — коммунистическое восстание в Бразилии, которое пришлось жестоко давить. В 1936-м — гражданская война в Испании.

Против всего этого и создавали фашизм и нацизм. Но и они вышли из-под контроля, Гитлер в 1940-м, заключив пакт о ненападении с СССР, кинулся на хозяев, ударил по англичанам и французам, захватив почти всю Европу. Чтобы покончить с ним, пришлось пять лет предпринимать чудовищные усилия и признать СССР в роли равного на мировой арене.

Поэтому владыки Запада решили: больше не нужно миллионов рабочих, техников и инженеров в своих странах. Не надо кормить средний класс. Помните тот самый доклад Крозье, Хантингтона и Ватануки 1975 года? Они решили выносить производство в дешёвые страны, в Китай, демонтируя государство всеобщего собеса и делая всё для разрушения Советского Союза.

Им удалось. Но тут вышел гигантский сбой программы: китайцы поймали их на жадности и с 1978-го сыграли в свою игру: стали первой по рангу промышленной державой, заняв нишу погибшего СССР, — и повели свою империю к высотам глобального могущества. Совершенно не подчиняясь западным правилам. И тогда хозяева Мира заходящего солнца преподнесли нам просто немыслимый подарок: продолжили действовать в прежнем духе. Решив породить мир из усовершенствованных господ и массы новых рабов. Да-да,

тех самых слабоумных цифровых вегетарианцев. Они решили окончательно уничтожить традиционную семью, патриотизм, нормальные отношения между полами и ввергнуть всех в гендерное безумие. Либерализм превратился в фанатичную нетерпимую религию, теперь уже с «охотой на ведьм», репрессиями и экологическим фундаментализмом, доходящим до маразма. Глупо всё это не использовать...

Они ещё долго говорили у мерцающего в тёплой ночи костра. И логика-то Иного была ясна. Расходились лишь в частностях. Многими путями — но к одной цели. К **созданию мощной противотенденции, к созданию другого пути.**

Чем разумнее протекционизм и сильнее промышленность — тем больше умных и трудолюбивых людей наивысшего качества. Тем многочисленнее рать инженеров, техников и квалифицированных рабочих. Тем выше надстройка над реальным сектором в виде науки, образования и культуры. Чем больше мы становимся народом повелителей машин — тем больше гениев исходит от легионов технарей, конструкторов, исследователей.

Новое время диктует и новые формы развития. Теперь намного важнее увлечь людей, сделать процесс творения России молодой, России-Ковчега захватывающим. И потому несть пределов фантазии и творчеству! Люди не могут влюбиться в экономический и промышленный рост, их не вдохновляют графики выпуска обрабатывающей индустрии и хайтека? Бессмертное кино «Джентльмены удачи» 1972 года даёт универсальную подсказку: детям скучно просто поглощать кашу в детском саду. Другое дело, если надо подкрепиться перед волнующим полётом на Марс.

К чёрту излишние военные программы! Кому нужны огромные подводные дуры с никакой скрытностью и с оружием на борту, которое в сотни раз медленнее баллистических ракет и каковое никогда не придётся

пустить в ход? Оружие делаем лишь то, что в самом деле необходимо, а вместо бессмысленных монстров выпускаем исследовательские подлодки со сверхпрочными иллюминаторами из искусственной шпинели. Пускай молодые завоёвывают гидрокосмос, исследуя тайны глубин. В океане — на субмаринах с простыми ядерными двигателями, заодно приобщаясь и к этим технологиям. А в Чёрном море — погружаются в лодках с силовыми машинами на кислородно-водородных топливных элементах, проникая в пучину, где вместо кислорода — сероводород. И где на дне можно найти хоть остатки фрегатов времён Ушакова, хоть сбитые самолёты из Великой Отечественной, хоть останки византийских, римских или даже древнегреческих торговых судов. Ибо сероводород консервирует органику и дерево.

Пускай молодые и неравнодушные получают подводные дома и батискафы с ловкими и гибкими манипуляторами, подводные роботы-исследователи и криоланги вместо аквалангов. Пускай в Чёрном море — для начала! — становятся буксируемые полуподводные отели типа «Анаклия», разработанные КБ «Малахит». И пусть между ними и берегом курсируют лёгкие экранопланы «Акваглайд», воплощённая мечта бизнесмена Нагапетяна. В конце концов, так рождается досуг новой русской цивилизации, где активный отдых скрещивается с научным познанием. Ведь потом такие «анаклии» появятся у берегов Приморья, Камчатки и Сахалина, на Балтике и в Средиземном море. А далее — и в тропических водах. По мере распространения новой русской цивилизации по белу свету.

Всё это — оружие для борьбы с Античеловечеством и его Темновоековьем, намного более действенное, нежели рождённые для пропаганды милитаристские монстры. Всё это вовлекает миллионы молодых и романтических в одно великое Делание, Созидание. Пускай держава строит как можно больше лёгкого

воздушного транспорта будущего, несущего свободу от дорог, — всех этих летающих «вездеходов» на четвёртых-шестерых седоках, авиеток, гиропланов-винтолётов. Пускай возрождаются дирижабли, хотя бы и в виде гибридных летательных аппаратов.

На морок западной «водородной энергетики» мы отвечаем добычей природного водорода из «впадин Ларина». Строим вокруг них усадебные города из купольных и быстровозводимых домов, стоящих на уровне легковой автомашины. В них будут прекрасные предприятия новой промышленности, больше напоминающие НИИ и лаборатории, отменные спортивно-оздоровительные комплексы и культурные центры, лёгкие поля для личных аэромобилей и эллинги для дирижаблей-гибридов. Пускай к ним бегут вечные дороги из прочного базальтового волокна, насыщенные электроникой и волоконно-оптическими кабелями. Пусть между ними пролегают трассы футуристического транспорта — аэростакадного или струнного.

Среди групп усадебных городов-футурополисов возникают большие воздушные гавани. Перспективные грузовые и транспортные самолёты свяжут их со всем миром. И пусть Сверхновую Россию пронизывают новые железнодорожные магистрали.

Сама идея прорыва первыми в победоносное Грядущее становится национальной идеей, захватывающей самую активную часть общества. Ведь **мы, русские, — исторические экстремалы**, сама мысль о том, что мы становимся народом испытателей и экспериментаторов, зажжёт сердца самых живых, не погасших, не превратившихся в цифровых животных и в обывателей. Рядом с серьёзными лабораториями и научно-промышленными заводами пускай всё больше растёт секций для молодых: биоинженерных, электронных, авиамодельных, автомобильных и аквалангистских. Пускай повсюду строятся аэроклубы

и школы планеристов. Это — сфера не менее важная, чем Вооружённые силы. Превращение целого народа в некий спецназ развития, в нацию первопроходцев — что может быть прекраснее?

Именно на такую благодатную почву лягут развитое самоуправление, система динамического народовластия (Нейромир, социогуманизм Гундарова), настоящие состязательные и объективные суды, здоровые конкурентные выборы. Ибо не может быть великих империй, состоящих из рабов. Свободные и сильные граждане то ли Третьего Рима, то ли Первой Руси раскинут свои пределы от Тихого и Ледовитого океанов до Чёрного моря, Польши и Днестра. А затем проникнут в Средиземноморье и снова выйдут к Карпатам. По мере же разрушения цивилизации Запада острова новой жизни появятся и в Европе. Это не считая того, что Новая Русь примет к себе миллионы тех белых европейцев, что не захотят угасать в мерзости либерального упадка.

Но начинать надо прежде всего с себя, со своих людей и земель. Не размениваясь на бесполезные лжеимперские затеи и «имиджевые мегапроекты». Повинуясь принципу экономии национальных сил. Враг наш — не всемогущие злые божеества, они смертны и по-своему ограничены.

Мы должны наступать!

Часть 6. ПЛЕМЯ УЧЁНЫХ-ПОЭТОВ *О важности создания сети футурополисов*

Прервём на время игру нашего воображения. Задумаемся над тем, насколько важно создать в РФ практически опричную сеть — созвездие футурополисов. Иначе просто не запустить спасительный этногенез — создание людей высшего качества.

Опричь «тиктоков» и соцсетей

В июне 2021-го нам довелось побывать в славном наукограде Дубне,

этом детище советских атомного и ракетного проектов. Пережив страшный распад СССР, 74-тысячный город учёных, конструкторов и инженеров и сегодня действует. Можно долго рассказывать об Объединённом институте ядерных исследований, о конструкторском бюро «Радуга» и местном машиностроительном заводе, где создаются и производятся крылатые ракеты. Или об ускорителе-коллайдере «НИКА», который даст новое дыхание физическим исследованиям. Но больше всего поражает необычайная атмосфера наукограда.

Здесь полно людей, увлечённых наукой и высокотехнологичными производствами. Не чувствуется в Дубне убогой, обывательской приземлённости. Или московской чиновничьей возни. Вот мы в гостях у замечательного человека — фанатичного строителя лазерных станков, который смог создать в 1997-м команду тех, что сумели их спроектировать и поставить в серию. Да так, что теперь их покупают и в Тайване, и в США. Детство и юность конструктора-предпринимателя прошло здесь, в 70-е и 80-е. Он свободно об-

щался с великим Бруно Понтекорво, ездившим по Дубне на велосипеде. Он учился в легендарном Физтехе.

На стеллажах — сотни виниловых пластинок. Тут и сказки нашего детства, и Моцарт с Бетховеном, и «Зодиак», и «Супертрамп» с «Пинк Флойд». А каким оперным голосом поёт подруга его жены! И какие арии! Тут же — мольберты и холсты с картинами. Здесь, в Дубне, мужья занимались самыми амбициозными научными проектами. А женщины преподавали в музыкальных школах, занимались живописью. Здесь и до сих пор — по-настоящему элитные школы и секции по интересам. Наука и искусство идут рука об руку. И это уже что-то из высокого Ренессанса. Отнюдь не Люберцы...

Вот он, прообраз тех футурополисов — питомников племени творцов, — что должны покрыть Россию густой сетью. Некая опричная — параллельная — реальность. Да, сегодня люди Прометеева склада рассеяны по остатку СССР, утопая в жиге вырождения и отупления. Пока они теряются на фоне бюрократических набобов, тонущих в крикливой роскоши. Или среди

вырожденцев-«тиктокеров», кривляющихся в своих аккаунтах соцсетей и получающих миллионы подписчиков. Таких же бесплодных и бесполезных дегенератов.

Вот почему их нужно для начала увести в особые «будущеграды». Создавая целые сообщества тех, кому ненавистен мир разложения и расчеловечивания. Такое сродни обогащению урана, когда из массы руды извлекают доли процента ценнейшего U238, того самого ядерного горючего. И коль желанный изотоп извлечён из массы инертной руды, то его нужно свести в критическую массу. Чтобы началась цепная реакция — и вспыхнуло рукотворное солнце.

Мы не можем просто запретить социальные сети и полностью изолировать от окружающего мира с его губительными тенденциями. Такого не вышло даже у Северной Кореи. Но мы в силах создать Иное, собрав туда самых умных и не поддающихся расчеловечиванию. Собрать — и дать им Дело.

Если вы помните, то в наше время теория борьбы рас за существование, признанная нацист-

ской (ещё в американском сериале про Бака Роджерса 1940 года мы могли услышать о примитивных и развитых расах), внешне отринута. Но на смену ей пришла концепция конкуренции культур и цивилизаций, что на деле то же самое. Что ж, заговорим с врагом на его языке.

У нас, русских, есть одно величайшее цивилизационное преимущество. Мы умеем переноситься за самые дальние горизонты, буквально опережая эпоху в своих идеях и разработках. Ярчайший образ из «Аэлиты» Алексея Толстого — инженер Лось, собирающий свой межпланетный корабль в полуразваленном сарае посреди полуголодного, запустелого Петрограда. Вот это по-нашему.

До сих пор мы не смогли толком использовать свою способность к безумным прорывам в грядущее. Однако пора покончить с таким расточительством и наконец превратить уникальную национальную особенность в фактор выживания и победы в завтрашнем инферно.

Лишь обитатели «опричной реальности», граждане футурославлей — потомков Дубны и красных

наукоградов, — в силах свершить великую трансформацию. Породив нацию чудотворцев. Способных буквально перескакивать через эпохи — вперёд и выше!

О теплородном духомёте и способности опережать время

Знаете ли вы о том, когда в воздух впервые взмыл не ракетный, а именно турбореактивный самолёт? Очень похожий на МиГ-15 образца 1950 года — на этакую трубу с крыльями и хвостовым оперением? 27 августа 1939 года. Детище Эрнста Нейнкеля, He-178. Буквально за три дня до начала Второй мировой. И как здорово, что бонзы Третьего рейха, наблюдавшие за полётом, не смогли тогда понять, какое чудо-оружие оказалось у них в руках.

А кто первым выдвинул идею реактивного самолёта, знаете? Отставной артиллерийский офицер Николай Телешов. В 1864-м. Всего через три года после отмены крепостного права в России. Отвергнутый на родине чинами военного министерства и Академии наук, Николай Афанасьевич получил патент на свой летательный аппарат во Франции. То был самолёт-моноплан с треугольными крыльями, напоминающими вкуче греческую букву «дельта». Приводиться в движение летучий аппарат Телешова должен был с помощью «теплородного духомёта», по принципу своего действия относящегося к разряду ПВРД — пульсирующих воздушно-реактивных двигателей. Телешов придумал камеру сгорания с соплом в задней части оной и с клапанами для впуска горючего. Если вы помните, то немецкие самолёто-снаряды Фау-1 1944 года — по сути дела, первые в мире серийные крылатые ракеты, имели как раз ПВРД. Да, чуть не забыл! Телешов спроектировал свой реактивный самолёт за 36 лет до первого успешного полёта аэроплана братьев Райт.

«Основополагающими теоретическими разработками в области реактивного движения и лопаточ-

ных машин были ещё дореволюционные труды учёных И.В. Мещерского, Н.Е. Жуковского, К.Э. Циолковского. К началу XX века относятся первые проекты ГТД русских инженеров: П. Кузьминского (1900 г.), В. Караводина (1908 г.), Н. Герасимова (1909 г.), А. Горохова (1911 г.), М. Никольского (1914 г.). Однако в дореволюционной России не появились какие-либо серийные авиационные двигатели собственной разработки...» (<https://cyberpedia.su/10x11043.html>)

В 1909 году русский инженер Герасимов предложил свою схему реактивного авиадвигателя, где воздух сжимался с помощью компрессора, приводимого в движение газовой турбиной. Все основные части турбореактивного мотора там имелись: и компрессор, и камера сгорания, и турбина.

Проект Горохова 1911 года — это аэроплан, движимый с помощью двигателя о двух симметрично расположенных камерах сгорания, в которые воздух нагнетался бы с помощью двух компрессоров, вращаемых мотором. Как только давление в камерах достигнет нужной степени, туда должно было впрыскиваться топливо, которое, смешавшись с воздухом, воспламенялось. Реактивные струи истекали в атмосферу через дюзы.

В 1924 году конструктор В.И. Базаров, уже в СССР, патентует свой вариант воздушно-реактивного двигателя. Там он делает гениальное изобретение — центробежный компрессор, нагнетающий воздух в камеру сгорания, вращался газовой турбиной, стоявшей в потоке истекающих продуктов сгорания. По сути дела, как в нынешних ТРД. (Эти примеры беру из книги Льва Экономова «Повелители огненных стрел» 1964 года.)

Для сравнения: турбореактивный движок современного типа в Британской империи Фрэнк Уиттл разработает в 1930-м. А великий Хейнкель возьмёт под крыло юного создателя ТРД Ганса фон Охайна в 1936-м — и первый самолёт с испытательным вариантом газотур-

бинного двигателя (подвешенного под брюхо машины) поднимется в небо летом 1938-го.

Но помилуйте! В 1860-х годах Россия — ещё слаборазвитая аграрная страна, доля городского населения в ней (перепись 1863-го) — 8 процентов. В 1913-м доля горожан дорастёт до 17 процентов. Города лежат среди бескрайнего деревенского моря, где техники ещё нет. И в аграрной стране русские гении придумывают то, чего ещё нет в тогдашних промышленно развитых странах. Нет ни в Германии, ни в Британии, ни во Франции или Америке. Турбореактивные двигатели — всего лишь один пример. Но если вы посмотрите на нынешнюю «Гиперпетлю» (Hyperloop) Илона Маска (пассажирский модуль, мчащийся в вакуумной трубе под действием «бегущего» электромагнитного поля), то без труда узрите аналогичный проект 1911 года — профессора Штейнберга из Иркутского политеха.

Нам очень сильно вредило то, что мы не могли осуществить гениальные проекты из-за общей промышленной неразвитости страны. В данном случае — полуаграрной Российской империи. На что, увы, накладывались узколобая косность чиновников и неверие в собственные силы. Причём, увы, это перешло и в советскую эпоху, а затем и в Постсоветию.

Для меня всегда будет примером авиаконструктор Яков Гаккель (1874–1945), который ещё в 1911 году строил самолёты-монопланы обтекаемой формы, ровно на 20 лет опередив своё время. Его попросту не поняли и не оценили в царской России, хотя он делал то, о чём на Западе тогда и мечтать не могли. Но об этом мы как-нибудь потом поговорим. Важно иное — наша поразительная национальная способность к эпохальным прорывам, увы, слишком часто остающимся лишь на бумаге или в опытных образцах. Воистину, прав был английский мореход и разведчик Ричард Ченслер,

посетивший двор Ивана Грозного в 1554-м: «Если бы русские знали свою силу, никто бы не смог с ними соперничать».

Нам очень важно осознать своё невероятное национально-цивилизационное преимущество. Именно для этого нам и нужна своеобразная опричина из наукоградов и футурополисов, очагов концентрации людей наивысшей пробы. Антиподов вырожденцев — придатков к «тиктокам» и прочим социальным сетям. Эта опричная «экосистема» из территорий научно-технического творчества и самого передового производства станет настоящей грибницей, сеть которой пронизет плодородную почву — ту самую новую индустриализованную Россию, поднимающуюся на политике всестороннего развития реального производства и кипучего протекционизма. Такие будущеграды-футурославли и станут обителями самой высокой культуры, здорового стиля жизни, средоточиями усадебного домостроения. Они примутся извергать в «почву» (в индустрию и умное агрохозяйство) множество прорывных инноваций и новых технологий. И тут же они выступят как мощные магниты для самых умных, талантливых и красивых женщин, по сути, превращаясь в питомники нового человечества. В колыбели расы победителей, достойных наследников великого прорыва 1954–1961 годов. Помните, как когда-то в СССР девушки буквально осаждали военные училища? Они понимали, что там могут встретить самых здоровых, волевых и сильных мужчин, да ещё и хорошо обеспеченных. Думаю, с нашими футуроградами и наукополисами будет то же самое. Запустится мощный механизм полового отбора.

А уж эти новые люди высокого качества явно не станут страдать оттого, что не сознают собственной силы. Их не станет одолевать комплекс национальной неполноценности и низкопоклонства перед Западом. А мощный интеллект и яр-

кая раскованная фантазия откроют им такие пути к победам, которые никогда не увидят глупцы и слепцы — серые бюрократические мыши или дельцы из старых отраслей деятельности.

Такие Люди Звёзд отлично знают, что такое мощь мечты и фантазии...

Разорванные паруса мечты

Хотите живой пример?

Давайте посмотрим на нынешнюю гордость «зелёных» — экологопоклонников, — на «чистое» и свободное от углеродного следа судно Energy Observer (2020 год). Катамаран с жёсткими парусами-крыльями. Ветряки. Электромоторы маршевого хода, способные работать и как динамо-машины (генераторы). Солнечные батареи по всей палубе.

Но как «Энерджи Обсервер» запасает электрическую энергию, которую расходует тогда, когда штиль стоит и дневное светило — за тучами? Или когда приходит ночь? А на судне с помощью электричества от солнца и ветра морскую воду, предварительно обессолив, электролизом разлагают на кислород и водород. Водород затем закачивают в баллоны высокого давления, энергетическая ёмкость коих значительно превосходит таковую даже у современных аккумуляторных батарей. При необходимости водород подаётся в топливные элементы, где в ходе химической реакции «холодного горения» вырабатываются электричество и водяной пар. Электричество передаётся на ходовые электродвигатели...

Погодите-ка! Это сколько же преобразования энергии нужно пройти, чтобы получить электрический ход судна? Сперва получи ток за счёт ветра или солнца, потом добудь водород из воды (потратив энергию на её опреснение), потом подай летучий газ в электрохимический элемент — и только оттуда запитай ходовую машину. Это какие же потери! Неэкономично.

Но не это главное. Перенесёмся ровно на 40 лет назад и откроем

«Технику — молодёжи» за июнь 1980 года. Там, на четвёртой странице обложки, мы увидим не просто подобие «Энерджи Обсервера», а нечто покруче. Проект советского высокотехнологического парусника, «выжимателя ветра».

Автор проекта — Юрий Крючков (1928–2015), тогдашний профессор Кораблестроительного института (НКИ) во граде Николаеве (Новороссиа, юг СССР). Из его статьи выясняем: оказывается, ещё осенью 1979-го в Николаев на симпозиум по новому парусному флоту съехались делегаты из 34 научных центров Советского Союза. Дело в том, что симпозиум созвало Научно-техническое общество кораблестроителей имени академика Крылова и даже согласовало его и в Минвузе, и в Госплане СССР. Ведь в НКИ к тому времени успешно действовала общественная ЛИСЭД (Лаборатория по исследованию судов с экологически чистыми двигателями).

Уже тогда специалисты предложили проект парусного рудовоза дедвейтом в 50 тысяч тонн (николаевские корабли В. Щердин и В. Шостак). Сам профессор Крючков выдвинул проект ветрохода с горизонтальной загрузкой, способный перебрасывать через моря-океаны удобные для парусников грузы: руду, нефтепродукты, уголь, контейнеры. ЛИСЭД создала проекты многокорпусных парусников для внутренних водных путей страны и Чёрного моря, разработала схему высокотехнологичного парусного оснащения, начертила проекты нескольких океанских транспортных парусников.

Тогда-то и был показан один из них — высокобортный транспортный корабль с тремя поворотными мачтами-консолями, несущими механизированные паруса-крылья с предкрылками и закрылками. С гладкой палубой и высоким ходовым мостиком в носу. На корме — ветродвигатель, что заряжает электричеством аккумуляторы, установленные в междудонном про-

странстве и служащие ещё и хорошим балластом, обеспечивающим остойчивость корабля. А чтобы ветер его не кренил, предусмотрены ещё и боковые рули — стабилизаторы качки, этакие «плавники». При входе в порты они убираются, парусник идёт на вспомогательном электромоторе. Высокую маневренность ему обеспечивают подруливающие устройства.

Трюмы у него снабжены движущимися переборками — легко менять их конфигурацию. Загружают парусник как судно типа «ро-ро»: через кормовые и бортовые лацпорты, по горизонтали. Не нужно грузовых люков на палубе.

Казалось бы, у СССР тогда появился ещё один редкий исторический шанс: создать экологически чистый «бестопливный» флот. Но, как тактично написал в статье 1980 года профессор Крючков, нет заинтересованности главного потенциального заказчика — Минморфлота СССР.

Советские бюрократы не обладали достаточными умом и фантазией — и похоронили уникальный шанс. Что при Брежнев, что при Андропове и Горбачеве. А всего-то было и нужно, что построить опытный грузовой корабль, отказавшись от какой-нибудь огромной атомной подлодки, коих в СССР было с избытком.

Не только талантливый исследователь и конструктор, но ещё и яркий писатель-маринист и краевед, Юрий Семенович Крючков ещё дважды — в 1982 и 1986 годах — проводил всесоюзные симпозиумы по парусным судам в Николаеве, пытаясь пробить чиновную косность. Но то было напрасным. Профессор успел спроектировать и построить исследовательский парусный тримаран «Таис-3» из алюминиево-магниевого сплава, прогулочный катамаран «Бумеранг», снабдить жёсткими убирающимися парусами исследовательское судно «Дельта» (бывший сейнер-рыболов 1963 года постройки). В 1989 году он

закончит проект дооборудования жёсткими убирающимися парусами теплохода «Саатлы» (5 тысяч тонн водоизмещения) на Каспии, но всё так и останется на бумаге. Как, впрочем, и проекты круизных парусных катамаранов «Симнико» и «Селин 80».

Специалист по прочности судовых механизмов, в 1985-м Крючков будет брошен на «горящую» тему: исследования устойчивости ходовых установок атомных субмарин перед воздействиями подводных ядерных взрывов.

А потом придёт развал Советского Союза — и времена откровенного варварства с мракобесием. Паруса мечты окажутся окончательно разорванными.

Хотя проект ЛИСЭД 1980 года можно и сегодня осуществить, его актуальность лишь возросла. Но и в нынешних «постсоветиях» царят серая чиновная тупость и полное отсутствие воображения. Зато теперь «элитка» восторгается «Энерджи Обсервером», который намного хуже, нежели то, что предлагали Крючков и ЛИСЭД ещё в 1980-м.

Если изучить интервью гендиректора Крыловского государственного научного центра (КГНЦ) Олега Савченко журналу «Эксперт» («Наука двигает корабли», 21–27 июня 2021 г.), то увидишь список направлений, где наше военное кораблестроение отстало от мирового. Тут и защита корабля по физическим полям, и анаэробные энергетические установки, и системы электродвижения. Савченко с энтузиазмом поведал, что скоро будет сооружено судно с водородным двигателем. То есть электроход с кислородно-водородными топливными элементами.

Опять слепо копируются западные мода и тенденции! Кораблик-то золотым выйдет. Гораздо лучше было взяться за те самые высокотехнологичные парусники, о которых грезили в Советском Союзе в 1979-м, открыв новую эру мирового гражданского кораблестроения и завоевав для русских огромный новый рынок! Но нет... Всё снова тонет в обывательской близорукости.

Снова и снова убеждаюсь в том, что в грядущем Институте русских

побед должна работать и секция упущенных прорывов Советского Союза. Жизненно необходимо их тоже изучать! Как мы теперь прекрасно понимаем, СССР обладал изумительной способностью мобилизовать ресурсы и силы на осуществление приоритетных проектов. Но его правящие мозги оказались слишком косными для того, чтобы придумать такие прорывные свершения, а не послушно копировать то, что делают на Западе. Болезнь такого «обезьянничанья» началась уже при Сталине, а ко времени Брежнева расцвела самым пышным цветом. Вот и не вышли в море высокотехнологичные ветроходы под алыми серпасто-молоткастыми флагами. Спроектированный как невиданный ранее футуристический цивилизационный проект, как страна-лаборатория для дерзкого творчества, Советский Союз в итоге выродился в несамостоятельную силу, покорно плетущуюся за чужими враждебными цивилизациями. Уступив им дело формирования будущего и общего курса развития человечества. Да, Гитлер и Геринг так и не смогли

понять, что Эрнст Хейнкель показал им на исходе августа 1939-го. Но далеко ли ушли от них советские бонзы 1985-го, так и не взявшие в толк, залежи каких прорывных проектов и разработок таились у них под носом!

Ну а «элита» Российской Федерации довела бюрократическую косность позднесоветской бюрократии до апогея. Как, впрочем, и низкопоклонство перед всем иностранным, и неверие в русские творческие силы...

Так оказалось намертво заблокированным важнейшее преимущество русской цивилизации — способность наших гениев намного опережать своё время и придумывать то, чего ещё нет нигде в остальном мире. Пока оно никак не помогло нам победить. Пока оно натыкалось на бюрократический идиотизм, на «этоже-несерьёзно-и-маниловщина», на отсутствие живого воображения. Но в накатывающем кошмаре Темновековья, в жесточайшей борьбе

цивилизаций и культур за выживание в грядущей преисподней именно способность порождать «тепლოродные духомёты» и станет нашим мечом-кладенцом. Эликсиром силы. Оружием Победы.

Кто знает, что могут создать духовные наследники Телешова, Менделеева, Королёва и Курчатова? Иногда просто дух захватывает. Технику, побеждающую силу тяготения? Невиданную гениальную инженерию? Победу над старением человеческого организма как над болезнью?

Кто знает?

Учёные-поэты

Для того чтобы полностью действовать оную национальную способность, и потребны те самые футурополисы. Средоточия по сути нового племени, мечтательного, умного и сильного. В фантастическом цикле Дэвида Зинделла «Реквием по гомо сапиенс» есть жутковатые персонажи — воины-поэты, столь же невероятно талантливые, сколь

и беспредельно жестокие. По аналогии с ними назовём племя тех, кто населит Русь-Ковчег, учёными-поэтами. Способными, так сказать, скрестить в себе и холодный интеграл, и пылкую, страстную мечту, и дар предвидения. Умеющими задействовать оба полушария своего мозга.

Сеть «будущеградов», опутав страну и произрастая на жирном «чернозёме» новой индустриализации, подпитываемая протекционизмом, создаст новую Русь. Она буквально проступит сквозь ветхую постсоветскую РФ, заново пересобрав державу. Да, именно здесь мы обретём то, что не смог Советский Союз: создадим «комбайн» в виде совершенно социалистических по духу мегапроектов развития — и частного предпринимательства. Когда государство создаёт эпохальные мегапроекты развития, каковые не потянуть ни одной частной корпорации, а частники подхватывают множество технологий, рождающих

ся при воплощении мегапроекта, делая из них коммерческие «конфетки». Вспомним, как СССР, первым в мире создав мобильные телефоны (1959 г., Куприянович) или спутник связи («Молния-1», 1965 г.), отдал дело развития их другим, лишив себя колоссальных влияния, власти, богатств.

Но мы обретём и большее: способность управленцев Сверхновой России смело конструировать Будущее и воплощать те проекты, за которые не брался ещё никто другой в мире.

При этом так называемые «силовики», везде готовые возбуждать уголовные дела по поводу кражи государственных денег (что совершенно не спасает нынешнюю РФ от чудовищного воровства), получают поворот от ворот футурополисов. В пионерных проектах у нас будет право на ошибку. Ибо понятно, что если из нескольких проектов прорыва сработает один, он с лихвой окупит затраты на все прочие. Чтобы всё шло нормально, мы подберём в руководители предприятий и проектов пламенных энтузиастов своего дела, а не случайных «менеджеров» и сереньких чиновных крысочек. «Распилами»-то страдают именно они, а вот фанатики сами сдадут «органам» любого, кто воюет и грозит похоронить их мечту. Нормальный, состязательный суд — как ветвь власти — положит конец произволу «силовиков» в Сверхновой России.

Мы больше не допустим ошибок прошлого, когда ещё при Сталине произвол «органов» привёл, например, к физическому уничтожению ракетчиков Лангемака и Клеймёнова (РНИИ реактивного движения), к колымским страданиям Королёва. Мы не считаем нормальным то, что великий советский биолог, академик Лев Зильбер (1894–1966) дважды совершал научный подвиг: он остановил эпидемию чумы в Нагорном Карабахе в 1930-м и смог найти возбудителя страшного энцефалита — пресловутого клеща — в 1937-м.

И оба раза за ним приходили. Сперва его пытались обвинить в том, что он готовил заражение чумой всего Азербайджана. Но в 30-м от «органов» удалось отбиться. А в 37-м его всё-таки отправили в лагерь по бредовому обвинению в попытке заразить Москву энцефалитом через водопровод.

Зильберу повезло — его в 1944 году освободили, высоко оценили работу по природе раковых опухолей, сделали академиком медицинских наук и наградили Сталинской премией. А вот Клеймёнову и Лангемаку так не подфартило. Чёрт, отправили бы этих спецов экстра-класса хотя бы в шарашку!

Уничтожить гения и творца просто. Сложнее найти ему замену. Сие намного труднее, чем отыскать кандидата в генералы от госбезопасности, скажем. Мы больше не должны позволять всяким подлым мерзавцам получать от государства не только красивую форму и большое жалованье, но и чрезвычайные полномочия, и почти полную бесконтрольность, позволяя им получать чины, ордена и начальственные «пайки» за счёт выдумывания всяких там громких «дел». Пускай воров и уголовников ловят. И непременно доказывают вину подсудимых в настоящем суде, а не на его фарсовой имитации. Ибо иначе они сами отправятся за решётку.

Вопрос весьма актуален. Почему сегодня парализована работа почти двух десятков так называемых институтов развития в РФ? Почему они за 12 с лишним лет (к моменту, когда пишутся эти строки) так и не создали ничего принципиально нового, дотоле в мире невиданного? Почему все эти сколковы и роснано только либо встраиваются в чужие проекты на правах поставщиков некоторых составляющих, либо просто копируют заграничные достижения? Но не могут, образно говоря, создать своего прорывного конечного продукта, подобно «умнофону» 2009-го или персональному компьютеру 1981-го?

Да очень просто: управляющим всеми этими институтами развития не хочется рисковать. Ибо если к ним придёт безумный творец и что-то не выйдёт в итоге, их схватят «силовики» и состряпают дело о растрате казённых миллиардов. Поэтому гораздо безопаснее просто копировать западное: там-то уже рискнули, проверили и попробовали. За это точно никто в тюрьму не посадит.

То же самое наблюдалось, увы, и при Сталине. Да, тогда начальство отвечало за порученное ему дело не просто свободой, но и головой. В итоге уже сталинские чиновники отказывались начинать что-то прорывное, в мире ещё аналогов не имеющее, предпочитая копировать западные технику и технологии. Право дело, ну зачем рисковать жизнью, если можно просто следовать за США, Германией или Францией, где уже всё проверили? За это точно ни на Колыму не сошлют, ни к стенке не поставят. А с этими безумными изобретателями как пить дать загремишь на нары. (Чтобы убедиться в том, что проблема утраты самой способности СССР быть лидером научно-технического развития проявилась уже при Сталине, достаточно познакомиться с историей опалы физика Капицы-старшего. Ведь он призывал не копировать немецкую технологию получения кислорода из атмосферного воздуха, а развивать свою, турбодетандерную, на тот момент уникальную.)

В итоге Советский Союз стал на траекторию «вечно догоняющего и запрограммированно отстающего». Что в полной мере относится к нынешней РФ.

Больше такого быть не должно. Первенство получают учёные-поэты. «Фантасты» в погонах, любящие ломать чужие судьбы, уйдут в прошлое. Тогда мы и воспарим. Тогда и начнёт возникать Страна-Иное, альтернатива вырождению и миру тиктокером.

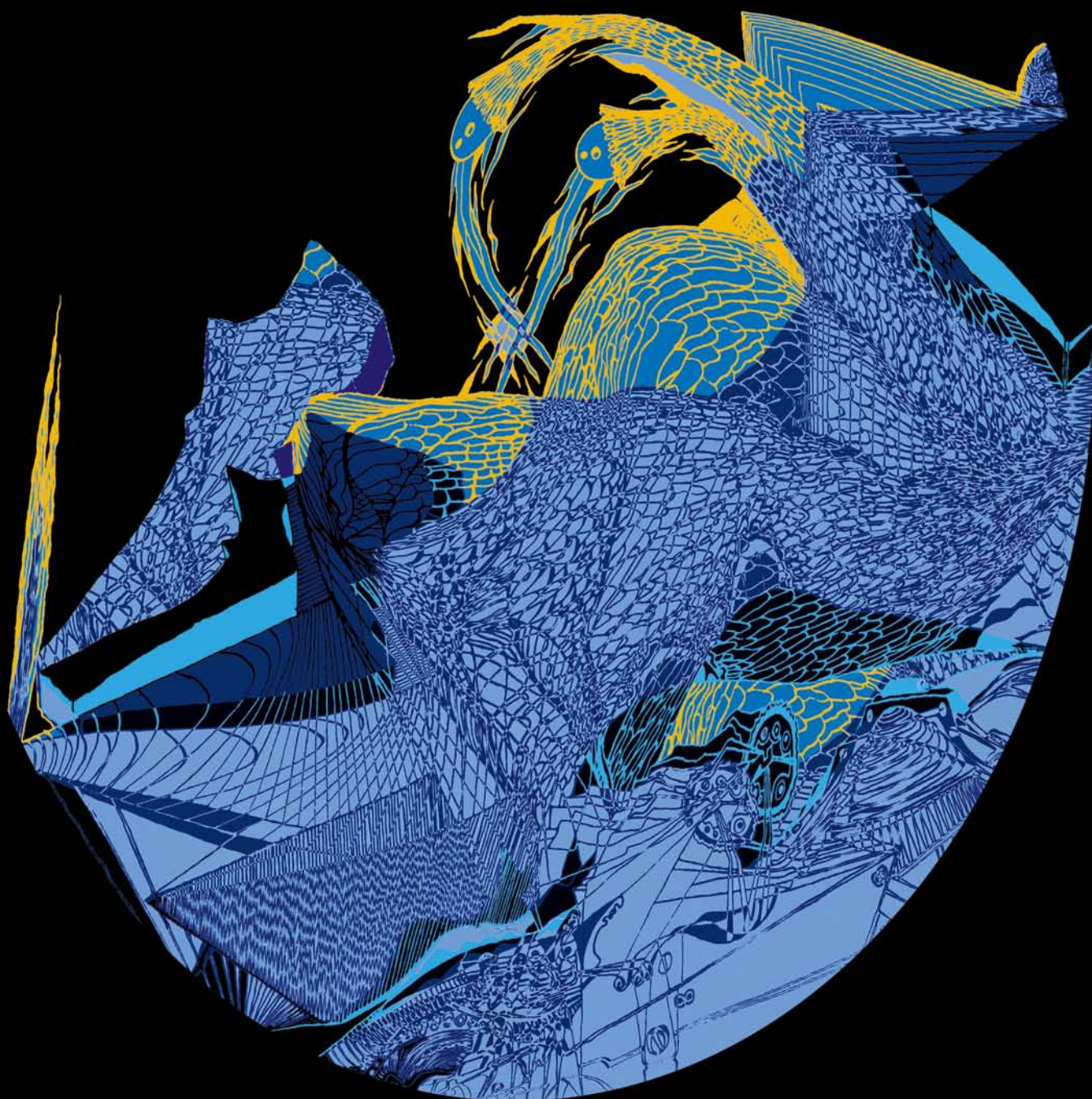
(Продолжение следует)

/ Шамиль СУЛТАНОВ /

«Я – суть, я не имею места...»

*Твоя жизнь – странные световидные, переплетённые
паутины предопределённых тебе испытаний.*

Противоположности всегда относительны: день и ночь, жизнь и смерть, рай и ад, вверх и вниз, будущее и прошлое, внешний индивид и «внутренний человек»... Тем не менее они способны поразительно вдохновлять — своей безбрежной, креативной неопределённостью. Представьте себе, например, совершенно безграничный океан неизвестности между бесконечным будущим и бесконечным прошлым! А какой гигантский творческий потенциал кроется между ярчайшими вершинамирая и сумрачными глубинами ада!

Есть математические модели, которые доказывают, что за всё время существования рода *Homo sapiens* на планете Земля в совокупности прожили и проживают (включая и настоящее время) 107 миллиардов человек.

Если округлить, будет 100 миллиардов. И что от них осталось? Ничего! Или всё же что-то осталось?

Каждый из этих 100 миллиардов ежедневно, без перерыва и отдыха, испражнялся — и так, и так. Предположим, что объём ежедневных испражнений на каждую такую человеческую особь составлял (составляет) по минимуму, например, 1 килограмм. Следовательно, за год это 365 килограммов. Округлим и эту цифру, пусть будет 350 килограммов.

Предположим, что каждый такой человеческий индивид проживал в среднем 40 лет. Кто-то умирал в детстве, кто-то в бесконечных войнах, кто-то от болезней и в эпидемиях, а кто-то от наркотиков и по пьяни — в пещерах и притонах, сугробах и подъездах...

Итого всего за 40 лет каждая такая человеческая тварь (или человеческое творение) оставляла за собой на поверхности нашей прекрасной голубой планеты 14 тысяч килограммов испражнений. Четырнадцать тонн органических удобрений.

Кого-то это может задеть. Почему так мало? Согласен, возможно, это не 14, а 25, или 40, а может, даже 60 тонн.

Вот жило такое человеческое, постоянно испражняющееся тело, порой с любовью, часто — с гордостью, смотрело на себя в зеркало и видело там «особого», «неповторимого», «красивого» и «умного»... Самого себя. А потом раз... — и после него осталось всего лишь 14 тонн мочи и какашек. Или 25 тонн. Или даже 100 тонн.

А если взять ту круглую цифру в 100 миллиардов человеческих индивидов, то получится, что после всего этого неимоверного скопища, после всего этого т. н. «человечества» на сегодняшний день осталось 14 миллиардов тонн органических удобрений. А может, 50 миллиардов тонн...

Между прочим, масса планеты Земля — 5,97 умноженное на 10 в 24-й степени килограммов. И что для такой массы какие-то 50 миллиардов тонн!

А потому на самом деле, конечно, ничего не осталось! Всё уже давным-давно растворилось и исчезло на благо планетарного биоценоза. И никаких следов... от нескольких десятков миллиардов тонн органических удобрений...

И никаких следов... от 100 миллиардов людей...

Каждая телесно-человеческая особь рождается, живёт и умирает. Это очень банально, но это всё же так... Три неизбежных и хотя бы поэтому важнейших для обычного, видимого внешнего индивида события. При этом своего рождения никто, естественно, не помнит, а земная жизнь для очень и очень многих оказывается странным (или нелепым, или то и другое вместе) сном наяву. Но вот собственная неизбежная смерть представляется для кого-то загадочной, для многих — сильной и даже очень сильной болью, для большинства — страшной, болезненной, ужасной и парализующей... И только для очень некоторых, исключительных — действительно уникальной...

Но практически для всех сопряжена с подспудным ожиданием — что потом? Хотя какая, казалось бы, разница — 14, 25, 50 тонн?! ...Рождаются, живут и умирают. Потом проходит какой-то срок — год, десять, сто или тысяча лет — и органические удобрения полностью исчезают, навсегда растворяясь в безмолвной неизвестности голубой планеты Земля. Безвозвратно, совсем, навсегда. Время никого не любит и никого не ненавидит...

Кто помнит об этих 100 миллиардах людских творений? Или личностей. Или тварей. Или гнид. Их просто нет. И их как бы и не было вовсе. И о них никто и ничего не знает, никто не помнит и не вспомнит. И никто не узнает. Как сформулировал в похмельном забытии некий поэт (советский и антисоветский в одном флаконе):

*Уходят люди, их не вернуть.
Их тайные миры, увя, не возродит.
И каждый раз мне хочется опять
От этой невозвратности кричать.*

*Уходят люди, их не вернуть.
Их тайные миры, увя, не возродит.
И каждый раз мне хочется опять
От этой невозвратности кричать.*

*Уходят люди, их не вернуть.
Их тайные миры, увя, не возродит.
И каждый раз мне хочется опять
От этой невозвратности кричать.*

Уходят люди, их не вернуть.

Их тайные миры, увя, не возродит.

И каждый раз мне хочется опять

От этой невозвратности кричать.

Бессмысленность оказывается оглушительной, как удар кованым сапогом по уже лежащему в луже!

...Вроде бы никому не избежать смерти. Но сталкиваясь с этим трюизмом, каждый почти сразу же пытается это автоматически забыть, не вспоминать, просто отскочить... Некий правитель древней Индии Юдиштхира однажды сказал (и в «Махабхарате» это осталось зафиксированным): «Самая удивительная вещь в жизни — это то, что постоянно мы видим умирающих вокруг нас людей и всё-таки думаем, что сами никогда не умрём».

Этому высказыванию тысячи лет, но как оно свежо и почему-то совсем не банально...

Ежедневно сотни миллионов уставших от нескончаемых жизненных передряг, тяжело больных, престарелых и уже совсем дряхлых образчиков человеческого рода чувствуют, ощущают, переживают, видят мерное неотвратимое приближение смерти. Но даже они пытаются изо всех сил отбросить всё, что напоминает о неизбежно приближающемся конце. И всё это для того, чтобы избежать отвратительную удушашую серость всепожирающей боязни. Но этот страх никуда не исчезает, где-то подспудно, в неведомом «внутри» самого себя, становясь ещё более парализующе липким...

«...Каждое мгновение поток жизни колеблется, двигаясь навстречу смерти. Мы исчезаем так же быстро, как пузыри в луже дождя. Вновь и вновь нам надо размышлять об этом непостоянстве, помня о том, что у нас нет силы оставаться вечно, и нет уверенности в том, когда мы умрём... Мы можем осознавать непостоянство нашей человеческой жизни, размышляя о том, как дни, месяцы и годы непрерывно проходят, а мы приближаемся ближе и ближе к смерти... Рождение, болезнь, старость и смерть наступают одно за другим так же методично, как поворот колеса мельницы... Всем живым существам в этом мире суждено умереть...»

Но есть какой-то странный оптимистический парадокс в сопоставлении, сравнении жизни и смерти. При всём при том оказывается, что они совсем не антиподы, не противоположны друг другу, они настолько тесно взаимосвязаны, настолько переплетены, что их можно назвать даже своего рода близнецами. По-своему это очень даже красиво, изысканно, грациозно, прекрасно: вот поток твоей жизни, и тут же поток твоей смерти — и нечто удивительное, что таинственным образом их гармонизирует.

Человеческий телесный организм начинает жить совершенно неприметно в результате со-

единения случайных клеток. Через какое-то время исходная клетка будущего тела делится. Число живых клеток продолжает бурно возрастать в течение примерно первых 25 лет, достигая в совокупности около 90 триллионов клеток. А может, и больше.

Клетки непрерывно обновляются. Каждый день в биологическом организме видимого, привычного, внешнего индивида умирают окончательно и безвозвратно миллиарды клеток, причём каждая из них (каждая!) обладает своим индивидуальным, неповторимым сознанием. И почти столько же клеток появляется.

Вот так и оказывается, что на протяжении всего своего земного пути каждый внешний индивид на самом деле одновременно и существует, и умирает, барахтаясь и захлёбываясь одновременно и в потоке жизни, и в потоке смерти.

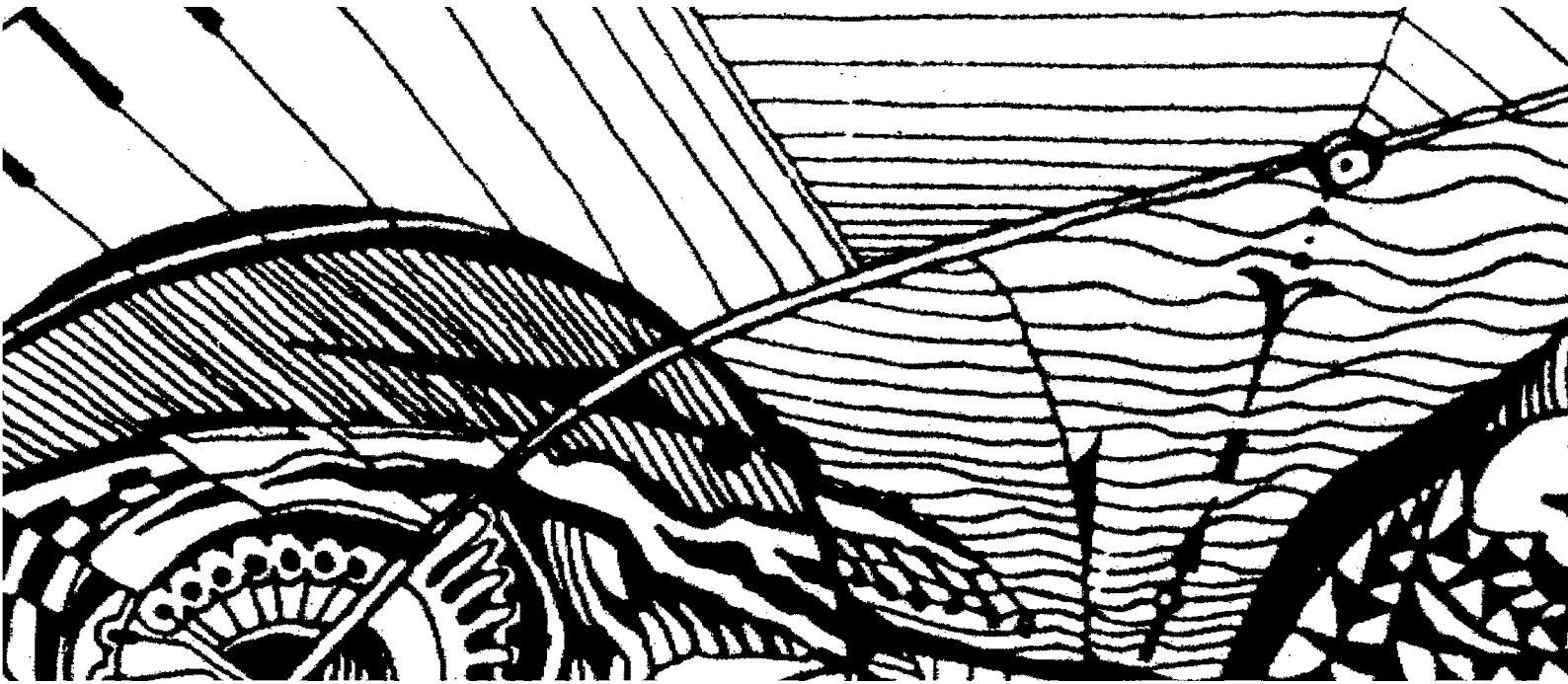
Окончательное превращение в будущее биодобро резко ускоряется после прекращения дыхания телесного организма. Клетки мозга, наиболее чувствительные к нехватке кислорода, начинают разлагаться одними из первых. Мозговая активность может достигнуть района нуля, вроде бы свидетельствуя о том, что тело уже мертво, а затем способно неожиданно подняться до уровня, сравнимого с состоянием полного бодрствования живого индивида, чтобы потом снова и окончательно упасть до нуля.

В этом удивительном бурном всплеске проявляется вдруг необъяснимая мрачная красота: в какой-то момент неожиданно очень большое количество умирающих нервных клеток — вот она, воля к жизни! — испускают импульсы совместно ещё один, на этот раз действительно последний раз. Апофеоз прощания!

Те, которых смогли вернуть к жизни после фиксации клинической смерти, рассказывают о «необычайном постсмертном свете» и сильных эмоциональных переживаниях. Они продолжали жить даже после того, как их сердце перестало биться, а мозговая активность была некоторое время близка к нулю.

Уже через каких-то 12–18 часов специфические пятна, возникающие из-за седиментации крови, достигают на трупе бывшего внешнего индивида своего максимального охвата. Но макрофаги, долгоживущие клетки иммунной системы, могут существовать и даже работать ещё сутки после официально зафиксированной кончины.

Несмотря на то что сердце прекратило биться, сердечные клапаны могут хорошо сохраниться,

так как в них есть клетки соединительной ткани, которые живут достаточно долго.

На определённой стадии разложения мёртвого тела начинают образовываться газы, которые становятся причиной странных и даже жутких звуков вроде стонов и сдавленного плача. Одновременно возникают грязно-зелёные трупные пятна. Они начинают распространяться с живота — из-за продолжающегося размножения бактерий, а затем распространяются по всему телу.

После двух-трёх недель мёртвые тела обычно уже крайне деформированы. Все трупы приобретают коричневато-зелёный цвет, на коже возникают наполненные жидкостью пузырьки, которые могут лопаться, а изо рта и ноздрей, тканей и мышц начинает вытекать жидкость.

Бывшие человеческие тела распухают и распространяют чудовищно неприятные, зловонные запахи. Это связано с прекращением окоченения, когда труп становится очень мягким: кожа, мышцы и органы уже существенно разложились, бактерии в них свободно размножаются, уничтожая его. А если в умершем человеческом организме была какая-то инфекция, то разложение ещё более ускоряется.

Тело, оставленное на природе, полностью исчезает за какой-то месяц, после того как там начинают хозяйничать бактерии и насекомые. В гробу тело обычно сохраняется гораздо дольше. Но иногда насекомые успевают отложить личинки, в том числе в отверстиях мёртвого тела — в глазах, в носу, во рту и анусе, прежде чем оно

оказывается в могиле. Это может случиться за какие-то сутки. Тогда они отправляются в гроб вместе с телом, ускоряя его разложение.

Через год, как правило, бывшие человеческие тела, лежащие в земле, уже полностью съедены бактериями, и после них остаются лишь кости. Но и это зависит от условий — например, насколько влажно или сухо было в земле и гробу.

Обычно в воде мёртвое тело сохраняется гораздо дольше, чем в земле. В водной среде в нём происходит образование так называемого жировоска, из-за чего оно становится твёрдым и обретает мыльную консистенцию, что неблагоприятно для размножения бактерий.

Скелеты чаще всего истлевают в могиле в течение 50-летнего периода. Иногда дольше. При очень благоприятных условиях бывшие человеческие кости сохраняются даже тысячи лет.

...Правда, непонятно зачем!

Для чего в конечном счёте? Каков же смысл этого сборища будущих неизбежных трупов под высокопарно напыщенным названием «человечество»? Или этого отдельного индивида? Какого индивида? Где он есть? Покажите мне его! Что от него осталось или останется? А был ли он вообще или просто приснился? Самому себе?

Сто миллиардов отдельных смыслов жизни? А может быть, скорее 100 миллиардов совершенно бессмысленных теней?

...Великий певец creedence clear water revival Максим Горький, взирая спокойно на быдло,

бесстыдно заполонившее планету, написал задорную коллективную эпитафию:

*А вы на земле проживёте,
Как черви слепые живут:
Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!*

Естественно, и нынешняя, как бы продолжающая существовать порода человеческих особей (или тварей, или гнид, потому что все они обязательно сгниют) — трусливая, непрерывно вонючая (несмотря на наличие ванн и горячей воды), бесконечно внешняя, миллионы раз отдрессированная и продолжающая непрерывно дрессироваться — также обречена и обязательно исчезнет.

Причём обречена двояко.

Эти внешние люди (творения, твари или гниды, кому как нравится) — своего рода раковые клетки Матери-Земли, которые непрерывно, всё более расширяющимся потоком метастазируют в теле живой планеты. И эта нынешняя суицидальная цивилизация неотвратно исчезнет, как погибали и другие цивилизации т.н. «человечества», от которых ничего не осталось.

Но нынешняя порода людей обречена и в ином, более изощрённом значении. У этого скопища внешних индивидов, всех этих скучных миллиардов уже сегодня гниющих человеческих тел или будущих миллиардов тонн органических

удобрений совершенно нет никакой — даже для себя — причины для своего существования. Они не знают и очень часто просто и не хотят знать ответа на невероятно сложный вопрос: «А зачем вообще жить, если...?» Следовательно, эти миллиарды вроде бы людей в принципе могут уже считаться несуществующими. Их просто нет! Они лишь случайны! Они только видят сон, где им кажется, что существуют...

...Сумрачная безлюдная улочка с тоскливыми одинокими фонарями. Тускло-холодный приозёрный осенний дождь, который равнодушно, безжалостно тянет в давно исчезнувшее, но по-прежнему тёплое прошлое. Он лежит в жарко натопленной комнатёнке, с взлохмаченными, немытыми волосами, осунувшимся лицом, запавшими безумными глазами. Тошнотворный, невыносимый запах неизлечимой болезни плоти и души... А он продолжает беззвучно бормотать самому себе, словно творит бесконечную молитву: «Человек есть нечто, что должно превозмочь...»

...А потому всегда и есть другие. Их называют по-разному: «совершенный человек» (инсан аль-камил), святой, сверхчеловек, богоподобный, «внутренний человек», харизматик...

Но их мало, их всегда мало. Пророк Мухаммад однажды сказал: «Из ста мусульман только один спасётся». Есть гораздо более жёсткий вариант этого хадиса: «Из каждой тысячи (всех) верующих только один попадёт в рай».

Существует огромное количество различий между личностью, которая есть потенциально только органическое удобрение, и личностью, которая потенциально есть сверхчеловек. Но важнейшим, исключительным является то, что «совершенный человек» знает смысл своей, именно собственной неповторимой жизни. И он не просто тривиально *знает*. Для него это есть некая совершенная уверенность, исходная, важная точка просветления, точка неповторимой трансмутации, после которой уже всё будет иначе... И вот тогда он задаётся вопросом: «Сошёл ли я с ума или все остальные?» И тут же он твёрдо говорит себе: «Нет, все остальные!»

На самом деле безусловным условием действительного существования любого индивидуального Ното *сариенс* изначально является поиск ответа на заложенный в глубинах его природы мучительный вопрос: «Для чего именно я существую? В чём смысл *именно моей* жизни?»

Огромное большинство людей, из каждой ста — 99, а скорее из каждой тысячи — 999, стремясь избежать любой ценой этой мучительной экзистенциальной боли, рано или поздно, и скорее рано, чем поздно, стремятся напрочь забыть об этой загадке, чтобы комфортно «жить как все», «поступать как все», «думать как все». Так начинается драматическое превращение индивида в органическое удобрение!

Когда глубинное, сокровенное стремление к сути своей единственной земной жизни перестаёт даже ощущаться, истончается, испаряется, растворяется в потоке страшного неопределённого нечто, тогда возникают многочисленные гнетущие фрустрации, вызываемые ощущением, переживанием, осознанием удушающей, непрерывно ужасающей бессмысленности индивидуального существования.

Когда ещё как-то сохранившиеся традиции, предания, «картины мира», концепты, теории и идеологии, скучно и навязчиво объясняющие, «что такое хорошо и что такое плохо», постепенно деградируют и умирают; когда неизмеримо тяжело становится искренне ответить самому себе «зачем и для чего я здесь?»; когда «абсолютные истины» перестают убеждать в своей непогрешимости, вот тогда возникает, вспыхивает сладковато-гнилостный «синдром самоубийцы»: теряется ощущение внутренней личностной целостности, пронзительная алогичность и неопределённость всего окружающего становится всепроникающей, начинается неукротимое падение в суицидальное будущее:

растёт количество пьяниц и алкоголиков, наркоманов, неврозов и невротических заболеваний, расширяются масштабы разнообразных форм девиантного поведения...

Самоубийство — прямое следствие торможения инстинкта цели, исчезновения осмысленности существования. А потому-то абсолютное большинство предсмертных записок самоубийц имеет очень похожий рефрен: жизнь стала совершенно бессмысленной и бесцельной.

Не зная ни того, что они могут делать, ни того, что они должны делать, люди как потенциальные биоудобрения часто «забывают», чего, по сути дела, они хотят. В конечном счёте оказывается, что они либо хотят того, что делают другие, либо делают то, что хотят другие.

Драматический водораздел ты пересекаешь тогда, когда постепенно, мучительно начинаешь понимать, что не можешь найти суть своей жизни на основании чего-либо уже твёрдо установленного. Тогда и только тогда появляется шанс начать поиск своего, неповторимого смысла.

Тот, который выбирает «не как все», уходит в постепенное осознание своей «единственной миссии» и потом явственно, зримо начинает ощущать, переживать величайшую реальность «я есть».

Но это совсем не предел. Для «совершенного человека» вообще не может быть пределов! После переживания величайшей радости «я есть» будет и другая реальность, а затем и нечто иное... А потому и оказывается, что... преодолевший все бесполезные мысли называется безмолвным созерцателем. И он, созерцатель безмолвный, не возникает более, не возвращается более.

...Когда ты сталкиваешься со своим неповторимым смыслом жизни, он оказывается не только единственным, но прежде всего и исключительно твоим. И потом вдруг ты становишься способным обнаружить отражение, тени этой сути и у человечества, и у разных цивилизаций, и у государств, и у народов, наций, племён, корпораций, партий, банд, любых других людских скопищ...

Как разглядеть, как распознать различия между тем, кто преодолевает в себе «человеческое, слишком человеческое», прорываясь к своему «внутреннему человеку», и тем, кто с неосознаваемым упорством (вездесущий комплекс Танатоса) желает — наконец-то! — превратиться в органическое удобрение? Притом что каждый свободно выбирает свой путь — или вверх, или вниз.

Изначально есть четыре принципиальных различия. Потенциальный сверхчеловек непрерывно сосредоточен на раскрытии и выполнении своей жизненной сути. И он осознаёт, что он может это сделать только на пути испытаний. И он осознаёт, что после каждого испытания он изменяется. И одним из самых важных таких испытаний является его смерть.

У будущего биоудобрения нет никакого интереса к своему смыслу жизни, потому что он всегда «как все». Любое испытание для него — это дискомфорт, стресс, несчастье, катастрофа. Его личная смерть — это просто невысказанное.

Твой жизненный путь — не череда случайных приобретений и потерь, неожиданных успехов и неудач, событий как бы счастливых и несчастливых, а прежде всего таинственная, непредсказуемая цепь взаимосвязанных особых испытаний. Каждая индивидуальная жизнь есть непрерывная мозаика комбинаций испытаний: обыденных и загадочных, простых и чудовищно сложных, вроде бы понятных и очень странных, героических и каждодневных. И никакое твоё испытание не является пустым и бессодержательным на пути открытия сути именно своей, неповторимой земной жизни.

...И вот словно чуть слышимые, медленные, как бы напряжённые слова доносятся отовсюду: «Сотворил Он мир сей ради того, что последует

«Ты рождаешься, взрослеешь, учишься, работаешь, борешься, проживаешь годы и десятилетия, стареешь и умираешь вовсе не для того, чтобы добиться некоего идеала счастья, или превратиться в богатого или очень богатого, или стать очень известным и великим, написать гениальную книгу, или величайшую симфонию, или снять грандиозный фильм, или стать лидером, чтобы показать путь миллионам жаждущим, или... Нет, ты рождаешься и умираешь, чтобы пройти тысячи или десятки тысяч испытаний, иногда потрясающих, но чаще всего вовсе незаметных, в результате которых ты получишь только тебе предназначенный изумительный букет неповторимого опыта личностного осознания...»

за Ним, и представил на испытание его обитателей, дабы распознать, кто из них лучше деяниями. Мы же не для мира сего созданы, не к нему стремиться нам приказано, но, по истине, помещены мы в него, чтобы быть Им испытанным. Сей мир есть обитель испытания».

Если твой жизненный путь становится целостной цепью предназначенных только тебе, искренне переживаемых тобою испытаний, тогда и поток личностного умирания ты сможешь обязательно увидеть именно как предназначенное удивительное испытание-приключение только для твоего неповторимого индивидуального сознания, а не как некую неотвратимую вселенскую катастрофу.

Жизнь конкретного творения, или твари, или индивида — непрерывный поток испытаний, которые либо осознаются, либо не осознаются, либо переживаются только частично и искажённо.

Каждое событие, даже самое незначительное, может стать творческим испытанием, если ты оказываешься способным осознать его именно как то, что способно изменить тебя. И тогда оно становится твоим учителем.

Именно испытания сплетают почти невидимую, но сплошную ткань осознаваемой жизни, именно они придают твоей земной жизни целостность и целенаправленность.

Ты на самом деле живёшь ради получения именно своего уникального опыта одинокого, творческого осознания, постоянно оказываясь в потоке непрерывных обязательных предопределённых испытаний. И именно потому они требуют, чтобы ты сопротивлялся и боролся, боролся яростно и мужественно, прилагая усилия и сверхусилия. Если ты будешь делать это искренне, то рано или поздно увидишь:

«Ты рождаешься, взрослеешь, учишься, работаешь, борешься, проживаешь годы и десятилетия, стареешь и умираешь вовсе не для того, чтобы добиться некоего идеала счастья, или превратиться в богатого или очень богатого, или стать очень известным и великим, написать гениальную книгу или величайшую симфонию, или снять грандиозный фильм, или стать лидером, чтобы показать путь миллионам жаждущим, или... Нет, ты рождаешься и умираешь, чтобы пройти тысячи или десятки тысяч испытаний, иногда потрясающих, но чаще всего вовсе незаметных, в результате которых ты получишь только тебе предназначенный изумительный букет неповторимого опыта личностного осознания. Такие испытания становятся совершенными только тогда, когда ты

переживаешь их всегда по-иному, когда они приводят именно к новому осознанию, которое ты ранее не испытывал, когда они стимулируют новый творческий опыт восприятия и переживания, когда они постепенно или резко переформируют тебя».

И вот тогда смысл твоего неслучайного, уникального жизненного пути начинает ещё более зримо проявляться, выступая как нечто мощное и изначальное из загадочной сети твоих многочисленных жизненных событий. Твоя жизнь — странные световидные, переплетённые паутины предопределённых тебе испытаний.

Если ты способен *видеть*, то в этих испытаниях высвечиваются блики и тени твоих прошлых жизней, смутно проявляются на мгновение, а потом исчезают некие направления и в этой жизни, и в других будущих жизнях.

Эти магические испытания (а самая большая магия — сама жизнь) тебя ведут, если ты их понимаешь и принимаешь или хотя бы им не сопротивляешься.

Твоя «особость» — это прежде всего уникальность твоих личностных испытаний и неповторимость их спонтанной конфигурации в твоей бесконечно одинокой жизни. В конечном счёте цель всего — добиться совершенного осознания опыта своей непохожести, когда ты сможешь в полной мере бурно пережить где-то затаённое, но по-прежнему **чистое и пронзительное чувство «я есть»**. И возможно, это станет только толчком к свободному углублению внутренней

реальности «я есть», притом что на самом деле никакого «я» там нет.

Даже, казалось бы, незначительные, каждодневные, вроде бы привычные испытания несут в себе особый смысл. Здесь кристаллизуется бескомпромиссный вызов: ты можешь, как биоробот, реагировать на них «как всегда», всё больше и больше закрепляя автоматизм своего поведения. Либо ты будешь воспринимать даже самые тривиальные испытания как повторяющиеся указания на постоянную необходимость «учиться как учиться». И тогда через некоторое время ты поймёшь, что ничего банального там нет и что они так же креативны, как и драматические события-испытания.

В действительности ты не можешь научиться большему, пока не способен учиться большему.

Если же ты вообще перестал «учиться как учиться», то попробуй во сне посмотреть внимательно на себя в зеркале; если ты там себя не увидишь, возможно, ты уже умер и тебя просто забыли похоронить!

Все секреты и сокровенные тайны нашей вероятностной, как бы квантовой реальности были заложены когда-то — давным-давно — в величайшей провидческой формуле-провокации — «иди туда, не знаю куда». Самое необычное — именно первый шаг во всегда поразительную Неопределённость. А потом эта странная невидимая дорога сама начнёт

открывать новые десятки, сотни сумрачных, куда-то зовущих, радостно скачущих тропинок.

...И да, ты всё равно умрёшь, но умрёшь улыбаясь, — искренне, совсем не притворяясь...

Каждого внешнего человека с самого раннего детства учат играть различные социально-психологические роли. Они, эти игры, прелестны и восхитительны тем, что объединяют и совмещают два важнейших сокровенных, но противоположных компонента — спонтанную свободу, которая прорывается от глубинного ощущения «я есть», и стремления, вытекающего из земной воли к жизни, — чему-то научиться, подражая и повторяя, повторяя и подражая.

Потом проходит время, и почти каждый ребёнок привыкает, втягивается и начинает учиться и играть самостоятельно. Но при этом ощущение, восприятие спонтанности внутренней свободы незаметно, исподволь куда-то исчезает. На место легкокрылой прелестной бабочки «я есть» приходит мерная, тоскливая поступь тяжёлого умирающего бронтозавра «я должен». Например, «я должен выживать». И вопрос «зачем?» при этой одномерной суровости не возникает.

Все эти разнообразные, многоликие приятные и не очень роли объединяет одна общая жёсткая, хитроумная и коварная особенность: они все учат необходимости подражать, подражать и подражать каждую минуту, каждый час, каждый день, чтобы оставаться как все, учат тому, как не быть самим собой, учат забывать «я есть».

А потому только в самом раннем возрасте, когда ты ещё не способен произносить слова, и уже на закате земной жизни, перед окончательным уходом в действительность органических удобрений, когда уже совсем не хочется говорить, ты устало чувствуешь ноющую острую тоску по самому себе — уникальному и настоящему, который, судя по всему, так навсегда и остался в той единственной реальности — за горизонтом жизни и смерти.

Подражая, повторяясь, забавляясь и заигрываясь, затрачивая минуты, часы, месяцы и годы, ты, даже не осознавая этого, ставишь на кон свою собственную единственность, свою одинокость, свою неповторимость. А потом ты обязательно проиграешь! А проиграв, просто исчезнешь... Такова извечная судьба органических удобрений!

Но при этом у каждого всё же есть шанс — найти предназначенную только тебе, исключительно свою родную тропинку земной жизни. Но здесь не должно быть никаких слёз, соплей и воплей: чтобы пройти свой единственный путь, потребуются воля, мужество, но прежде всего — доверие к самому себе.

По мере того как ты будешь всё больше и больше открывать и *видеть* свою странную непохожесть и неповторимость как нечто чрезвычайно существенное в своей сути жизни, ты одновременно сможешь начать осознавать ответственность за каждый свой поступок.

Хотя бы потому, что любой следующий поступок может оказаться последним в твоей

здешней жизни, а потому именно в нём может скрываться последняя, самая важная для тебя загадка-указание.

Нет никакой необходимости проявлять интерес к смыслу жизни человека вообще. Ибо нет никакого «человека вообще». Так же, как и не нужно заниматься выявлением сути жизни некоего родового человека, или жизни близких, или жизни великих, или жизни самых гнусных представителей той или иной группы, того или иного сообщества, народа, нации, государства — всего некоего абстрактного человечества, которого то ли не было, то ли нет!

По-настоящему имеет смысл только стремление увидеть неповторимую суть именно своей конкретной жизни.

Но вселенская трагедия, предельный по своему драматизму вызов, искренняя боль в том, что ты никогда не сможешь полностью, окончательно узнать суть своей земной жизни, ты можешь только *осознавать!*

...И почему это совсем не нужно разным сообществам, институтам и большим структурам — государствам, культурам, корпорациям, кланам и прочим бандам? Может быть, потому, что без такого явно выраженного стремления к осознанию смысла своей жизни все остальные желания, стремления и цели оказываются пустыми, эфемерными, исключительно ничтожными? И действительно, если ты нагло хочешь знать этот свой смысл, то, следовательно, уже претендуешь на то, чтобы перестать быть золотистой мухой на мутном стекле, жёлтым тараканом на радужной кухне, интригующей программой уже обусловленной и непрерывно обуславливаемой в блестящем компе.

«...Мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять, или нет? Тварь ли я дрожащая, или право имею...»

Что же здесь прежде всего так мучает всё более страдающего от учащающихся эпилептических приступов Фёдора Михайловича? Только то, что с таким предельным вызовом сталкивается именно будущее органическое удобрение, но никак не неизвестный сверхчеловек, который просто спокойно перешагнёт Раскольникова.

Есть «знание», с одной стороны, а с другой — информация, Big Data, сведения, данные...

«Знание», которое работает, есть всегда со-знание, совместное с кем-то знание. «Знание», которое работает, это не взаимоотношения «активного субъекта и пассивного объекта», а взаимоотношения «субъекта и субъекта, обладающих намерением». Более того, это одновременно огромное множество таких взаимодействующих взаимоотношений, целая Система!

Требование «знание должно работать!» предполагает, прежде всего, что функционирует вся эта невероятно огромная целенаправленная цепь-система. Но если ты не используешь знание, то цепь размыкается. И тогда именно ты будешь отвечать за это!

Одномоментно «знание как со-знание» способно работать, только изменяя тебя. Если же ты не изменяешься, то «знание» не работает. И вообще, тогда это не «знание».

Есть три существенных отличия «знания» от информации, данных, сведений...

Во-первых, в отличие от обобщённых, безличностных данных, сведений, информации, «знание» всегда глубоко индивидуально. Оно только для тебя и не для кого иного!

Во-вторых, «знание» — это то, что обязательно трансформирует тебя, переформатирует, трансмутирует... После встречи со «знанием» ты становишься другим. Хотя сначала можешь этого и не понять...

В-третьих, «знание» — это то, что обязательно должно работать! Информацию, сведения, новости, данные и т.д. можно копить, складывая в памяти, можно выбрасывать, обменивать, продавать, даже совершенно безболезненно забывать...

Но «знание» обязано работать! Если ты не используешь «знание», то оно обязательно убьёт тебя! И это никакая не метафора!

«Знание», которое работает, есть всегда со-знание, совместное с кем-то знание. «Знание», которое работает, это не взаимоотношения «активного субъекта и пассивного объекта», а взаимоотношения «субъекта и субъекта, обладающих намерением». Более того, это одновременно

огромное множество таких взаимодействующих взаимоотношений, целая Система!

Требование «знание должно работать!» предполагает, прежде всего, что функционирует вся эта невероятно огромная целенаправленная цепь-система. Но если ты не используешь знание, то цепь размыкается. И тогда именно ты будешь отвечать за это!

Одномоментно «знание как со-знание» способно работать, только изменяя тебя. Если же ты не изменяешься, то «знание» не работает. И вообще, тогда это не «знание».

Всегда и везде «знание как со-знание» обязательно требует в каждом конкретном случае своего особого метода. Можно даже предположить, что твоё обязательное изменение при взаимодействии со «знанием» происходит именно из-за острейшей необходимости поиска такого конкретного, уникального метода «здесь-и-сейчас».

И суть этого метода — спонтанные, тончайшие, прозрачные метафоры, нежные, почти неуловимые образы, едва мерцающие в сумерках пограничные отблески, которые и позволяют приблизиться к восприятию, переживанию и осознанию сверхсложного, невидимого, неопределённого и неопределимого...

А ведь смысл твоей конкретной, уникальной жизни и скрывается в таком сверхсложном, невидимом, неопределимом...

«Капля воды бесшумно скользит в сияющий тысячами солнц океан».

...Или...

«Океан света скрывается в капельке чистой воды».

...Или...

«Капля воды внезапно превращается в прекрасный океан в точке света».

...Или...

...Осенний день, но по-прежнему тепло и даже жарко. Халеб — один из древнейших торговых центров Ближнего Востока. На спокойном небе быстро и бесшумно скользят чуть встревоженные облака — то сплошь густые и плотные, то внезапно истончаются, и сквозь них прорываются яркие, ослепляющие лучи солнечного света.

На центральной площади великого города и окружающих его улочках собрались, как кажется, все его жители и приезжие — ремесленники, крестьяне со всей округи, торговцы с базара, ученики местных медресе, муллы и алимы... Пахнет жгучей ненавистью:

в пыльном густеющем воздухе именно эта пульсирующая ненависть, прожигающая насквозь, самозабвенно объединяет толпу. Нарастающие шум и гул постепенно превращает этих людей в некоего чудовищного монстра. Время от времени то там, то здесь раздаются громкие выкрики: «Астагфирулла», «Аузу билляхи мин-ан-шайтани раджим!» ...И все взгляды обращены на центр площади, где на каменной возвышенности лежит крепко привязанный к деревянному настилу человек лет пятидесяти.

Над ним наклонился палач с остро отточенным ножом в руках, а рядом, стоя, расположились несколько улемов в пышных разноцветных тюрбанах, которые неотрывно наблюдают за казнью.

...С лежащего человека живём снимают кожу...

Одна его нога уже представляет собой сплошную кровотокающую рану и непрерывную, всепоглощающую боль. Но человек даже не стонет. Хотя для завершающего, всепожирающего органа монструозной толпы не хватает именно его стонов.

Глаза чуть закатились. Губы едва дрожат, и никто не слышит то, что он *видит*:

В меня вместятся оба мира, но в этот мир

я не вмещусь.

Я — суть, я не имею места, и в бытие

я не вмещусь.

Всё то, что было, есть и будет, всё воплощается

во мне.

Не спрашивай! Иди за мною. Я в объясненья

не вмещусь.

Вселенная — мой предвозвестник, моё начало —

жизнь твоя,

Узнай меня по этим знакам, но я и в знаки

не вмещусь.

Поглубже загляни в мой образ и постарайся

смысл понять:

Являясь телом и душою, и в душу с телом

не вмещусь.

...И вот уже со второй ноги несчастного палач неторопливо и тщательно снимает целиком кожу. Постепенно оголяются мышцы, видно, как подрагивают почти прозрачные вены. Когда на трепещущие волокна мышц падает солнечный свет сквозь быстро летящие в небесах облака, кажется, они беззвучно плачут. Но стонов самого поэта по-прежнему не слышно.

Я — жемчуг, в раковине скрытый. Я — мост, ведущий
в ад и рай.
Так знайте, что с таким богатством я в лавки мира
не вмещусь.

Я — самый тайный клад всех кладов, я —
очевидность всех миров,
Я, драгоценностей источник, в моря и недра
не вмещусь.
Хоть я велик и необъятен, но я Адам, я человек,
Я — сотворение Вселенной, но в сотворенье
не вмещусь.

Все времена и все века — я. Душа и мир —
всё это — я,
Но разве никому не странно, что в них я тоже
не вмещусь?

Я — небосклон, я — все планеты
и Ангел откровенья я.
Держи язык свой за зубами, и в твой язык я
не вмещусь.

Когда у него начинают, подрезая ножом, снимать кожу с груди, он на несколько секунд, кажется, теряет сознание. Но нет, глаза вновь чуть приоткрываются, и он опять вглядывается в прекрасные легкокрылые облака, пропитанные светом. И не только солнечным. И вновь он уходит, чтобы раствориться в своей взмывающей вечной молитве:

Я — атом всех вещей, я — солнце, я — шесть
сторон твоей Земли,
Скорей смотри на ясный лик мой: я в эту ясность
не вмещусь.

Я — дерево в огне, я — камень, взлетевший в небеса.
Ты пламенем моим любуйся, я в это пламя не вмещусь.

Я — сладкий сон, луна и солнце. Дыханье, душу я даю,
Но даже в душу и дыханье весь целиком я не вмещусь.

Старик, я в то же время молод, я — лук
с тугою тетивой,
Я — власть, я — вечное богатство, но сам в века
я не вмещусь.

Палач поднял вверх двумя руками куски содранной с Насими кожи. Толпа чудовищно взревела. Но он был ещё жив, хотя чувствовал, как быстро несётся к нему его удивлённая смерть. Уже обессиленный и умирающий, он продолжал видеть...

...Один из стоящих рядом с обезображенным, кровоточащим телом улемов тихо, с ненавистью, прошипел ему: «Ты так и не покаялся. Вот потому-то так бледнеет твое лицо?» Насими собрал последние силы и прохрипел — не подневольному толпе чалмоносцу, а вечно юным небесам: «Я — солнце, взошедшее над горизонтом великой любви. Когда солнце совершает последний путь на запад, оно бледнеет».

Александр ПРОХАНОВ. Око Президента. Собрание романов. (Леонид. Господин Гексоген. Теплоход «Иосиф Бродский». Виртуоз. Время золотое) –

М.: Книжный мир, 2021. – 1392 с.

Собрание романов патриарха современной русской литературы Александра Проханова посвящено изломам новейшей истории России. Это пятикнижие включает как новый роман «Леонид», так и бестселлеры «Господин Гексоген», «Теплоход «Иосиф Бродский»», «Виртуоз», «Время золотое» и поражает сочетанием несочетаемого: в нём реализм нашей жизни столкнулся с мистикой незримого мира, и их переплетение озарило, как вспышка чёрной звезды, тайные пружины российского

закулисья, находившиеся во мраке. Герои романа – чёрные тени тех людей, которых мы ежедневно видим на экранах, о которых читаем в склизких, как разложившаяся плоть, новостях интернета. Но главный герой – Президент, его взгляд и его тень. Заговоры и интриги, олигархи и силовики, либералы и государственники. В этих произведениях действующие лица – российская элита, легко узнаваемая за ироничными псевдонимами. Некоторые совпадения случайны.

Юрий ПОЛЯКОВ. Засекреченное будущее. –

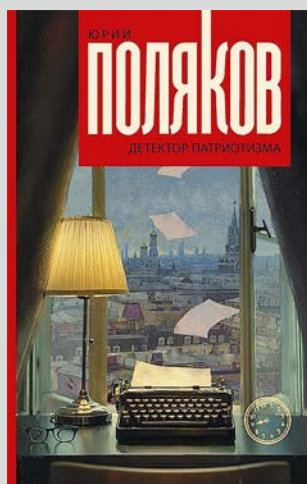
М.: Книжный мир, 2021. – 448 с.

Новой книге Юрия Полякова «Засекреченное будущее» можно дать подзаголовок «Хроника ковидного года»: почти все материалы сборника написаны в этот сложный и насыщенный период, когда обострились многие давно созревшие противоречия и обозначились новые конфликты. Один из самых ярких русских публицистов, автор даёт ясные и глубокие оценки всему тому, что происходит в нашей политике, общественной жизни, информационной сфере, культуре. И прогноз его аргументированно неутешителен: власть, балансируя между разнонаправленными силами, не осознаёт нарастающего отчуждения от общества, взыскующего, прежде всего, справедливого жизнеустройства и чёткого плана на будущее.

Ахиллесовой пятой власти по-прежнему остаётся отсутствие внятного футурологического проекта, когда никто не может объяснить, куда движется страна. Обо всём этом сказано, как всегда, точно, образно, афористично, с разящим поляковским сарказмом.

Сюрпризом для читателей станет раздел «Актуальные рифмы», куда автором включены новые стихи политической направленности, сочинённые в год коронавируса. Такие, например:

*Погляжу на Кремль – и та же мука.
И не ясен наш петлистый путь.
А суровый Минин поднял руку,
Чтобы, матерясь, на нас махнуть...*

Юрий ПОЛЯКОВ. Детектор патриотизма. –

М.: АСТ, 2021. – 608 с. (Серия «Любовь в эпоху перемен»)

Без преувеличения, известного русского писателя Юрия Полякова можно назвать ведущим публицистом современной России. Его статьи, появляясь на страницах центральной периодики, вот уже более 30 лет вызывают горячее одобрение одних и яростное неприятие других, но никого не оставляют равнодушными. Автор ярко, аргументированно, образно, с разящей иронией пишет о «десовестизации страны», о «вирусе нравственного дефицита», о «государственной недостаточности», о «молчании кремлят», о «проигранной Победе», о лезгинке на Лобном месте», о «бюджетном па-

триотизме», о «перелётной элите», о засилье «соросят» в нашей культуре... Из-за его статьи «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!» в октябре 1993 года власти закрывали «Комсомольскую правду». Публицистика Полякова – это страстная, волнующая летопись нашей недавней истории.

В 9-й том собрания сочинений вошли статьи разных лет (1988–2020). Впервые поклонники творчества «последнего советского писателя» смогут прочитать их в авторской, максимально острой версии – без купюр, сокращений и редакционной правки.

/ Михаил КИЛЬДЯШОВ /

Древо жизни

(новый цикл стихов)

1

Это дерево старше меня на три века,
Это дерево помнит моих прапрапра...
И не поднял никто на него топора,
Потому не боится оно человека.

Так прости же меня и моих сыновей:
Нам досталась эпоха великих дождей,
Под водою уже, говорят, вся Европа...
Как-то надо спастись во время потопа.

2

Ты мёрз в Шталаге в первый год войны,
Ты голодал, но никого не предал.
В твоих мученьях — мужество страны,
А в гибели — неизбежность Победы.

Я правнук твой. Во всём ищущ тепла,
Но никуда от холода не деться.
Чтоб жизнь твоя в крови моей текла,
Я так хочу помочь тебе согреться.

3

Мне часто в детстве снилось:
Мир словом озарён.
Прабабушка молилась
Сквозь тот волшебный сон:

«Мой аленький цветочек,
Не увядай, мой цвет.
Хотя б на пару строчек
Пролей лучистый свет».

4

Парное молоко не станет пить Младенец,
Прольёт его меж звёзд — родится Млечный путь.
И я к нему приду, вселенский чужеземец,
Чтоб жажду утолить и звёздный жар вдохнуть.

5

Светлый мой, даны тебе чернила.
Ясный мой, в твоих руках перо.
Для того звезда тебе светила,
Чтобы словом умножал добро.

Сколько строк молитвами по чёткам —
Столько в мир не пущено грехов.
Дивный отрок с ликом самым кротким,
Что же ты не записал стихов...

ОБ АВТОРЕ

КИЛЬДЯШОВ Михаил Александрович

Родился в 1986 г. в Костроме. Русский поэт, публицист, литературный критик. Кандидат филологических наук. Секретарь Союза писателей России, председатель Оренбургского отделения Изборского клуба. Постоянный член Изборского клуба. В 2014–2018 гг. был председателем Оренбургской писательской организации Союза писателей России. Автор книг «Ковчег», «Пассион», «Слово сохраняет

всё», «Александр Проханов — ловец истории». Стихи переведены на сербский, болгарский, венгерский языки.

Лауреат Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» (2006, 2019), Региональной литературной премии имени П.И. Рычкова (2008), IV Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (2013), литературной премии «Справедливой России» (2020).

6

Отчего ты говоришь притчами?
Отчего пускаешь слова в небо птицами?
Я поймаю в строку бела голубя —
Лишь бы всё любя, лишь бы всё любя.

7

А птицам не хватило сил
Достичь спасительного берега,
Но дух по небу прочертил
Маршрут для русского ковчега.

8

И пусть любая чаша не минует,
Когда меня в замершие уста
Небесным дуновеньем поцелует
Архангелу подобная мечта.

9

Распустила волосы любовь —
Промелькнули первые седины:
«Милый, милый, сердце приготовь
Ты к лихой, нерадостной године.

Тихий ангел, наш лучистый брат
Шар земной не удержал в ладони.
Так давай же этот райский сад
Сохраним хотя бы на иконе».

10

Кровавой сытые калиной,
Мы золотые видим сны
О том, что мы народ единый,
Единой матери сыны.

11

А поутру — молиться
Вслед золотому сну:
«Смешай же все языцы
В единую страну».

12

Не будет ни детского смеха,
Ни мудрых речей стариков
В том месте, откуда уехал,
Где прервана память веков.

Не будет ни дома, ни храма,
Не будет ни агнца, ни льва,
А только глубокая яма,
Страшнее расстрельного рва.

13

На берег выбросило рыб
И вместе с ними человеков,
Как будто целый мир погиб:
Ни скифов, ни славян, ни греков.

Придут в печали рыбаки,
В пустое море бросят мрежи:
— Вон, на воде следы, смотри!
— Я вижу... Только сам Он где же?

14

Безмолвный уходит в пустыню
На долгое время поста
И там прозревает вершину
И длинную тень от креста.

Он будет задумчив и кроток —
И агнец, и царь, и мудрец —
В деснице его вместо чётков
По кругу терновый венец.

15

Он, кажется, вот-вот сойдёт с креста,
И чудо в повседневность превратится,
И камень в хлеб насущный обратится,
И грешница окажется чиста,
И каждое зерно взойдёт на пашне,
Звезда коснётся Вавилонской башни.
Но лишь в свободе веры полнота.

16

Вот выносят Плащаницу,
И неспешной чередой
К ней подходят приложиться
Пушкин, Гоголь и Толстой.

Всё забылось из земного,
Всё дурное — суета.
И в ладони только слово,
Как заноза от креста.

17

Я видел Древо. Древо без греха.
Оно росло под недреманным оком,
Оно манило спелостью стиха,
Слова роняло, налитые соком.

Погибший дед и нерождённый брат
Сюда пришли, со мною были рядом,
И дед сказал: «Мы здесь затеем сад»,
И брат сказал: «Он станет райским садом».

